

Учредитель и издатель:

Пермский
государственный
национальный
исследовательский
университет

Адрес учредителя
и издателя:

614068, Россия,
г. Пермь, ул. Букирева, 15

Адрес редакции:

614068, Россия,
г. Пермь, ул. Букирева, 15,
юридический факультет

Тел. +7 (342) 239-62-75
E-mail: ex-jure@mail.ru
Http://ex-jure.psu.ru

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор).
Регистрационный номер
ПИ № ФС 77-73154
от 22 июня 2018 г.

Подписка на журнал
осуществляется онлайн
на сайте «Урал-пресс»
[https://www.ural-press.ru/
catalog/97266/8650364/?
sphphrase_id=396140](https://www.ural-press.ru/catalog/97266/8650364/?sphphrase_id=396140).
Подписной индекс 83987

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Голубцов Валерий Геннадьевич (председатель) – д. ю. н., профессор, профессор кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Габов Андрей Владимирович – д. ю. н., член-корреспондент Российской академии наук, Заслуженный юрист РФ, главный научный сотрудник сектора предпринимательского и корпоративного права Института государства и права РАН, г. Москва;

Головина Светлана Юрьевна – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой трудового права Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург;

Гонгало Бронислав Мичиславович – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой гражданского права Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург;

Вавилин Евгений Валерьевич – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой семейного и жилищного права Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина, г. Москва;

Ершова Инна Владимировна – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой предпринимательского права Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина, г. Москва;

Зайцев Владимир Васильевич – д. ю. н., профессор, профессор кафедры правового обеспечения рыночной экономики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Заслуженный юрист РФ, г. Москва;

Запольский Сергей Васильевич – д. ю. н., профессор, главный научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права РАН, Заслуженный юрист РФ, г. Москва;

Зуев Сергей Васильевич – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой правоохранительной деятельности и национальной безопасности Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск;

Кочев Владимир Александрович – д. ю. н., профессор, профессор кафедры административного и конституционного права Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Кузнецова Ольга Анатольевна (главный редактор) – д. ю. н., профессор, зам. декана по науке юридического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Тарханов Ильдар Абдулхакович – д. ю. н., профессор, профессор кафедры уголовного права, научный руководитель юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань;

Толстик Владимир Алексеевич – д. ю. н., профессор, начальник кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД РФ, г. Нижний Новгород.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Кузнецова Ольга Анатольевна (главный редактор) – д. ю. н., профессор, заместитель декана по науке юридического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Аристов Евгений Вячеславович – д. ю. н., профессор, профессор кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь

Безруков Сергей Сергеевич – д. ю. н., доцент, начальник отдела Научно-исследовательского центра по исследованию проблем расследования преступлений Всероссийского научно-исследовательского института МВД РФ, г. Москва;

Валеев Дамир Хамитович – д. ю. н., профессор, профессор кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь; заместитель декана юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань;

Васильева Юлия Валерьевна – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой трудового и международного права Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Каплунов Андрей Иванович – д. ю. н., профессор, руководитель научной школы «Административная и административно-процессуальная деятельность МВД России» Санкт-Петербургского университета МВД России, г. Санкт-Петербург;

Комиссарова Елена Генриховна – д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Липинский Дмитрий Анатольевич – д. ю. н., профессор, профессор кафедры «Конституционное и административное право» Тольяттинского государственного университета, г. Тольятти;

Лопашенко Наталья Александровна – д. ю. н., профессор, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов;

Матвеев Антон Геннадьевич – д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Незнамова Зинаида Александровна – д. ю. н., профессор, профессор кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург;

Пастухов Павел Сысоевич – д. ю. н., доцент, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Поляков Сергей Борисович – д. ю. н., профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Романовский Георгий Борисович – д. ю. н., профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса Средне-Волжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саранске, г. Саранск;

Стахов Александр Иванович – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой административного права и процесса Российского государственного университета правосудия, г. Москва.

Федорова Марина Юрьевна – д. ю. н., профессор, Советник Конституционного суда Российской Федерации, г. Санкт-Петербург

Quarterly Scientific
Magazine
Published since 2018

Ex jure

2025. № 4

Founder and publisher:
Perm State University

Address of the Founder,
Editorial Board:

15, Bukireva st., Perm,
Russia, 614068

Address of the Editorial
Staff and Editorial Office:

Faculty of Law,
15, Bukireva st., Perm,
Russia, 614068
Phon.+7 (342) 239-62-75
E-mail: ex-jure@mail.ru
Http://ex-jure.psu.ru

EDITORIAL BOARD

Golubtsov Valeriy Gennadyevich (Head of the Editorial Board) – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor in the Department of Business Law, Civil and Arbitration Procedure, Perm State University, Perm;

Gabov Andrey Vladimirovich – Doctor of Juridical Sciences, Corresponding Member of the Academy of Sciences of Russia, Honored Lawyer of the Russian Federation, Chief Researcher of the Business and Corporate Law Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences Moscow;

Golovina Svetlana Yurevna – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Labor Law, The Ural State Law University, Ekaterinburg;

Gongalo Bronislav Michislavovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Civil Law, The Ural State Law University, Ekaterinburg;

Vavilin Yevgeniy Valeryevich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Vice-Rector of Scientific Affairs, Head of the Department of Family and Housing Law, The Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow;

Yershova Inna Valentinovna – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Entrepreneurial Law, The Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow;

Zaitsev Vladimir Vasilievich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor in the Department of Legal Support of Market Economy, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Honored Lawyer of the Russian Federation, Moscow;

Zapolskiy Sergey Vasilievich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Chief Researcher of the Branch of Administrative Law and Administrative Procedure of the Institute of State and Law, the Russian Academy of Sciences, Honored Lawyer of the Russian Federation, Moscow;

Zuev Sergei Vasilevich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Law Enforcement and National Security, The South Ural State University, Chelyabinsk;

Kochev Vladimir Aleksandrovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Administrative and Constitutional Law, Perm State University, Perm;

Kuznetsova Olga Anatolyevna (Editor-in-Chief) – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Vice Dean for Scientific Affairs of the Law Faculty, Perm State University, Perm;

Tarkhanov Ildar Abdulhakovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor in the Department of Criminal Law, Research Supervisor of the Law Faculty, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan;

Tolstik Vladimir Alekseevich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Nizhny Novgorod Academy of the Interior Ministry of the Russian Federation, Nizhny Novgorod

EDITORIAL STAFF

Kuznetsova Olga Anatolyevna (Editor-in-Chief) – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Vice Dean for Scientific Affairs of the Law Faculty, Perm State University, Perm;

Aristov Evgeny Vyacheslavovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor in the Department of Business Law, Civil and Arbitration Process, Perm State University, Perm;

Bezrukov Sergey Sergeevich – Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of Division Research Center for the Study of Investigation of Crimes Issues Federal Public Establishment, National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, Moscow;

Valeev Damir Khamitovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor in the Department of Business Law, Civil and Arbitration Procedure, Perm State University, Perm; Vice Dean of the Law Faculty, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan;

Vasileva Yuliya Valerevna – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Labor and International Law, Perm State University, Perm;

Kaplunov Andrei Ivanovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Scientific School «Administrative and Administrative-Procedural Activity of the Ministry of Internal Affairs of Russia», Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint-Petersburg;

Komissarova Elena Genrikhovna – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor in the Department of Civil Law, Perm State University, Perm;

Lipinsky Dmitriy Anatolyevich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor in the Department of Constitutional and Administrative Law, Togliatti State University, Togliatti;

Lopashenko Natalya Aleksandrovna – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor of the Department of Criminal and Criminal Executive Law, Saratov State Law Academy, Saratov;

Matveev Anton Gennadievich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor in the Department of Civil Law, Perm State University, Perm;

Neznamova Zinaida Aleksandrovna – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Ural State Law University, Ekaterinburg;

Pastukhov Pavel Sysoevich – Doctor of Juridical Sciences, Professor in the Department of Criminal Procedure and Criminology, Perm State University, Perm;

Polyakov Sergei Borisovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Perm State University, Perm;

Romanovskiy Georgiy Borisovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor in the Department of Criminal Law and Procedure at the Middle Volga Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Saransk;

Stahov Aleksandr Ivanovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Administrative Law and Procedure, Russian State University of Justice, Moscow;

Fedorova Marina Yurevna – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Adviser of the Constitutional Court of the Russian Federation, Saint-Petersburg

СОДЕРЖАНИЕ

К 110-ЛЕТИЮ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Кочев В. А.

Основной научный труд
профессора Пермского университета И. М. Кислицына 7

Кузнецова О. А., Семешко А. И.

Двенадцать первых: профессор Пермского университета
Александр Михайлович Горовцев 23

Кузнецова О. А., Захаркина А. В.

Двенадцать первых: профессор Пермского университета
Николай Николаевич Фиолетов 53

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Шкаревский Д. Н.

Нормативно-правовое регулирование деятельности органов дознания
советских вооруженных сил в период Великой Отечественной войны 78

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Волченко О. Ю.

Правомочие доступа к правосудию в конструкции субъективного
конституционного права на судебную защиту 87

Худолей Д. М.

Консенсус как цель выборов 103

Худолей К. М.

Концепция верховенства права А. В. Дайси и ее значение 114

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Балмашнов Е. А.

Теоретическая ценность категории вторичных прав для российской
юридической науки 135

Соловых С. Ж., Лукьяненко В. Е.

Некоторые вопросы обеспечения баланса прав и интересов продавцов,
потребителей и агрегаторов цифровых платформ 148

Формакидов Д. А.

Общежития: понятие, назначение, виды 157

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Моругина Н. А.

Информационный обмен в уголовном судопроизводстве: трансформация
форм коммуникации и ее влияние на процесс доказывания 168

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Семешко А. И.

Соотношение норм международного, регионального международного
и национального права в регулировании отношений в сфере труда 182

ERRATA 197

Правила направления и опубликования научных статей в EX JURE 198

CONTENTS

TO THE 110TH ANNIVERSARY OF THE FOUNDATION OF THE LAW FACULTY AT PERM UNIVERSITY

<i>Kochev V. A.</i> The Main Scientific Publication by I.M. Kislitsyn, Professor at Perm State University	7
<i>Kuznetsova O. A., Semeshko A. I.</i> The First Twelve: Aleksandr M. Gorovtsev, Professor at Perm University	23
<i>Kuznetsova O. A., Zakharkina A. V.</i> The First Twelve: Nikolai Nikolaevich Fioletov, Professor at Perm University	53
THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES	
<i>Shkarevsky D. N.</i> The Legal Regulation of the Activity of the Soviet Armed Forces’ Bodies of Enquiry During the Great Patriotic War	78
PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES	
<i>Volchenko O. Yu.</i> Power of Access to Justice in Design Subjective Constitutional Right to Judicial Protection	87
<i>Khudoley D. M.</i> Consensus as the Goal of Elections	103
<i>Khudoley K. M.</i> The Concept of the Rule of Law by A. V. Dicey and Its Meaning	114
PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES	
<i>Balmashnov E. A.</i> The Theoretical Value of the Category of Second Rights for the Russian Legal Science	135
<i>Solovykh S. J., Lukyanenko V. E.</i> Some Issues are Ensuring a Balance Between the Rights and Interests of Sellers, Consumers, and Aggregators of Digital Platforms	148
<i>Formakidov D. A.</i> Dormitories: Concept, Purpose, Types	157
CRIMINAL LAW SCIENCES	
<i>Morugina N. A.</i> Information Exchange in Criminal Proceedings: the Transformation of Forms of Communication and Its Impact on the Proof Process	168
INTERNATIONAL LAW SCIENCES	
<i>Semeshko A. I.</i> The Relation Between the International, Regional International and National Law Norms in Labor Sphere Regulation	182
ERRATA	197
<i>Rules of Submission and Publication of Scientific Articles in EX JURE</i>	199

К 110-ЛЕТИЮ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

УДК 342

DOI: 10.17072/2619-0648-2025-4-7-22

Основной научный труд
профессора Пермского университета
И. М. Кислицына

В. А. Кочев

Доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры конституционного
и административного права

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: kochevvladimir@mail.ru

Аннотация: рассматривается основной научный труд профессора юридического факультета ПГНИУ И. М. Кислицына «Вопросы теории и практики федеративного строительства Союза ССР», изданный в 1969 году в Перми. Благодаря этой книге ученый стал широко известен научному сообществу всего Советского Союза, которое по достоинству оценило его теоретический вклад. Впервые в советской юридической науке всесторонне были исследованы: 1) вопросы происхождения советского государственного права; 2) государственно-правовые особенности федерализации внутри государственных отношений между советскими республиками, возникшими на территории бывшей Российской империи; 3) характер договорных отношений между Россией, Украиной, Белоруссией, Азербайджаном и Грузией до образования СССР.

© Кочев В. А., 2025

Эта работа распространяется по лицензии CC BY 4.0.
Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Ключевые слова: происхождение советского государственного права; учредительные акты Российской Советской Республики; конституирование федеративного государственного устройства; декреты съездов Советов; декреты ВЦИК; декреты СНК – Правительства РСФСР; директивные решения компартии большевиков

The Main Scientific Publication by I.M. Kislitsyn, Professor at Perm State University

V. A. Kochev

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

E-mail: kochevvladimir@mail.ru

Abstract: *the main scientific work of I. M. Kislitsyn, Professor of the Law Faculty of Perm State National Research University, “Questions of Theory and Practice of Federal Construction of the Union of Soviet Socialist Republics”, published in 1969 in Perm, is presented. Thanks to this book, the author became widely known to the scientific community of the entire Union of SSR, which appreciated her (the book’s) theoretical contribution. For the first time in the Soviet legal science comprehensively investigated: 1) questions of origin of the Soviet state law; 2) state-legal peculiarities of federalisation within the state relations between the Soviet republics that emerged on the territory of the former Russian Empire; 3) the nature of contractual relations between Russia, Ukraine, Belarus, Azerbaijan and Georgia before the formation of the USSR.*

Keywords: *origin of the Soviet state law; constituent acts of the Russian Soviet Republic; constitution of the federal state structure; Congresses of Soviets; decrees of the All-Russian Central Executive Committee; directive decisions of the Bolshevik Communist Party*

Среди ведущих преподавателей возрожденного в 1948 году юридического факультета Пермского государственного университета¹ и одним из семи «апостолов», составивших в это время его костяк², был кандидат юридических наук, профессор Иван Михайлович Кислицын.

Иван Михайлович пришел на юридический факультет в 1950 году и занимался научно-преподавательской деятельностью более полувека, вплоть до своей кончины

¹ Созданный в 1916 году в составе ПГУ юридический факультет был преобразован в 1922 году в общественный факультет и возобновил свою работу в изначальном виде только в 1948-м.

² В их числе доктора юридических наук А. А. Ушаков, Д. Н. Бахрах, кандидаты юридических наук Е. А. Голованова, Е. И. Коваленко, В. А. Похмелкин и А. В. Рыбин.

в ноябре 2016 года. В период работы он стал широко известен государствоведам всего Союза ССР благодаря лишь одной своей книге, изданной в городе Перми в 1969 году. По словам доктора юридических наук профессора С. А. Авакьяна, сказанным в личной беседе с автором статьи, «можно написать не один десяток книжек, но не иметь веса в научной среде, а можно написать одну книгу и стать известным всему научному сообществу и в России, и за ее пределами». И такой книгой для И. М. Кислицына стало его учебное пособие «Вопросы теории и практики федеративного строительства Союза ССР»³.

С момента издания основного научного труда И. М. Кислицына минуло 57 лет. За это время выросло без малого три поколения исследователей и ушли из жизни ученые – коллеги автора, знакомые с его работами, изданными в разные годы. Поэтому представляется уместным в юбилейный год 110-летия университета ознакомить читателя с основными научными положениями названной книги, ставшей сегодня раритетом и к тому же не утратившей своей теоретической значимости.

Суть исследовательской работы И. М. Кислицына состоит в том, что во второй половине XX века впервые в научной литературе автором был дан полный историографический анализ возникновения государственно-правовых отношений советских республик в рамках РСФСР до образования Союза Советских Социалистических Республик; выявлены причины и определены принципы создания советского федеративного государства (Союза ССР); раскрыт правовой статус СССР и рассмотрены основные направления развития союзных (федеративных) связей.

Ранее в советской науке было издано всего две книги, связанные с тематикой советского государственного строительства. Это коллективный авторский сборник «Очерки по истории органов советской государственной власти»⁴ и «Становление Российской Федерации» О. И. Чистякова⁵. Однако в этих работах вопросы, поставленные пермским ученым, либо вообще не рассматривались, как в первой из названных книг, либо затрагивались частично, как во второй. Полное же комплексное историографическое исследование федеративных связей на территории бывшей Российской империи было выполнено в конце 1960-х годов именно И. М. Кислицыным.

В настоящей статье будут затронуты не все обозначенные выше положения авторского исследования, а только те из них, которые связаны с возникновением сперва государственно-правовых основ, а затем особых федеративных отношений между Российской Советской Республикой (впоследствии – РСФСР) и советскими республиками на территории России. Этот период может быть условно разделен на три этапа.

1. *Происхождение советского государственного права.* В качестве наиболее важной черты рождающейся государственно-правовой субъектности в работе библиографически точно определяется ряд основополагающих факторов. Как верно

³ Кислицын И. М. Вопросы теории и практики федеративного строительства Союза ССР: учеб. пособие / Перм. гос. ун-т им. А. М. Горького. Пермь: [Б. и.], 1969.

⁴ Очерки по истории органов советской государственной власти: (материалы к изучению истории советского государства и права) / [С. Я. Голембо, И. И. Евтихийев, А. И. Лепешкин и др.]; Всесоюз. ин-т юрид. наук М-ва юстиции СССР. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1949.

⁵ Чистяков О. И. Становление Российской Федерации (1917–1922). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966.

подчеркивает И. М. Кислицын, вначале на территории бывшей Российской империи была учреждена Российская Советская Республика (РСР) и только после этого уже на территории учрежденной РСР возникли другие советские республики. В отношении последних в резолюции «О политике Совета Народных Комиссаров по национальному вопросу» III Всероссийского съезда Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов от 15 января 1918 г. был использован общий термин «Советские Республики России».

При этом интересно заметить, что в числе учредительных актов РСР автор рассматривает комплекс основополагающих юридических документов, включающих не только декреты и декларации, но и обращения органов советской власти России. Действительно, по-другому и быть не могло. Ведь РСР возникла на основе революционного «слома», а не действовавших до 1917 года конституционных актов, инкорпорированных в Свод Основных законов Российской империи 1906 года.

Среди первых учредительных документов в книге называются: 1) Обращение Военно-революционного комитета при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов 25 октября (7 ноября) 1917 г. «К гражданам России»; 2) Обращение II Всероссийского съезда Советов 25 октября (7 ноября) 1917 г. «Рабочим, солдатам и крестьянам!»; 3) Декрет II Всероссийского съезда Советов от 25 октября (7 ноября) 1917 г. «О власти»; 4) Обращение II Всероссийского съезда Советов 26 октября (8 ноября) 1917 г. «О полноте власти Советов»; 5) Декрет II Всероссийского съезда Советов от 26 октября (8 ноября) 1917 г. «Об учреждении Совета Народных Комиссаров»; 6) Декрет II Всероссийского съезда Советов от 26 октября (8 ноября) 1917 г. «О мире»; 7) Декрет II Всероссийского съезда Советов от 26 октября (8 ноября) 1917 г. «О земле»; 8) Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа III Всероссийского съезда Советов от 12 (25) января 1918 г.

В данном контексте не упомянута Декларация прав народов России от 2 (15) ноября 1917 г. Видимо, это произошло потому, что названный документ исходил от Совета народных комиссаров – правительства РСР, а не от высшего представительного органа государственной власти, каковым выступал Всероссийский съезд Советов. Вместе с тем положения Декларации безыменно представлены в книге в качестве принципов деятельности Совета народных комиссаров (СНК)⁶. Свидетельством этому служит утверждение автора, согласно которому признание учрежденной Российской Советской Республикой от имени ее правительства независимости возникших на ее территории государств – Финляндии, Украины, Белоруссии – было не межгосударственным признанием, а признанием самоопределения «соответствующей нации и образования ею своего независимого национального государства, его отделения от РСР». Констатация данного факта особенно примечательна, поскольку именно это определило характер последующих отношений РСР с «Советскими Республиками России» до образования Союза ССР.

При этом И. М. Кислицын обращает внимание на ряд фактов казуального порядка. Дело в том, что первой из «Советских Республик России» Украина была при-

⁶ Поэтому неслучайно в более поздних печатных трудах автора Декларация СНК 1917 года относится к числу учредительных актов.

знана Правительством РСР «еще до того, как фактически была провозглашена»⁷. И это действительно так, чему свидетельством постановление СНК от 4 (17) декабря 1917 г. «О признании Советом Народных Комиссаров Украинской Республики и о предъявленном Центральной Раде ультиматуме ввиду ее контрреволюционной деятельности», в котором было буквально определено: «...мы, Совет Народных Комиссаров, признаем народную Украинскую Республику, ее право совершенно отделиться от России или вступить в переговоры с Российской Республикой о федеративных и тому подобных взаимоотношениях между ними»⁸. Фактически же «Украинская Народная Республика» была провозглашена только 12 (25) декабря 1917 года I Всеукраинским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов с участием крестьянских депутатов⁹. Как видим, это произошло спустя восемь дней после принятия правительством РСР указанного постановления. Подобную казуальную нестыковку, по нашему мнению, можно объяснить перманентной революционной ломкой, состоящей из алгоритмов, которые зачастую носили спонтанный, а возможно, и превентивный характер.

И еще одно значимое обстоятельство, на которое указывает И. М. Кислицын в связи с провозглашением Украины народной республикой I Всеукраинским съездом Советов. Оно заключается в том, что Украина как национальное государство рассматривалась «федеративной частью Российской Республики». Заметим: Российская Советская Республика в это время еще не была провозглашена федеративной, а являлась единой, слитной (или унитарной). Самоучреждение Украины в качестве федеративной части РСР следует рассматривать как еще один государственно-правовой казус революционного времени.

Предвидя подобную интерпретацию, автор анализируемой работы предлагает рассматривать заявление I Всеукраинского съезда Советов о признании Украинской Народной Республики федеративной частью РСР в качестве предложения об установлении федеративных государственно-правовых отношений между Советской Украиной и Советской Россией как отношений целого (Россия) и его части (Украины). И это, скорее всего, действительно так, ибо Украина не мыслила себя в составе РСР как унитарного государства, о чем далее и говорит автор книги.

Приведенная интерпретация имеет принципиальное значение в деле выбора оптимальной формы территориального государственного устройства РСР с учетом того, что в этот период истории, как верно подчеркивает ученый, особенно сильно обозначилась тенденция либо полного разрыва рядом народов бывшей Российской империи государственно-правовых связей с РСР, либо их несогласия находиться в составе унитарного государства, каковым была РСР.

В ответ на данный вызов принимаются вполне адекватные и своевременные решения, открывающие другой этап формирования государственно-правовых основ РСР до образования Союза ССР.

⁷ Кислицын И. М. Указ. соч. С. 4.

⁸ История Советской Конституции (в документах). 1917–1956 / сост. А. А. Липатов, Н. Т. Савенков; предисл. и общ. ред. С. С. Студеникина. М.: Госюриздат, 1957. С. 74.

⁹ Там же. С. 82-89.

2. *Конституирование федеративного государственного устройства.* В книге подробно рассматриваются особенности отношений советских республик с Россией после провозглашения РСФСР. Учитывая сложившиеся социально-политические условия и исходя из решений Коммунистической партии большевиков о необходимости федерализации России, III Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов провозгласил, что «Советская Российская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация советских национальных республик»¹⁰. Данным решением была установлена новая – федеративная – форма государственно-территориального устройства Советской Российской Республики. С этого момента отношения на территории России выстраиваются в соответствии с учрежденной федеративной формой устройства РСР.

Одной из частей федеративной Российской Республики первой признала себя Украинская Республика. И об этом было прямо заявлено в Декларации ЦИК Советов Украины и делегатов от советских организаций Украины на IV Всероссийском Чрезвычайном съезде Советов от 16 марта 1918 г. А уже через четыре месяца, 10 июля 1918 года, принимается первая советская Конституция¹¹, в которой федерация советских национальных республик получает наименование «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика».

Согласно Конституции 1918 года в РСФСР учреждались автономные областные союзы, которые объединяли области, отличающиеся «особым бытом и национальным составом» (ст. 11 гл. V разд. II). В то же время в отношении советских республик Конституция РСФСР ограничивалась установлением лишь «коренных начал федерации». Республикам было предоставлено право самостоятельно решить вопрос, «желают ли они и на каких основаниях участвовать в федеральном правительстве и в остальных федеральных советских учреждениях» (ст. 8 гл. IV разд. I). Исходя из данного конституционного положения, ЦИК РСФСР 25 декабря 1918 года признает независимость советских республик Эстляндии, Латвии и Литвы, а 1 января 1919 года – Белорусской Республики.

Вышеописанные обстоятельства, как справедливо отмечает И. М. Кислицын, побудили Украинскую Республику пересмотреть свои федеративные отношения с Россией, основанные на том, что Украина признавала себя «федеративной частью Российской Республики» или «одной из частей Российской Федерации». Временное рабоче-крестьянское правительство Украины 26 января 1919 года поставило своей задачей «объединение Украинской Советской Республики с Советской Россией на началах социалистической федерации»¹². В декларации правительства от 26 января 1919 года указывалось, что формы социалистической федерации Украины и России будут установлены полномочными представителями на Всеукраинском съезде Советов. Этот новый подход к вопросу об отношениях с РСФСР был отражен в первой Кон-

¹⁰ Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных Советских Социалистических Республик в документах: сб. док. 1917–1936: в 3 т. Т. 1: Съезды Советов РСФСР и Автономных Республик РСФСР. 1917–1922 гг. М.: Госюриздат, 1959. С. 23.

¹¹ Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики: принята V Всерос. Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.

¹² История Советской Конституции (в документах)... С. 183.

ституции Украинской Социалистической Советской Республики от 10 марта 1919 года¹³, в которой нет даже и намек на то, что Украина является федеративной частью РСФСР или находится с последней в каких-либо государственно-правовых отношениях.

Наиболее сильно тенденция к федерализации отношений с РСФСР, подчеркивает И. М. Кислицын, проявилась в Белоруссии. За установление федеративных связей высказался 3 февраля 1919 года I Всебелорусский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Признав «необходимость... тесных экономических и политических связей со своим старшим братом – Советской Россией»¹⁴, съезд принял решение начать переговоры с Россией по установлению с ней федеративной связи. При этом он обратился ко всем братским независимым социалистическим республикам с предложением последовать примеру Белоруссии и приступить к переговорам об установлении федеративной связи с Советской Россией. И это было первое предложение о многостороннем федеративном договоре, которое исходило от Белорусской Республики. Как верно констатирует автор, такая инициатива имела огромное историческое значение. Неслучайно она нашла свое закрепление в Декрете Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 1 июня 1919 г. «Об объединении Советских Республик России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии для борьбы с мировым империализмом (далее – Декрет ВЦИК от 1 июня 1919 г.).

И. М. Кислицын точно определяет «директивные» партийно-государственные основы федеративных связей советских национальных республик в указанное время. В качестве этих основ прежде всего выступают решения Коммунистической партии большевиков. VIII съезд РКП(б) в программе своей партии записал, что партия выдвигает «как одну из переходных форм на пути к полному единству... федеративное объединение государств, организованных по советскому типу»¹⁵.

Конкретные формы организации совместной работы РСФСР и советских республик определялись условиями острого противостояния агрессии Запада и были закреплены в Декрете ВЦИК от 1 июня 1919 г. с согласия независимых советских республик. В условиях военного времени ВЦИК исходил из необходимости в первую очередь военного союза РСФСР и других советских республик. С учетом Постановления Центрального исполнительного комитета УССР об объединении военных сил советских республик от 18 мая 1919 г. (далее – Декрет ЦИК УССР от 18 мая 1919 г.) и предложений советских правительств Латвии, Литвы и Белоруссии ВЦИК признал насущным «провести тесное объединение: 1) военной организации и военного командования, 2) советов народного хозяйства, 3) железнодорожного управления и хозяйства, 4) финансов, 5) комиссариатов труда Советских социалистических республик России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии и Крыма с тем, чтобы руководство указанными отраслями народной жизни было сосредоточено в руках единых коллегий».

¹³ Конституция Украинской Социалистической Советской Республики: утв. Всеукр. съездом Советов в заседании 10 марта 1919 г. и принята в оконч. ред. Всеукр. Центр. Исп. Ком. в заседании 14 марта 1919 г.

¹⁴ История Советской Конституции (в документах)... С. 186.

¹⁵ Программа Российской коммунистической партии (большевиков): [принята VIII съездом РКП(б) в марте 1919 г.].

При этом в Декрете ВЦИК от 1 июня 1919 г. закреплялось положение, которое предписывало заключить дополнительные соглашения, конкретизирующие порядок объединения советских республик. Вместе с тем, как замечает И. М. Кислицын, в это время никаких дополнительных соглашений заключено не было. Данный факт косвенно подтвержден в декабре 1919 года на VIII Всероссийской конференции РКП(б). Во-первых, отмечалось, что в настоящее время отношения между УССР и РСФСР определяются федеративной связью на почве Декрета ВЦИК от 1 июня 1919 г. и Декрета ЦИК УССР от 18 мая 1919 г. Во-вторых, указывалось на то, что отношения РСФСР с другими советскими республиками также основываются на Декрете ВЦИК от 1 июня 1919 г. и их принципиальных заявлениях о согласии объединиться.

Исходя из изложенного, как справедливо констатирует И. М. Кислицын, Декрет ВЦИК от 1 июня 1919 г. на практике играл роль договора об объединении советских республик. И это при том, что документ был издан лишь одним из верховных органов РСФСР. В чем и заключается еще одна характерная особенность начального этапа формирования на территории бывшей Российской империи государственно-правовых основ советской федерации.

Далее автор книги предлагает «двойное истолкование» приведенного исторического факта. Первое: советские республики Украина, Белоруссия, Латвия и Литва, выразившие свое стремление к объединению еще до издания Всероссийским ЦИК Декрета от 1 июня 1919 г., увидели в принятом правовом акте отражение собственной воли, учли сложность обстановки середины 1919 года и сочли излишним затягивать объединение дополнительными переговорами об особом соглашении. Своими фактическими отношениями с РСФСР, выстраивавшимися согласно Декрету от 1 июня 1919 г., названные республики просто признали этот акт. Подобная интерпретация вполне логична, если принять во внимание стремление этих республик к объединению для решения общих задач, стоящих перед советской властью в сложившейся военно-политической и экономической обстановке. Другое толкование отмеченного исторического факта заключается в том, что Декрет ВЦИК от 1 июня 1919 г. рассматривался перечисленными республиками в качестве акта общесоюзной власти, конкретизировавшего государственно-правовые основы федеративного характера, которые были предусмотрены вначале Декларацией прав трудящегося и эксплуатируемого народа от 12 (25) января 1918 г. и Постановлением III Всероссийского съезда Советов «О федеральных учреждениях Российской республики» от 15 (28) января 1918 г., а затем и Конституцией РСФСР от 10 июля 1918 г. При этом И. М. Кислицын вполне резонно предлагает учитывать то обстоятельство, что в утверждении названных актов участвовали представители народов всех поименованных выше республик, а Российская республика была провозглашена федеративной в целях объединения всех национальных территорий бывшей Российской империи на основе добровольности, равноправия, пролетарского интернационализма, советской организации власти и др.

Наряду с этим ВЦИК поручил созданной им комиссии «немедленно вступить в переговоры с представителями соответствующих центральных исполнительных комитетов» советских республик и «совместно с ними выработать конкретные нормы объединения». Одновременно было решено «впредь до... выработки окончательно-

го объединения немедленно создать формы деятельности»¹⁶. Особенность этих федеративных «форм деятельности», как отмечает автор книги, состояла в том, что управление объединенными в соответствии с Декретом ВЦИК от 1 июня 1919 г. отраслями стали осуществлять федеральные органы государственной власти России: Всероссийский съезд Советов, ВЦИК, СНК РСФСР и соответствующие народные комиссариаты РСФСР. Это прямо вытекало из решений III Всероссийского съезда Советов, учредившего федеративный строй Российской Советской Республики. Следовательно, Декрет ВЦИК от 1 июня 1919 г. выступал как акт общесоюзного органа, урегулировавший отношения центральных (всероссийских. – *В.К.*) и республиканских органов советской власти и определивший объем прав этих органов в ряде областей общественно-государственной жизни.

Рационализм такой авторской позиции не вызывает сомнения, ибо Украина и другие советские республики признавали себя членами (субъектами. – *В.К.*) РСФСР. Все республики подтвердили такое свое положение еще раз в середине 1920 года. В частности, в Постановлении IV Всеукраинского съезда Советов «О государственных отношениях между УССР и РСФСР» от 20 мая 1920 г. прямо указывалось, что «УССР, сохраняя свою самостоятельную государственную Конституцию, является членом Всероссийской Социалистической Советской Федеративной Республики, объединенной общностью политического и социалистического строя, общностью борьбы в прошлом против царя, помещиков и капиталистов и общей борьбой в настоящем за свое существование».

В связи с изложенным И. М. Кислицын делает обоснованный вывод, согласно которому урегулированные Декретом ВЦИК от 1 июня 1919 г. отношения между РСФСР и другими советскими республиками, при которых РСФСР занимала положение, близкое к тому, которое занимал с декабря 1922 года Союз ССР, а советские республики – положение ее (РСФСР. – *В.К.*) членов. И такие отношения все больше развивались и закреплялись законодательно по желанию и с согласия советских республик.

Данный вывод подтверждается, в частности, решением IV Всеукраинского съезда Советов войти в переговоры с ВЦИК по вопросу о представительстве Советской Украины в названном органе государственной власти РСФСР. Съезд предложил ввести во ВЦИК 30 избранных им представителей Советской Украины. ВЦИК РСФСР признал вполне обоснованным желание Советской Украины иметь своих представителей в общесоюзном органе и постановил «включить в состав Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета 30 членов Украинского ЦИК»¹⁷.

Принятые решения сформировали государственно-правовую основу для дальнейшего развития и углубления федеративных связей между РСФСР и советскими республиками.

3. *Формирование договорных государственно-правовых основ отношений между РСФСР и советскими республиками.* С осени 1920 года заключаются двусторонние договоры в отдельных сферах общественной жизни. Первым из таких дого-

¹⁶ История Советской Конституции (в документах)... С. 208.

¹⁷ Там же. С. 234.

воров стал Договор между РСФСР и Азербайджаном о военно-экономическом союзе обеих республик, заключенный 30 сентября 1920 года.

Предложение о союзе РСФСР и Азербайджана внес Военно-революционный комитет Азербайджана в апреле 1920 года в связи со сложной международной обстановкой, угрожавшей Советскому Азербайджану. Телеграммой В. И. Ленина от 5 мая 1920 года СНК РСФСР признал независимую Азербайджанскую Республику и заявил о готовности оказать ее народу помощь, выразив твердую уверенность в том, что «под руководством своего Советского правительства независимая республика Азербайджан совместно с РСФСР отстоит свою свободу от заклятого врага угнетенных народов Востока – от империализма»¹⁸.

Согласно заключенному договору, РСФСР и Азербайджанская ССР исходили «из общности интересов трудящихся масс» обеих республик, а также из того, что «только полное объединение всех сил... может обеспечить им успех в тяжелой борьбе против общего врага – империалистической буржуазии»¹⁹. На основе этого документа были объединены: военная организация и военное командование; органы, ведающие народным хозяйством и внешней торговлей; органы снабжения; железнодорожный и водный транспорт; почтово-телеграфное ведомство; финансы²⁰.

Договор от 30 сентября 1920 года предусматривал последующее заключение правительствами обеих республик особых соглашений для точного определения порядка и формы объединения вышеуказанных органов и ведомств. Эта задача была решена в тот же день, когда были заключены особые ведомственные соглашения: об объединении продовольственной политики; об объединении управления почтой, телеграфом, телефоном и радиотелефоном; по финансовым вопросам; по вопросам внешней торговли; о проведении единой экономической политики²¹. Подчеркивая значимость указанных соглашений, И. М. Кислицын отмечает, что они открывали новый этап во взаимоотношениях РСФСР с другими советскими республиками, так как на правовой основе закрепляли развитие хозяйств союзных республик «по общему государственному плану» и с учетом «общегосударственных ресурсов»²².

В связи с изложенным автор дела делает верный вывод, согласно которому употребление в соглашениях между РСФСР и Азербайджаном таких терминов, как «общегосударственный план» и «общегосударственные ресурсы», свидетельствует о государственном, а не о международном характере объединения указанных республик, об их объединении в одно государство с федеративной формой устройства²³.

¹⁸ История Советской Конституции (в документах)... С. 232.

¹⁹ Там же. С. 240.

²⁰ Там же. С. 240–241.

²¹ Там же. С. 241–246.

²² Там же. С. 242.

²³ Там же.

Вслед за Азербайджаном «членом РСФСР» становится Социалистическая Советская Республика Белоруссии (ССРБ). В развитие решения I Всебелорусского съезда Советов от 2 февраля 1919 г. об установлении тесных экономико-политических отношений и о начале переговоров по установлению федеративных связей с Россией исходя из «договорного постановления» ВЦИК от 1 июня 1919 г. в декабре 1920 года Белоруссия, согласно конституционному законодательству, признала себя, по существу, членом РСФСР. Это следует из того, как отмечает автор книги, что II Всебелорусский съезд Советов, определяя положение ЦИК Белоруссии, в Дополнении к Конституции республики записал: «ЦИК Белоруссии... наблюдает за проведением в жизнь... постановлений Всероссийских съездов Советов». Действительно, в системной связи с решениями I Всебелорусского съезда Советов решение II съезда может быть истолковано как подтверждение намерений о федерализации отношений между РСФСР и ССРБ. Последнее обстоятельство нашло конкретное выражение в союзном договоре между названными республиками.

Союзный рабоче-крестьянский договор между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Социалистической Советской Республикой Белоруссии от 16 января 1921 года был заключен на основании провозглашенного Великой октябрьской социалистической революцией права народов на самоопределение, признания независимости и суверенности каждой из договаривающихся сторон и сознания необходимости сплотить свои силы в целях обороны, а также в интересах хозяйственного строительства республик. Для достижения названных целей РСФСР и ССРБ объединили: народные комиссариаты военных дел; внешней торговли; финансов; труда; путей сообщения; почт и телеграфа; Высший совет народного хозяйства. Республики договорились между собой, что объединенные наркоматы обеих республик входят в состав Совета народных комиссаров РСФСР, то есть являются общефедеральными, и имеют в СНК ССРБ своих уполномоченных, утверждаемых и контролируемых Белорусскими ЦИК и Съездом Советов. Было также установлено, что руководство и контроль объединенных (федеральных. – *В.К.*) народных комиссариатов будет осуществляться через Всероссийские съезды Советов депутатов рабочих, крестьян и красноармейцев, а также Всероссийский центральный исполнительный комитет как общефедеральные органы государственной власти. Кроме того, в договоре 1921 года закреплялось право Социалистической Советской Республики Белоруссии посылать своих представителей на основании постановлений Всероссийского съезда Советов на Всероссийские съезды Советов и в ЦИК РСФСР.

После подписания союзного договора Президиум ЦИК ССРБ принял 24 января 1922 года декрет «О силе для ССРБ декретов и распоряжений РСФСР». Данный документ, как отмечает И. М. Кислицын, имел, по существу, значение ратификационной грамоты, поскольку подтвердил, что все постановления и распоряжения объединенных народных комиссариатов РСФСР, опубликованные в «Известиях ВЦИК», газете «Экономическая жизнь», Собрании узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства, обязательны для Белоруссии и вступают по отношению к ней в силу со дня получения соответствующего номера названных изданий в Совете народных комиссаров Белоруссии и в уездных исполнительных комитетах, «если

только в самом декрете, постановлении или распоряжении не оговорено, что они сообщаются на места по телеграфу»²⁴.

Помимо этого, в декрете от 24 января 1922 года Президиум ЦИК ССРБ заявил о полной самостоятельности республики в тех отраслях и вопросах, которые не были объединены с РСФСР. В этих вопросах и отраслях для Белоруссии были необязательны декреты и постановления ВЦИК, Президиума ВЦИК, СНК РСФСР и других центральных (федеральных. – *В.К.*) ведомств. Однако Советская Белоруссия оставляла за собой право признавать обязательность на своей территории и этих актов, «если они в установленном порядке подтверждены с опубликованием в “Собрании узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства ССР Белоруссии” или в соответствующих случаях сообщены надлежащей центральной властью ССРБ для исполнения непосредственно на местах»²⁵.

Изложенное свидетельствует о том, и это точно подчеркивает И. М. Кислицын, что образцом союзного договора между РСФСР и ССРБ от 16 января 1921 года послужил Союзный рабоче-крестьянский договор между РСФСР и Украинской ССР, утвержденный VIII Всероссийским съездом Советов 29 декабря 1920 года.

Содержание рассматриваемых договоров было тождественным. Отсюда логично следует авторский вывод, состоящий в том, что в складывающихся на основе двусторонних договоров государственно-правовых отношениях между РСФСР и другими советскими республиками все больше «проглядывали черты будущего Союза ССР». Иными словами, положение РСФСР в отношениях с независимыми советскими республиками динамично подвигалось к тому, которое в декабре 1922 года займет СССР. Как и будущий СССР, РСФСР заключала договоры с другими советскими республиками об их вступлении в федеративные с ней отношения, издавала правовые акты, подлежащие непосредственному и обязательному исполнению на всей территории федерации по всем вопросам, которые были отнесены к ведению РСФСР (область ведения объединенных наркоматов), имела в своих высших органах власти представителей от независимых республик – членов РСФСР.

Федеративный характер отношений РСФСР с советскими республиками подтвердил X съезд РКП(б), состоявшийся 8–16 марта 1921 года. По существу, съезд де-факто признал РСФСР федерацией советских республик. В его решениях определялось значение федерации как государственного союза, который «дает возможность: а) обеспечить целость и хозяйственное развитие как отдельных республик, так и федерации в целом; б) охватить все разнообразие быта, культуры и экономического состояния различных наций и народностей, стоящих на разных ступенях развития, и сообразно с этим применять тот или иной вид федерации; в) наладить мирное сожительство и братское сотрудничество наций и народностей, связавших так или иначе свою судьбу с судьбой федерации»²⁶.

²⁴ История Советской Конституции (в документах)... С. 320–321.

²⁵ Там же. С. 320–321.

²⁶ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1960. 7-е изд. М.: Госполитиздат, 1954–1960. Ч. 1: 1898–1924. С. 557.

По мнению И. М. Кислицына, именно такие решения легли в основу дальнейших отношений РСФСР с суверенными, независимыми ее членами. На этих основаниях 21 мая 1921 года был заключен Союзный рабоче-крестьянский договор между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Социалистической Советской Республикой Грузии. Данный договор был текстуально аналогичен ранее заключенным договорам РСФСР с Азербайджаном, Украиной и Белоруссией. Указанное обстоятельство, подчеркивает автор, означало, что все советские республики, признавшие себя по договорам суверенными, независимыми и одновременно с этим частями РСФСР, были равноправны между собой. А равноправие есть одна из черт будущего Союза ССР, которая будет закреплена 30 декабря 1922 года в Договоре об образовании СССР²⁷.

Симптоматичным было Заявление союзных республик на IX Всероссийском съезде Советов по докладу о Красной армии от 29 декабря 1921 г. Скрупулезный анализ этого документа позволил автору сделать следующий вывод:

– во-первых, РСФСР как самостоятельное государство русского народа и не захотевших от него отделиться национальных меньшинств других народов равнозначно тому образованию, которое изначально называли Российской Советской Республикой (РСР). В этой роли РСФСР включала определенную территорию, находившуюся под исключительной юрисдикцией РСФСР;

– во-вторых, РСФСР представляла собой содружество, объединившее Российскую, Украинскую, Белорусскую, Азербайджанскую, Армянскую и Грузинскую советские социалистические республики.

Именно в этом смысле РСФСР рассматривалась как «Советская федерация» и представляла собой государственное образование, в котором отчетливо проявлялся будущий Союз ССР. С этой точки зрения И. М. Кислицын считает вполне правомерным заявление IV Всебелорусского съезда Советов, поддержавшего предложение Всеукраинского съезда Советов «о немедленном оформлении уже фактически существующего Союза Советских Республик»²⁸. Правда, этот «уже фактически существующий» Союз имел принципиальное отличие от Союза ССР, провозглашенного 30 декабря 1922 года договором о его образовании. Оно состояло в том, что Союз Советских Республик 1918–1922 годов не имел общегосударственных органов, вполне самостоятельных и выделенных в особую систему, отдельную от системы органов союзных республик. Функции государственных органов Союза Советских Республик выполняли объединенные народные комиссариаты, Всероссийский ЦИК и Всероссийские съезды Советов, которые были одновременно органами РСР. В пределах управления объединенными отраслями (военные и морские дела; предприятия, подчиненные ВСНХ; внешняя торговля; финансы; труд; пути сообщения; почта и телеграф) органом Союза Советских Республик в 1921 году был также СНК РСФСР.

²⁷ Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик: [принят конференцией полномочных делегаций от РСФСР, УССР, ЗСФСР и БССР 29 дек. 1922 г.; утв. I съездом Советов СССР 30 дек. 1922 г.].

²⁸ История Советской Конституции (в документах)... С. 390.

Таким образом, до образования Союза ССР между Российской Советской Республикой (позднее – РСФСР) и советскими республиками сложились федеративные по характеру государственно-правовые отношения. Основными чертами этих отношений, как резюмирует И. М. Кислицын, были: а) равноправие договорных республик (Украинской ССР, Белорусской ССР, Азербайджанской ССР, Армянской ССР и Грузинской ССР) между собой в рамках РСФСР; б) суверенность республик и их самостоятельность в управлении теми областями советского и хозяйственного строительства, которые не были объединены в РСФСР; в) наличие многостороннего «договорного декрета» от 1 июня 1919 года, закрепившего федерацию РСФСР с УССР, БССР и другими советскими республиками в период Гражданской войны и иностранной интервенции, и переход к двусторонним союзным рабоче-крестьянским договорам РСФСР с каждой из образовавшихся республик о федеративных отношениях после окончания Гражданской войны и иностранной интервенции; г) положение РСФСР как федеративного государства, с которым советские республики заключали договоры, становясь союзными республиками РСФСР как суверенные части (республика) и целого (РСФСР); д) отсутствие особых общефедеральных государственных органов и выполнение их роли соответствующими государственными органами РСФСР; е) представительство договорных союзных республик в высших органах государственной власти РСФСР; ж) централизация управления лишь в ограниченных областях советского, хозяйственного и военного строительства при самостоятельности союзных республик во всех других областях общественно-государственной жизни; з) интернационализм, отсутствие каких-либо преимуществ РСР в рамках РСФСР²⁹. Кроме того, согласно пункту «д» статьи 49 Конституции РСФСР от 10 июля 1918 г., сохранялось право союзных республик на разрыв федеративных связей с РСФСР. Но ни одна республика не воспользовалась этим правом. Наоборот, эти связи постоянно укреплялись, развивались и совершенствовались, что и привело в конечном счете к образованию Союза Советских Социалистических Республик³⁰.

Изложенный научно-теоретический материал И. М. Кислицына не утратил значимости до настоящего времени. Вполне очевидно сходство между разрушением в 1917 году Российской империи и развалом Советского союзного государства – СССР. После денонсации РСФСР Договора об образовании Союза Советских Социалистических Республик 12 декабря 1991 года сразу встал вопрос о характере и выстраивании отношений между РСФСР и суверенными республиками, «освободившимися» от союзной субъектности. Правда, осознание объективно возникших вызовов во всей полноте и диалектической связи между разрывом союзнических отношений и неизбежностью последующей интеграции пришло не сразу. А возникшее в декабре 1991 года Содружество Независимых Государств (СНГ) изначально было формой скорее «развода» бывших советских республик с РСФСР как правопреемницей Союза ССР, нежели объединения государств-участников на обновленной основе.

В отличие от революционной эпохи 1917–1922 годов отношения между суверенными участниками СНГ сразу стали оформляться как межгосударственные, а не как внутригосударственные, имевшие место в Российской Советской Республике.

²⁹ Кислицын И. М. Указ. соч. С. 24–26.

³⁰ Там же.

И это неслучайно. Всем известная идея Президента СССР М. С. Горбачева об обновлении Договора об образовании Союза ССР так и не была реализована. Главой Союзного государства и главами девяти союзных республик было подписано лишь Заявление о принципах нового Союзного договора, однако дальше не вполне определенных обновленческих пожеланий интеграционный процесс не продвинулся.

В итоге все завершилось тем, что 25 декабря 1991 года вследствие масштабных сепаратистских акций Президент СССР М. С. Горбачев сложил с себя полномочия главы Союза ССР – и тем самым де-юре подвел черту под состоявшейся де-факто суверенизацией бывших членов СССР и прекращением существования Союза ССР согласно Беловежскому соглашению от 8 декабря 1991 г. и Алма-Атинской декларации от 21 декабря 1991 г. Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик от 30 декабря 1922 г. был денонсирован Российской Федерацией 12 декабря 1991 года³¹.

В то же время, как отмечается в представленной книге И. М. Кислицына, после Великой Октябрьской социалистической революции дезинтеграционные факторы сдерживались сложившейся военно-политической обстановкой, грозившей смертельной опасностью разделению идеологизированных республик. Именно эта ситуация была умело использована руководством учрежденной Российской Советской Республики для выстраивания внутригосударственных отношений между РСР и самопровозглашенными советскими республиками. Данное обстоятельство есть безусловное свидетельство того, что в основе интеграции советских республик на постимперском пространстве лежали не только идеологические послылы, что само по себе весьма значимо, но и факторы объективного порядка, а именно острая необходимость объединения под емким «зонтом» РСР усилий молодых, неокрепших государств в военно-политической и экономической сферах жизни с целью организации защиты от смертельно враждебного окружения западных буржуазных государств.

В отличие от революционных преобразований начала XX века, после распада Союза ССР основу отношений между бывшими союзными республиками составляли деидеологизированные обстоятельства кардинально иного свойства. Главный из названных объединительных ресурсов – огромные нефтегазовые природные запасы Российской Федерации. Эти разведанные богатства, как известно, в ближайшее столетие неисчерпаемы и могут поставляться Россией в ближнее зарубежье с дисконтом. Наибольшую потребность в таком природном сырье и продуктах испытывают Белоруссия, Украина, Молдавия, Грузия, Армения. В свою очередь Республика Казахстан и республики Средней Азии заинтересованы в установлении взаимовыгодного сотрудничества с Россией и в других областях социально-экономической жизни. Ну а Российская Федерация весьма заинтересована в военно-политической лояльности названных стран и в их безусловном нейтральном статусе как одной из составляющих своей общей безопасности.

Исходя из обозначенных условий вполне логичным представляется то, что после образования СНГ на постсоветском пространстве возникали новые межгосударственные формы сотрудничества. В их числе Союзное государство Российской Федерации и Республики Беларусь, Организация Договора о коллективной безопасности

³¹ О денонсации Договора об образовании СССР: постановление Верховного Совета РСФСР от 12 дек. 1991 г.

(ОДКБ), а затем Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Будущее этих организаций будет во многом зависеть от того, насколько гибко и эффективно Россия сможет использовать собственные преимущества в природоресурсной, экономической, финансовой и промышленно-производственной сферах жизни. Ибо такие возможности пока единственная реальная основа укрепления межгосударственных отношений бывших союзных республик.

Данное обстоятельство в полной мере осознано государственно-политическим руководством Российской Федерации. Свидетельством тому является, в частности, динамично развивающееся взаимовыгодное сотрудничество между Российской Федерацией и Республикой Казахстан, о чем было заявлено в феврале 2025 года главами правительств этих государств. Причем правительства признали необходимость ускоренного масштабирования данного процесса. Были определены основные подходы эффективного взаимодействия – максимальная интеграция с минимальными барьерами и транзакционными издержками. Иными словами, суть – «фактически общая экономика». Опыт подобной интеграции у России и Казахстана уже есть. Например, объединение энергосистем, при котором энергосети Казахстана сливаются с восточной и западносибирской, уральской и алтайской энергосистемами России. Реализуются и другие масштабные проекты двух стран в промышленности и транспорте, включая создание ядерного энергокластера и строительство межгосударственных транспортных коридоров.

Библиографический список

История Советской Конституции (в документах). 1917–1956 / сост. А. А. Липатов, Н. Т. Савенков; предисл. и общ. ред. С. С. Студеникина. М.: Госюриздат, 1957.

Кислицын И. М. Вопросы теории и практики федеративного строительства Союза ССР: учеб. пособие / Перм. гос. ун-т им. А. М. Горького. Пермь: [Б. и.], 1969.

Очерки по истории органов советской государственной власти: (материалы к изучению истории советского государства и права) / [С. Я. Голембо, И. И. Евтихийев, А. И. Лепешкин и др.]; Всесоюз. ин-т юрид. наук М-ва юстиции СССР. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1949.

Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных Советских Социалистических Республик в документах: сб. док. 1917–1936: в 3 т. Т. 1: Съезды Советов РСФСР и Автономных Республик РСФСР. 1917–1922 гг. / [сост. Д. А. Гайдуков, А. М. Давидович, С. Л. Ронин, М. И. Юмашев]. М.: Госюриздат, 1959.

Чистяков О. И. Становление Российской Федерации (1917–1922). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966.

Информация для цитирования

Кочев В. А. Основной научный труд профессора Пермского университета И. М. Кислицына // *Ex jure*. 2025. № 4. С. 7–22. DOI: 10.17072/2619-0648-2025-4-7-22

Kochev V. A. M The Main Scientific Publication by I.M. Kislitsyn, Professor at Perm State University. *Ex jure*. 2025. № 4. Pp. 7–22. DOI: 10.17072/2619-0648-2025-4-7-22

УДК 347.0

DOI: 10.17072/2619-0648-2025-4-23-52

Двенадцать первых:
профессор Пермского университета
Александр Михайлович Горовцев

О. А. Кузнецова

Доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры предпринимательского
и корпоративного права

Московский государственный юридический
университет им. О. Е. Кутафина
123242, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9

Профессор кафедры предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: kuznetsova_psu@mail.ru

А. И. Семешко

Кандидат юридических наук, доцент кафедры
трудового и международного права

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: 2939207@gmail.com

© Кузнецова О. А., Семешко А. И., 2025

Эта работа распространяется по лицензии CC BY 4.0.
Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Аннотация: юридическому факультету Пермского университета в 2026 году исполнится 110 лет, и мы продолжаем цикл статей, посвященных двенадцати первым профессорам, создавшим факультет и заложившим основу его научной школы в суровые послереволюционные годы и годы Гражданской войны (1916–1920). Очередная статья посвящена профессору, специалисту по международному праву Александру Михайловичу Горовцеву (1878–1933), его биографии, географии жизненного пути (Санкт-Петербург (Петроград), Пермь, Томск, Иркутск, Киев, Кишинев, Париж) и анализу научных работ. А. М. Горовцев являлся профессором Пермского университета с 28 сентября 1918 года по 12 февраля 1921-го.

Ключевые слова: пермская научная юридическая школа; первые пермские профессора-юристы; профессор А. М. Горовцев; история международного права; право войны; принципология права

The First Twelve: Aleksandr M. Gorovtsev, Professor at Perm University

O. A. Kuznetsova

Kutafin Moscow State Law University
9, Sadovaya-Kudrinskaya st., Moscow, 123242, Russia

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

E-mail: kuznetsova_psu@mail.ru

A. I. Semeshko

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

E-mail: 2939207@gmail.com

Abstract: *the Faculty of Law of Perm University will celebrate its 110th anniversary in 2026. This article continues a series of articles dedicated to the first twelve law professors who created the faculty and laid a foundation for its scientific school in the harsh post-revolutionary years and the years of the Civil war (1916–1920). The article is devoted to Professor Alexandr Mikhailovich Gorovtsev (1878–1933), a specialist in international law, to his biography and life geography (St. Petersburg/Petrograd, Perm, Tomsk, Irkutsk, Kiev, Kishinev, Paris), to the analysis of his scientific papers. A. M. Gorovtsev held a professorship at the Perm University from September 28, 1918 to February 12, 1921.*

Keywords: *Perm Scientific law school; the first Perm law professors; Professor A. M. Gorovtsev; history of the international law; law of war; theory of the principles of law*

С 28 сентября 1918 года в Пермском университете начинает работать приват-доцентом по кафедре административного права выпускник юридического и восточного факультетов Санкт-Петербургского университета, магистрант международного права **Александр Михайлович Горовцев** (5 февраля (24 января) 1878 – 27 октября 1933).

В автобиографии А. М. Горовцев пишет, что за время учебы его удостоили двух медалей за две научные работы: по административному праву «Трудовая помощь как средство призрения бедных»¹ и по международному праву «Кодификация законов в области войны»².

После окончания Санкт-Петербургского университета он был оставлен по представлению профессора-международника Ф. Ф. Мартенса на кафедре международного права.

С 1900 года состоял на государственной службе в Министерстве иностранных дел по Азиатскому департаменту, несколько лет служил в Харбине, Маньчжурии³. Был командирован в консульство в Чифу для поддержания отношений с осажденным Порт-Артуром, принимал участие в работе официальной делегации по заключению мира в Портсмуте⁴. Вернувшись в 1905 году в Санкт-Петербург, продолжил исполнять юрисконсультские обязанности в МИДе, сдал экзамены на степень магистра в университете и в 1911-м был допущен к чтению лекций в качестве приват-доцента. С 1911 по 1918 год – приват-доцент Санкт-Петербургского университета по кафедре международного права.

В 1917 году им была напечатана работа «Некоторые основные спорные вопросы учения о праве в связи с международным правом»⁵, предназначавшаяся для защиты магистерской диссертации, «которая осталась незащищенной ввиду наступившей после октябрьского переворота общей разлаженности академической жизни и последовавшей вскоре отмены ученых степеней»⁶.

Интересно, что Александр Михайлович Горовцев был не только ученым, но и писателем-фельетонистом. В 1915–1916 годах он издавал и одновременно являлся автором (под псевдонимом Сергей Рунин⁷) политического журнала «Отклики: фелье-

¹ *Горовцев А. М.* Трудовая помощь как средство призрения бедных. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1901. (Стала первой напечатанной работой ученого и была награждена премией Попечительства трудовой помощи.)

² Извлечения из этой работы также были напечатаны под названием: *Горовцев А. М.* Война и право: сообщение, прочитанное в Обществе ревнителей военных знаний 6 марта 1902 г. СПб.: Общ-во ревнителей воен. знаний, 1902.

³ См. об этом подробнее: Правовая наука и юридическая идеология России: энцикл. слов. биографий / отв. ред. В. М. Сырых. М.: Юрист, 2011. Т. 2: 1917–1964 гг. С. 174.

⁴ Портсмутский мирный договор – договор между Россией и Японией, завершивший Русско-японскую войну 1904–1905 годов. Подписан 5 сентября (23 августа) 1905 года в Портсмуте (США).

⁵ *Горовцев А. М.* Некоторые основные спорные вопросы учения о праве в связи с международным правом. Пг.: [Скл. изд. кн. маг. «Право»], 1916–1917.

⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.р. 6095. Оп. 1. Д. 71. Л. 327.

⁷ *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. Т. 3: Алфавитный указатель псевдонимов. Псевдонимы русского алфавита Р–Я. Псевдо-

тоны на важнейшие темы политического дня»⁸. В рецензии на этот журнал отмечалось, что общая точка зрения автора журнала «национально-прогрессивная, та самая, которая силой обстоятельств должна будет заявить о себе после войны, а независимость его положения дает ему возможность высказать немало здравых мыслей, которые органы ныне существующих партий предпочитают не развивать»⁹.

С 1915 по 1917 год А. М. Горовцев был редактором-издателем политического альманаха «Трибуна» (полное наименование «Всеобщая политическая библиотека – Трибуна. Избранные парламентские речи. Политические материалы, фельетоны, статьи и проч.»), большую часть которого составляли стенограммы речей политических деятелей того периода, а последняя страница обычно содержала небольшой фельетон его авторства¹⁰. В России до революции вышло четырнадцать выпусков альманаха. В эмиграции Александр Михайлович писал: «...в Петербурге, до революции, я начал издавать свой маленький журнал “Трибуна”, главнейшая особенность которого заключалась в том, что он всецело составлялся мной одним и был абсолютно независимым, так как не был связан ни с каким партийным течением. Это давало мне возможность вполне искренне и открыто выражать свое мнение по каждому данному вопросу, а журналу обеспечивало такой успех, что если бы не пришлось, конечно, прекратить его после октябрьской революции, то я был бы, вероятно, уже “богат и знатен”»¹¹.

В начале 1918-го А. М. Горовцев предпринял попытки устроиться на преподавательскую работу в Сибири. В приказе от 14 августа 1918 г. Министерства народного просвещения Омского правительства значится, что к временному исполнению обязанностей ординарного профессора по кафедре международного права допускался приват-доцент Петроградского университета Горовцев. Однако в 1918 году в Сибирь А. М. Горовцев не прибыл. В. Н. Казарин отмечает, что тот был утвержден в Иркутский университет, но до Иркутска не доехал: «в объезженной внутренней усобицей стране сложно было добраться из Петрограда в далекий Иркутск»¹². Важно заметить, что сам А. М. Горовцев, находясь уже в эмиграции в Париже, напишет в автобиографии,

нимы латинского и греческого алфавитов. астрономы, цифры, разные знаки. М.: Изд-во Все-союз. кн. палаты, 1958. С. 38.

⁸ Рунин С. (Горовцев А. М.) Отклики: фельетоны на важнейшие темы политического дня: полит. журн. 1916. Вып. 1: Сим победишь – мобилизация духа; Вып. 2: Что должна делать дума во время войны; Вып. 3: Две сестры – Россия и Польша; Вып. 4: Война и правительство; Вып. 5: Юбилей 17 октября и правда о Витте; Вып. 6: Война и все остальное: (аналоги и параллели); Вып. 7: Россия на распутье; Вып. 8: Война и дипломатия; Вып. 9: Твердая власть: (параллели и контрасты); Вып. 10: Истинный внутренний заем; Вып. 11: Польский вопрос и «ответ».

⁹ А.М.Б. [Рецензия] // Исторический вестник: ист.-лит. журн. 1917. Т. CXLVII. С. 246. Рецензия на кн.: Сергей Рунин. Отклики. 1916. № 1–6.

¹⁰ См., например: Рунин С. Спекуляция на... идеологию // Трибуна: избранные политические речи, материалы, статьи, фельетоны и проч. 1916. Вып. VIII. С. 51; Он же. Заем свободы // Трибуна: избранные политические речи, материалы, статьи, фельетоны и проч. 1917. Вып. XIV. С. 55. (Обе работы находятся в фондах Российской национальной библиотеки.)

¹¹ ГАРФ. Ф.р. 9145. Оп. 1. Д. 567. Л. 6.

¹² Казарин В. Н. Становление юридического образования в Иркутском университете: время, события, люди // Сибирский юридический вестник. 2008. № 1. С. 6.

что весной 1918 года его избрали исполняющим должность экстраординарного профессора на кафедре международного права Томского университета, но в Томск он «за перерывом сообщений с Сибирью, попасть не смог»¹³. Про избрание его профессором в Иркутском университете в этот период ученый не упоминает. Возможно, весной 1918-го им была предпринята попытка устроиться в Томский университет, а летом – в Иркутский. Однако достоверно известно, что с осени 1918 года он работал в Пермском университете.

Попытки А. М. Горовцева как можно дальше уехать из Петрограда в 1918 году были вызваны не только сложной послереволюционной обстановкой в столице, но и многолетним нервным семейно-имущественным конфликтом, вызвавшим негативную реакцию (и даже обвинения профессора в аморальном поведении) на юридическом факультете университета. К сожалению, этот конфликт сопровождал его всю жизнь, получив продолжение в эмиграции, и в какой-то степени явился одной из причин его добровольного ухода из жизни.

Зачисление А. М. Горовцева на работу в Пермский университет состоялось на основании его ходатайства на имя ректора от 9 сентября 1918 года о предоставлении одной из преподавательских должностей. В первом семестре ему было поручено читать энциклопедию права (введение в науку права) – два часа в неделю и международное право (лекции – три часа, практические занятия – два часа в неделю)¹⁴. С 1 октября 1918 года Александр Михайлович был утвержден в должности экстраординарного профессора по кафедре административного права, «поскольку к этому времени... занимал должность приват-доцента уже более трех лет (с 1911 г.)»¹⁵, а с 22 января 1919 года он исполнял еще и должность экстраординарного профессора по кафедре энциклопедии права и истории философии права сверх штата (избран Советом университета десятью голосами против пяти). Во втором семестре 1918/19 учебного года ему было поручено временно преподавать государственное (конституционное) право (лекции) и вести практические занятия по истории философии права.

Заметим также, что еще 27 апреля 1918 года А. М. Горовцев обращался с заявлением о допущении к конкурсу на замещение кафедры государственного права Пермского университета. Для участия в конкурсе отзывы о его научных трудах дали профессор В. Н. Дурденевский и приват-доцент Н. В. Устрялов. Первый отметил, что «в лице г. Горовцева перед нами сведущий, трудолюбивый и склонный идти не вполне обычной дорогой международник, но “вкуса” к государственному праву и даже широкого знакомства с его литературой мы в рассматриваемых трудах автора, должно признать, не заметили, на что и полагаем долгом указать факультету». Н. В. Устрялов в заключительной части своего отзыва указал: «...полагаю, что читать курс государственного права А. М. Горовцев мог бы»¹⁶. 27 апреля 1918 года в результате баллотировки на факультете А. М. Горовцев конкурс не прошел (избирательных шаров – два, неизбирательных – три).

¹³ ГАРФ. Ф.р. 6095. Оп. 1. Д. 71. Л. 327.

¹⁴ Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф.р. 180. Оп. 2. Д. 85. Л. 2, 7.

¹⁵ Там же. Л. 33.

¹⁶ ГАПК. Ф.р. 180. Оп. 2. Д. 85. Л. 22, 25, 29.

В период жизни в Перми он публиковался в пермских газетах¹⁷, читал лекции на общественно-политические темы¹⁸.

В середине 1919 года в статусе профессора Пермского университета Александр Михайлович Горовцев оказывается в Томске. Известный историк и биограф сибирских ученых В. Н. Казарин по этому поводу пишет: «Очевидно, что обстановка жестокой Гражданской войны, обостренной иностранной интервенцией, а возможно, и причины личного порядка, вынудили А. М. Горовцева искать другое место приложения своих сил. С мая по декабрь 1919 г. он пребывал в Томске»¹⁹. Однако переезд ученого в Томск был связан не столько с поиском нового места приложения своих сил, сколько с эвакуацией Пермского университета в июне 1919 года.

В первом семестре 1919/20 учебного года в Томском университете А. М. Горовцеву поручено читать на юридическом факультете курс международного права. Его вступительная лекция к курсу «Государственность и международное право» состоялась 16 октября²⁰.

Однако уже 16 ноября 1919 года А. М. Горовцев обращается к исполняющему обязанности ректора Пермского университета с просьбой откомандировать его в Иркутский университет и с 26 ноября 1919 года по 20 января 1920-го просит об отпуске в Иркутск с сохранением содержания «для выяснения вопроса о прикомандировании его к Иркутскому университету для чтения лекций в весеннем семестре 1919/20 г.»²¹. Аналогичные заявления есть в личных делах трех других профессоров Пермского университета, эвакуировавшихся в Томск: В. Н. Дурденевского, А. Н. Круглевского и В. Ф. Глушкова. При этом фактически в Иркутск уехал только А. М. Горовцев, другие заявители остались работать в Томском университете.

С 13 декабря 1919 года по 1 июня 1920-го²² он числится профессором по кафедре международного права в Иркутском университете, однако считается находящимся там в командировке от Пермского университета. В Иркутске читает только курс международного права²³. Весной 1920 года начинается реэвакуация Пермского университета из Томска, но А. М. Горовцев, видимо, принимает решение задержаться

¹⁷ Горовцев А. Союз с Россией // Свободная Пермь. 1919. 23 марта (№ 55). С. 2–3; Он же. О «Лиге народов» // Современная Пермь. 1919. 4 мая (№ 84). С. 2–3.

¹⁸ Россия и Европа в XIX веке. Лекция проф. А. М. Горовцева // Современная Пермь. 1919. 11 апр. (№ 70). С. 4.

¹⁹ Казарин В. Н. Становление юридического образования в Иркутском университете: время, события, люди // Сибирский юридический вестник. 2008. № 2. С. 6.

²⁰ Профессора Томского университета: биограф. слов.: в 4 т. / отв. ред. С. Ф. Фоминых. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. Т. 2: 1917–1945. С. 111–112.

²¹ ГАПК. Ф.р. 180. Оп. 2. Д. 85. Л. 48, 49.

²² ГАРФ. Ф.р. 6095. Оп. 1. Д. 71. Л. 327. (Дату окончания работы в Иркутском университете указывает сам А. М. Горовцев в автобиографии.)

²³ Зипунникова Н. Н., Калинина А. В. Восточно-Сибирское «университетское сословие», или О формировании профессорско-преподавательского корпуса юридического факультета Иркутского государственного университета в первые годы его работы (некоторые аспекты) // Личность, право, государство. 2019. № 1. С. 63; Иркутский государственный университет. 27.X.1918 – 27.X.1921: сб. ко дню трехлетия существования университета. Иркутск: Гос. изд-во. Иркутское отд., 1921. С. 28.

в Иркутске: 27 мая он обращается к исполняющему обязанности ректора Пермского университета с заявлением о продлении командировки в Иркутск «для печатания своих работ»²⁴.

Таким образом, А. М. Горовцев читал лекции в Томском и Иркутском университетах, оставаясь профессором Пермского университета (сегодня бы сказали, что в эти периоды он имел аффилиации к двум вузам). В 1919–1920 годах его научные работы издавались в Томске²⁵ и в Иркутске²⁶.

Основная работа пермско-томского периода – статья «Письма о народном представительстве», представлявшая собой часть монографии, над которой ученый в это время работал. В статье он предлагает реформу народного представительства «на новых основаниях, возможно, более гармонического и прочного сочетания, с одной стороны, начал классовых, центробежных, дающих себя знать с такой исключительной трагической силой у нас в России, а с другой стороны, начала общегосударственного, центростремительного, которое должно поддержать и воплотить в себе единство государства, этого величайшего для нашего времени “союза союзов”, крупнейшего и естественного кооператива отдельных различных классов»²⁷.

Среди работ пермско-иркутского периода наиболее значим «Курс межгосударственного (международного) права». Несмотря на малый объем и незавершенность (только введение и общая часть), он стал единственным учебником по международному праву, изданным в условиях Гражданской войны. Более того, курс был систематизирован: разделен на введение, общую часть и особенную часть, включающую учение о субъекте и объекте международного права. Вполне закономерно, что эту работу до сих пор высоко ценят юристы-международники. Так, Г. С. Стародубцев отмечает следующие достоинства: по его мнению, автор курса впервые ввел термины «межгосударственное право» и «междуиндивидуальное (гражданское) право», создал систему международного права, объяснил существование межгосударственного права в отношениях государств во время войны и мира, предсказал процесс дальнейшего самоопределения национальных государств²⁸. Сам А. М. Горовцев среди

²⁴ ГАПК. Ф.р. 180. Оп. 2. Д. 85. Л. 50.

²⁵ *Горовцев А. М.* Письма о народном представительстве // Сибирская жизнь. 1919. 8 окт. (№ 213). С. 2–3; 24 окт. (№ 225). С. 2–3; 31 окт. (№ 231). С. 2–3; 12 нояб. (№ 240). С. 2–3; *Он же.* Новые мысли о народном представительстве. Томск: Кн. маг. П. И. Макушина, 1919.

²⁶ *Горовцев А. М.* Взаимство в праве (О «материалистическом идеализме») // Сборник трудов профессоров и преподавателей Иркутского государственного университета. Отд. 1: Науки гуманитарные, вып. 2. Иркутск: Иркут. отд-ние Гос. изд-ва, 1921; *Он же.* Синоптическая карта-система межгосударственного права. Иркутск: Студенческая организация, 1920; *Он же.* О «выпрямлении» косвенных налогов (о применении к косвенным налогам начал индивидуализации и пропорциональности) // Сборник трудов профессоров и преподавателей Иркутского государственного университета. Отд. 1: Науки гуманитарные, вып. 1. Иркутск: Иркут. отд-ние Гос. изд-ва, 1921; *Он же.* Курс межгосударственного (международного) права. Вып. I: Введение и общая часть. Иркутск: Студенческая организация, 1920.

²⁷ *Горовцев А. М.* Письма о народном представительстве // Сибирская жизнь. 1919. 8 окт. С. 2.

²⁸ *Стародубцев Г. С.* Международно-правовая наука российской эмиграции (1918–1939). М.: Кн. и бизнес, 2000. С. 35.

работ этого периода особо выделяет статью «Взаимство в праве (О «материалистическом идеализме»)»²⁹.

Иркутские исследователи указывают, что в 1920 году Александр Михайлович Горовцев из Иркутска переехал сразу в Киев³⁰. Однако это не совсем так. Из личного дела А. М. Горовцева как профессора Пермского университета следует, что 29 июня 1920 года факультет общественных наук Пермского университета обращался в правление университета с просьбой поручить заведование кабинетом международного права А. М. Горовцеву, а 3 июля ему было выписано удостоверение, согласно которому он командировался в университеты городов европейской России и Сибири с 10 июля по 10 октября 1920 года³¹.

Как ни странно, несмотря на тяжелую военную и бытовую обстановку тех лет, в своих воспоминаниях об этом периоде жизни ученый напишет, что «при всех трудностях тревожной бродячей жизни, переездов из одного города Сибири в другой» он мог «творить свою научную работу и даже печатать свои труды», и назовет себя «счастливым человеком в 1919–1920 гг.»³².

В заявлении А. М. Горовцева об отчислении из Пермского университета указано, что 5 февраля 1921 года он был принят в Киевский университет³³ на кафедру международного права, и на основании этого заявления с 12 февраля 1921 года его освободили от должности профессора Пермского университета³⁴. Имеется также информация том, что с осени 1920 года он читал лекции по международному праву в Институте народного хозяйства в Киеве³⁵.

Вероятно, из Иркутска в Пермь А. М. Горовцев возвращался только для оформления документов, фактически в университете он после эвакуации не преподавал (хотя вуз и предпринимал попытки сохранить его в штате, выписывал удостоверения, дающие право передвигаться по стране), однако продолжал оставаться профессором Пермского университета до официального отчисления в феврале 1921 года. К слову, в 1929 году, уже в эмиграции в Париже, на одной из значимых своих монографий по теории права «Учение о принципах права», вышедшей на французском языке, он обозначит себя как бывшего профессора именно Пермского университета³⁶.

При получении в Иркутске личной карточки воинского учета (из которой следует, что 3 июня 1920 года он был снят с воинского учета Иркутским уездным военным комиссариатом) А. М. Горовцев записывает в ней себя как профессора Киевского

²⁹ Горовцев А. М. Взаимство в праве...

³⁰ См., например: Казарин В. Н. Становление юридического образования в Иркутском университете: время, события, люди // Сибирский юридический вестник. 2008. № 2. С. 6–7.

³¹ ГАПК. Ф.р. 180. Оп. 2. Д. 85. Л. 52, 54.

³² ГАРФ. Ф.р. 6095. Оп. 1. Д. 71. Л. 24.

³³ В 1920–1926 годах Киевский университет назывался Высшим институтом народного образования им. М. П. Драгоманова, однако в заявлении А. М. Горовцева, поданном в Пермский университет 5 февраля 1921 года, указывается, что он переходит на работу в Киевский университет.

³⁴ ГАПК. Ф.р. 180. Оп. 2. Д. 85. Л. 59.

³⁵ Стародубцев Г. С. Судьба и работа русских юристов-международников в 1917–1922 гг. // История государства и права. 2000. № 2. С. 22.

³⁶ Gorovtsev A. Études de principiologie du droit, par A. Gorovtseff, ancien professeur à la Faculté de droit de Perm (Russie). Paris: Impr. Barnéoud, 1929.

университета и указывает адрес: «с. Волгинцы, Киевской губернии, Солдатская ул., 12»³⁷. Из данных в его паспорте следует, что 2 июля 1920 года он был в Перми, о чем сделана отметка паспортистом Пермского университета. Получив 3 июля от университета командировочное удостоверение, он выехал через Москву в Киев: в его паспорте есть запись от 14 июля 1920 года с указанием московского адреса прописки («Среденская часть 2 участка дом 12 Восточная Садовая Спаская») и запись от 24 августа 1920 года, где в качестве адреса прописки уже указан Киев³⁸. Поэтому имеющиеся в многочисленных открытых источниках данные о том, что А. М. Горовцев уехал из Иркутска лишь осенью 1920 года, не соответствуют действительности. Из Иркутска ученый выехал еще в начале июня.

С 1 июля по 1 декабря 1920 года А. М. Горовцев состоял профессором отдела социальных наук Высшего института народного образования им. М. П. Драгоманова. В октябре 1920-го ему были выданы удостоверения о том, что он состоит профессором Киевского института внешних сношений с 29 октября и профессором по международному праву Киевского института народного хозяйства. В самом начале 1921 года эти два института выдают ему командировочные удостоверения в Одессу для приобретения библиотеки, а также в Москву и Петроград для получения необходимых справок³⁹.

А. М. Горовцев читал международное право в Киевском институте народного хозяйства с осени 1920 года по март 1921-го, «после чего через Бессарабию бежал из России» во Францию⁴⁰. Сам Александр Михайлович указывает, что с осени 1920 года он работал в Киеве и «оттуда, сделав необходимые приготовления к переходу границы, бежал из Советской России в марте 1921 года»⁴¹. Границу пересек в Орееве и обратился к префекту со словами, «достаточно рисующими весь ужас оставшегося, к счастью, позади... “коммунистического рая”»: «Если нужно, арестуйте меня. Я предпочитаю быть арестантом в Европе, чем на свободе в “свободнейшей” из всех стран мира». «Так бегут заживо погребенные из того гроба, который представляет собою сов[етская] Россия»⁴². Позднее в Париже он напишет: «...я бежал не от преследований, против меня лично направленных, а от общих физических страданий голода и, еще больше, от моральных страданий унижительного бессилия изменить что-нибудь в нынешних условиях положения России»⁴³.

Оказавшись в Кишиневе, в письме от 31 мая 1921 года В. Л. Бурцеву, главному редактору издававшейся в Париже газеты «Общее дело», А. М. Горовцев сообщает, что он делает «все здесь возможное для антибольшевистской пропаганды», но Бессарабия – это «политическое захолустье» и «конечно, все мои стремления обращены к Парижу». В этом же письме он отмечает, что перешел границу «нелегальным пу-

³⁷ Личные документы М. А. Горовцева // ГАРФ. Ф.р. 6095. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

³⁸ Там же. Л. 17–18.

³⁹ Там же. Л. 4, 6, 42, 43. (В Киеве профессор проживал по адресу: Васильевская ул., 54/10.)

⁴⁰ Стародубцев Г. С. Международно-правовая наука российской эмиграции... С. 28.

⁴¹ ГАРФ. Ф.р. 6095. Оп. 1. Д. 71. Л. 327.

⁴² Горовцев А. М. Бегство (Действие в трех операх) // Трибуна. 1922. Вып. 1 (XV): С этого берега. С. 58.

⁴³ Горовцев А. Имеющим уши // Общее дело. 1921. 30 авг. (№ 409). С. 2.

тем» и находится «без средств»⁴⁴. В Кишиневе профессор читал публичные лекции антибольшевистского содержания, выпускал еженедельную газету⁴⁵.

12 июля 1921 года Российским консульством в Бухаресте (Румыния) А. М. Горовцеву был выдан паспорт с указанием, что он отправляется во Францию. Судя по пограничным отметкам в этом паспорте и последующим письмам самого профессора, его прибытие в Париж состоялось в августе-сентябре 1921 года.

С 8 ноября 1921 года по 15 марта 1922-го А. М. Горовцев работает в Париже в газете «Общее дело» и живет в общежитии «на условиях благотворительности». Однако между ним и главным редактором В. Л. Бурцевым происходит тяжелый конфликт из-за неоплаты (по мнению Александра Михайловича) опубликованных в газете его статей. Впоследствии В. Л. Бурцев в письме А. М. Горовцеву напишет: «...говорили, что сотрудничество Ваше... принесет мне немало неприятностей. <...> ...По поводу Вас меня тогда усиленно предупреждали, как против человека неужившегося, с которым неизбежно будут столкновения»⁴⁶.

При этом А. М. Горовцев одновременно ищет место преподавателя на русских отделениях европейских университетов. Русский юридический факультет в Праге в декабре 1921 года принял решение пригласить его (как «профессора кафедры международного права из Иркутска») на вольные вакансии для преподавания международного права⁴⁷. В конце декабря – начале января 1922 года Александр Михайлович находился в Праге – по всей видимости, именно с целью трудоустройства. В адресованном ему письме из Праги некто А. S. Lomonakoff сообщает, что здесь нет русского университета, нет кафедр и русские студенты числятся в чешских учебных заведениях, что «вольная вакансия» – это стипендия чехословацкого правительства для поддержки профессоров, что «Ваше заявление рассмотрено и вы стоите кандидатом 1 очереди на вольную вакансию»⁴⁸. Однако А. М. Горовцев к работе в Праге не приступил. В личном архиве профессора сохранился ответ Комитета по обеспечению образования русских студентов Чехословацкой республики на отправленное им письмо от 15 января 1922 года, и в нем сказано, что все вакансии заняты⁴⁹.

К сожалению, преподавательская работа и карьера А. М. Горовцева в Париже были омрачены серьезными трудностями и субъективного, и объективного характера. Так, в июле 1922 года Русской академической группой (РАГ) в Париже⁵⁰ рассматри-

⁴⁴ ГАРФ. Ф.р. 5802. Оп. 1. Д. 210. Л. 3.

⁴⁵ Речь идет о кишиневской газете «Неделя», в которой А. М. Горовцев принимал самое активное участие.

⁴⁶ ГАРФ. Ф.р. 5802. Оп. 1. Д. 210. Л. 9, 16, 18.

⁴⁷ *Стародубцев Г. С.* Международно-правовая наука российской эмиграции... С. 83.

⁴⁸ ГАРФ. Ф.р. 6095. Оп. 1. Д. 71. Л. 295.

⁴⁹ Там же. Д. 74. Л. 95.

⁵⁰ Русские академические группы ставили себе задачи сохранить в эмиграции русскую науку и культуру, объединить русских ученых за рубежом и дать им возможность продолжить научную работу. РАГ в Париже была наиболее известной на Западе. См.: *Квакин А. В., Мухачев Ю. В.* Русская академическая группа // Русское зарубежье: история и современность: сб. ст. / ред.-сост. Ю. В. Мухачев, Т. Г. Петрова. Вып. 4. М.: Ин-т науч. инф. по общ. наукам РАН, 2015. С. 29–33; Очерк деятельности Русской Академической Группы в Париже // Труды русских ученых за границей: сб. Академ. группы в Берлине. Т. I / под ред. А. И. Каминка. [Берлин]: Слово, 1922. С. 277–279.

вался вопрос об исключении А. М. Горовцева из своего состава⁵¹. Сам Александр Михайлович полагал, что этот процесс был прямо связан со старым семейным делом и последовавшим за ним конфликтом на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета с А. А. Пиленко, бароном Б. Э. Нольде и П. П. Гронским, после революции тоже оказавшимися в эмиграции в Париже и входившими в состав РАГ. В своих парижских воспоминаниях А. М. Горовцев пишет о семейно-имущественном споре как об «исключительно тяжелой драме» своей жизни, приведшей к тому, что профессор А. А. Пиленко в 1915–1916 годах поднял на юридическом факультете вопрос о его «нравственных достоинствах» (обвинения в недопустимых отношениях с падчерицей). Он утверждает, что именно этот старый конфликт лишил его возможности «как-нибудь устроиться в Париже» («после 3^{1/2} лет голодания в советской России голодаю теперь в Париже»; «по несколько дней не обедал», что привело к полному «истощению организма»)⁵², что он пытался устроиться на работу в посольство в Париже, но барон Б. Э. Нольде тому препятствовал.

Этот многолетний затяжной конфликт и его последствия для душевного здоровья Александра Михайловича стали одной из основных причин произошедшего много лет спустя самоубийства, поэтому позволим себе несколько строк о нем.

Сам конфликт А. М. Горовцев подробно описал в книге «Общественная сторона одного семейного дела. Изысканное мошенничество под броню «престижа власти»», изданной в Петрограде в 1916–1917 годах⁵³.

Итак, 3 февраля 1906 года в Петрограде, «после четырех лет ухаживания», А. М. Горовцев сочетался браком с Софьей Степановной фон Циглер (в девичестве – Соллогуб). Супруга происходила из богатой и знатной семьи. Ее отец Степан Степанович Соллогуб был председателем правления Волжско-Камского банка. Имея от первого брака двух дочерей – Анну и Ольгу⁵⁴, он позднее сочетался браком с Софьей Львовной Яковлевой. В этом втором браке родилось шесть детей: Мария, Софья, Наталья, Елизавета (Лилли), Вера и Павел. К сожалению, наследственность со стороны тещи А. М. Горовцева была отягощена душевными болезнями: Елизавета в 1909 году, после пяти лет борьбы с недугом, покончила с собой в возрасте девятнадцати лет, Вера и Павел признаны душевнобольными и находились в психиатрических лечебницах.

⁵¹ ГАРФ. Ф.р. 6095. Оп. 1. Д. 74. Л. 87–88.

⁵² Там же. Ф.р. 6085. Оп. 1. Д. 71. Л. 15, 16, 18.

⁵³ *Горовцев А. М. Общественная сторона одного семейного дела. Изысканное мошенничество под броню «престижа власти»*. Пг., 1916–1917. (Книга сохранилась в одном экземпляре. Находится в: ГАРФ. Ф.р. 6095. Оп. 1. Д. 50. Издавалась в разное время частями: первая и вторая части вышли в 1916 году (весь тираж, кроме одного авторского экземпляра, не сохранился); третья часть, вероятно, была издана в 1917 году, и только в одном экземпляре.)

⁵⁴ А. С. Корженецкая (1970–1913) (супруг – генерал Корженецкий Казимир Францевич (1859–1941)) и О. С. Чаплина (супруг – Чаплин Таврион Николаевич (1863 г.р.), уроженец Таврической губернии, корнет в отставке армейской кавалерии, участник Первой мировой войны, призван в августе 1914 года в Таврическое конное ополчение, младший офицер 97-й конной сотни. См. об этом: Крымская книга памяти Великой войны 1914–1918 годов / [сост. А. И. Григоров]. Т. 1: Преимущественно уроженцы и жители города Симферополя, Симферопольского и Феодосийского уездов Таврической губернии. М.: Моск. изд. дом, 2014. С. 593).

Софья «выдана была первый раз замуж из пятого класса гимназии, как только ей минули те 16 лет, которые, по устаревшему нашему закону, считаются достаточными для брачного совершеннолетия девушки»⁵⁵, за Александра Петровича фон Циглера⁵⁶. Брак с самого начала оказался несчастливый. Родив в замужестве двух дочерей – Софью и Веру, заплатив супругу 30 тыс. рублей «по договору» за отказ от детей, Софья в возрасте 19 лет развелась и в 1895 году с дочерьми-погодками вернулась в дом родителей. Семейная жизнь ее сестры Натальи сложилась счастливее: в 1904 году та вышла замуж за князя Николая Леонидовича Оболенского, выпускника юридического факультета Петербургского университета, будущего губернатора Курского, Харьковского и Ярославского. Именно между семьями этих двух сестер разгорелся многолетний имущественный конфликт.

О начале семейной жизни с Софьей Степановной Александр Михайлович Горюнов напишет так: «...наш брак, действительно, дал нам в первые годы нашей семейной жизни всю полноту счастья, на какую человек может только рассчитывать»⁵⁷. Однако потом случилась «та самая» семейно-имущественная драма. Предметом раздора семей двух сестер стало имение в Орловской губернии, которое их мать, разделив свое состояние между сестрами, передала Софье. А. М. Горюнов утверждал, что имение перешло по купчей крепости. Однако князь Н. Л. Оболенский оспаривал продажу, настаивал на том, что имение передано было в дар, и, «пользуясь для этого архаической ст. 974-ю Законов гражданских о возможности отобрания дара за неблагодарность», от имени тещи, «с которой он стал в исключительную близость», начал процесс об отобрании состояния у жены А. М. Горюнова. Основание иска – «неблагодарная дочь, забывшая свой долг перед матерью»⁵⁸.

Одновременно с этим конфликтом развернулась борьба за опеку над падчерицами А. М. Горюнова между его супругой и ее матерью. Александр Михайлович пишет, что его падчерицы «истеричные», страдают «интенсивной наследственностью», характеризуются «повышенной внушаемостью», обе предпринимали попытки к самоубийству. Старшая дочь жены по рекомендации психиатра была помещена в пансион для девушек за границу⁵⁹. Однако семья Оболенских и семьи падчериц его тещи использовали, по мнению А. М. Горюнова, «дьявольские средства», «рисую...

⁵⁵ Горюнов А. М. Общественная сторона одного семейного дела... Ч. 2. С. 34.

⁵⁶ Брак был совершен в Церкви Сошествия Святого Духа при Николаевском кавалерийском училище в Санкт-Петербурге 15 апреля 1892 года. См. об этом: Справочник метрических записей архивов СПб. URL: <https://forum.vgd.ru/post/3866/145769/p4711383.htm>.

Об А. П. фон Циглере: «Циглер Александр Петрович, фон, род. 10 ноября 1859 г. По окончании в 1878 г. Петровской Полтавской военной гимназии поступил в Николаевское кавалерийское уч., откуда выпущен был в офицеры 10 гусарского Ингерманландского полка. В чине штабс-ротмистра служил во 2 отделе кадра Кавказской кавалерии запаса и ротмистром вышел в отставку. С 1907 г. служил по Министерству внутренних дел, Земский начальник 3 участка Валковского уезда, Харьковской губ. Коллежский асессор». URL: <http://histpol.pl.ua.gosudarstvennyedeyateli-alfavit>.

⁵⁷ Горюнов А. М. Общественная сторона одного семейного дела... Ч. 2. С. 47.

⁵⁸ Горюнов А. М. Воспоминания. Рукопись // ГАРФ. Ф.р. 6095. Оп. 1. Д. 5. Л. 11, 14–15.

⁵⁹ Там же. Л. 15, 18, 39, 42.

падчерицам как жестокое обращение – лечебно-воспитательные меры»⁶⁰, и добились лишения прав матери – С. С. Горовцевой за «крайне тяжелое положение в ее доме ее детей»⁶¹. Накал страстей был настолько высок, что А. М. Горовцев вызвал князя Н. Л. Оболенского на дуэль, от которой последний, по словам Александра Михайловича, отказался⁶². В итоге в семейный конфликт оказались втянуты высшие должностные лица государства, органы опеки, прокуратуры и даже Николай II. Эта семейная история «отлично объясняет, почему проф. Горовцев заболел душевно, затем превратился в сутягу и наконец, затравленный академическими кругами в Париже, покончил самоубийством», – писал впоследствии С. Г. Сватиков, составитель архива А. М. Горовцева⁶³. Он же весьма подробно изложил, как «beau-frère Горовцева кн. Н. Л. Оболенский, желая отнять у Горовцева пользование капиталами его жены, вовлек в предприятие... самого Николая II» и как «оценивала его “деяния” бессильная прокурорская власть»⁶⁴.

На этом фоне, по воспоминаниям А. М. Горовцева, его жена «утратила чувство действительности, стала жертвой страшной наследственности», а сам он «заплатил одним годом пребывания в Санатории для нервно-больных и тяжелым ослаблением духа на почве всех пережитых... страданий»⁶⁵. «Я потерял на этом деле лучшие годы своей жизни, те годы, когда каждый человек создает себе достойное общественное положение; я потерял на нем свое здоровье, отчасти безвозвратно...»⁶⁶, – писал Александр Михайлович.

К несчастью, этот затяжной семейный конфликт имел последствия и для работы А. М. Горовцева на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета, где в 1915–1916 годах он был обвинен коллегами по кафедре международного права профессорами Б. Э. Нольде и А. А. Пиленко в недостойном преподавателя аморальном поведении по отношению к своим падчерицам. А. М. Горовцев был вынужден даже покинуть университет. И хотя впоследствии его положение на факультете было восстановлено, очевидно, что сохранившаяся там атмосфера обвинения стала одной из причин (вкуче со случившейся революцией) поиска им с начала 1918 года профессорской должности в Перми и городах Сибири.

Более того, этот же дореволюционный семейный конфликт сыграл не последнюю роль в деле об исключении А. М. Горовцева из состава Русской академической группы в Париже в 1922 году⁶⁷. В 1936 году, уже после смерти профессора, С. Г. Свати-

⁶⁰ Горовцев А. М. Воспоминания. Рукопись // Л. 18.

⁶¹ Горовцев А. М. Общественная сторона одного семейного дела... Ч. 1. С. 33.

⁶² Там же. С. 30.

⁶³ Опись архива А. М. Горовцева, составленная С. Г. Сватиковым // ГАРФ. Ф.р. 6095. Оп. 1. Д. 136. Л. 14.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Горовцев А. М. Воспоминания. Рукопись... Л. 50.

⁶⁶ Горовцев А. М. Общественная сторона одного семейного дела... Ч. 1. С. 52.

⁶⁷ См. об исключении А. М. Горовцева из РАГ подробнее: Родионова Н. А. Повседневная жизнь Русской Академической Группы в Париже: случай профессора А. М. Горовцева // Нансеновские чтения 2012: материалы V Междунар. конф. (Санкт-Петербург, 23–25 октября 2012 г.). СПб.: [Б.и.], 2014. С. 301–316; Она же. Профессор А. М. Горовцев в Париже: судьба изгнанника //

ков, систематизировавший его архив, напишет, что эта семейная история «из веселого и жизнерадостного красавца, чиновника Министерства иностранных дел и приват-доцента Санкт-Петербургского университета, сделала покойного Александра Михайловича несчастным человеком. Искусное использование давней клеветы в эмиграции повлекло за собой новую борьбу, моральный упадок и самоубийство»⁶⁸.

После прибытия в Париж в 1921 году А. М. Горовцев становится членом Русской академической группы и вступает в открытое противостояние с ней по вопросу распределения преподавательской нагрузки и денежных средств, выделяемых французским правительством на поддержку русских ученых, и определения членских взносов в группу пропорционально преподаваемым часам. Многие члены академической группы имели основное место работы, а преподавательской деятельностью занимались по совместительству: «многие работают во внеаучных сферах, и ассигнования французского правительства должны идти преимущественно на научных работников»⁶⁹. А. М. Горовцев предлагает тем профессорам, которые совмещают преподавание с платной ненаучной работой, ограничить количество часов преподавания в неделю. Он пишет многочисленные заявления в Бюро группы, выносит конфликт и в общественное пространство – через публикации в своем журнале «Трибуна».

4 апреля 1922 года делопроизводитель Русской академической группы В. Н. Людоговский⁷⁰ выступает с предложением исключить («удалить») А. М. Горовцева из членов группы за оскорбление всей группы. При этом, по мнению самого Александра Михайловича, дело об исключении вызвано «его крайне тяжелой семейной драмой»: «...они заявляют, что за мной имеются факты противоморального свойства, которые делают меня недостойным преподавательской деятельности»⁷¹. Нужно заметить, что отчасти профессор сам был виновником «всплытия» в Париже его старого семейного дела. Так, Н. К. Кульман, декан Русского отделения историко-филологического факультета Сорбонны, 2 апреля 1922 года в письме к нему пишет: «...никто против Вас здесь... никаких обвинений не возбуждал. Были и есть только слухи о том, что против Вас когда-то были какие-то обвинения в аморальных поступках, и в распространении этих слухов... виноваты Вы сами: одно из Ваших циркулярных писем осведомило всех членов Академической Группы о каких-то давних против Вас обвинениях; между тем до Вашего письма почти никто... ни малейшего представления об этой истории и не имел»⁷².

В итоге была создана специальная комиссия об исключении А. М. Горовцева из состава РАГ. В нее вошли И. А. Кистяковский, В. Д. Кузьмин-Караваев, Д. М. Одинец. 8 мая 1922 года комиссия постановила не исключать А. М. Горовцева из состава группы. Но уже 25 июля собрание РАГ принимает решение прямо противоположное. Интересно приложенное к этому решению особое мнение члена группы Г. А. Алек-

Русское научное наследие за рубежами России: материалы науч. конф. (4–25 октября 2013 г.) / отв. ред. С. И. Михальченко. Брянск: РИО БГУ, 2013. С. 15–26.

⁶⁸ Опись архива А. М. Горовцева, составленная С. Г. Сватиковым... Л. 7.

⁶⁹ ГАРФ. Ф.р. 6095. Оп. 1. Д. 71. Л. 18.

⁷⁰ Людоговский Валерий Николаевич – ученый-историк, застрелился в Париже 25 января 1923 г.

⁷¹ ГАРФ. Ф.р. 6095. Оп. 1. Д. 71. Л. 221–224.

⁷² Там же. Л. 299.

синского, в котором тот отмечает, что, вернувшись в начале 1922 года в Париж, увидел, что группа занимается главным образом «бесконечным обсуждением “дела Горовцева”», и подтверждает, что «профессор Горовцев позволял себе резкие и не тактичные выходы в адрес Бюро группы, усугубившиеся нервным состоянием г. Горовцева», однако настаивает, что «нервная резкость» не заслуживает такой кары⁷³. При этом Г. А. Алексинский обращает внимание на действительно несправедливое распределение денежных средств французского правительства, выделяемых русским ученым, сокрушаясь, что «один из наших коллег, вместо того чтобы заниматься научной деятельностью, вынужден работать на сапожной фабрике»⁷⁴.

27 октября 1922 года А. М. Горовцев пытается оспорить законность принятого решения, указав, что за его исключение проголосовало лишь 17 из 63 членов группы, а инициаторами исключения были только 3 из 11 членов Бюро группы⁷⁵.

Несмотря на исключение из РАГ, А. М. Горовцев продолжает в 1922–1925 годах работать на русском отделении Сорбонны. Однако с созданием 10 января 1922 года историко-филологического факультета его переводят туда. В 1923/24 учебном году Александр Михайлович читает курсы «Россия на востоке» и «История философии права» слушателям нового факультета, которые совершенно не заинтересованы в этих предметах. И он неоднократно пишет заявления с просьбой преподавать студентам-юристам. В 1924/25 году он читает курс «Русская школа философии права» студентам юридического факультета. В 1925/26 году слушателями его курса «Принципология права» вновь становятся студенты историко-филологического факультета. В одном из своих заявлений профессор пишет: «...по курсу прочитано 6 лекций из 10, с низким уровнем явки слушателей (4-5)». В ноябре 1925 года он выступает в Сорбонне с четырехчасовой лекцией на тему «Принципология русского права»⁷⁶. Но только в июле 1926 года читаемый им очевидно юридический курс по принципам права переносят с историко-филологического факультета на юридический⁷⁷.

Судя по всему, борьба А. М. Горовцева за право преподавания на юридическом факультете так и не была закончена. 2 января 1929 года неустановленное лицо пишет на обращение профессора по этому вопросу ответ следующего содержания: «...никаких “русских факультетов” не существует – это постоянная Совещательная комиссия из членов Русских академических групп и Союза по соответствующим специальностям. От этой комиссии зависит разрешение вопросов русского преподавания (составление списка русских лекций и занятий). <...> Вы не член ни группы, ни Союза, не можете присутствовать на этих комиссиях... С осени 1928 г. по постановлению Французской комиссии вы числитесь в составе лиц, преподающих по специальностям юридического факультета»⁷⁸.

Помимо преподавания и борьбы за восстановление в членах Русской академической группы, А. М. Горовцев выступал с докладами в Тургеневском артистиче-

⁷³ ГАРФ. Ф.р. 6095. Оп. 1. Д. 71. Л. 122.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же. Л. 126.

⁷⁶ Сведения об этом можно найти в газете «Возрождение» от 14 ноября 1925 года.

⁷⁷ ГАРФ. Ф.р. 6095. Оп. 1. Д. 75. Л. 6.

⁷⁸ ГАРФ. Ф.р. 6095. Оп. 1. Д. 71. Л. 256–257.

ском обществе, на Евразийском семинаре, на собраниях редакции русской эмигрантской газеты «Дни», являлся одним из редакторов парижской газеты «Наш призыв»⁷⁹, подготовил первый выпуск «Общей газеты», которая так и не была издана. В Париже в 1922–1926 годах он издавал политический альманах под названием «Трибуна»⁸⁰. Несмотря на то что по нумерации журнал продолжил то издание, что прежде выходило в России (в Париже свет увидели выпуски с 15-го по 17-й), содержательно он был ближе к «Откликам», которые ранее издавались тем же Горовцевым в России, поскольку представлял собой статьи, памфлеты, фельетоны самого Александра Михайловича. Никаких речей политиков в парижском альманахе уже не было, но публиковались статьи по правовым вопросам⁸¹, а также резко критиковалось «сменовеховство»⁸², ярким представителем которого был другой профессор-юрист Пермского университета Н. В. Устрялов.

А. М. Горовцев в эмиграции вел и активную научную работу. В период с 1922 по 1928 год им было опубликовано несколько научных работ на французском языке на разные политические и правовые темы: от причин стабильности советского режима и юридического понятия признания до принципов публичного права и проблем определения объекта международного права⁸³.

После неоднократных попыток добиться восстановления в составе Русской академической группы во внесудебном порядке А. М. Горовцев в декабре 1926 года принимает решение обратиться в суд: «...я вынужден прибегнуть к осуществлению меры, особенно тягостной в существующей обстановке, но которая должна явиться... завершением моей самозащиты: а именно к выяснению в судебном порядке вопроса

⁷⁹ Российское зарубежье во Франции: 1919–2000: биограф. слов.: в 3 т. Т. 1: А–К / [М. Авриль и др.]; под общ. ред. Л. Мухина, М. Авриль, В. Лосской. М.: Наука: Дом-музей Марины Цветаевой, 2008. С. 404.

⁸⁰ А. Г. «Как хороши, как свежи были розы...» (Вместо предисловия) // Трибуна: полит. альм. 1922. Вып 1 (XV): С этого берега. С. 2–5.

⁸¹ См.: Горовцев А. М. Правовое положение не-Советской России // Трибуна: полит. альм. 1923. Вып. 2 (XVI): Скрепка вех. С. 4–12.

⁸² См.: Горовцев А. М. Смена вех // Трибуна: полит. альм. 1923. Вып. 2 (XVI): Скрепка вех. С. 13–17; Садыкер П. «Вехи смен»: (лекция проф. А. М. Горовцева) // Смена вех. 1922. № 11. С. 18–20; Горовцев А. Письмо в редакцию // Смена вех. 1922. № 12. С. 24.

⁸³ Gorovtseff A. Les raisons de la stabilité du Pouvoir des Soviets // Mercure de France. 1922. 15 Juillet. Pp. 327–355; *Idem*. La probleme de la reconnaissance du point de vue juridique // La Paix par le Droit. 1924. Decembre; *Idem*. Le parlement de demain: Quelques idees nouvelles sur la formation de la Representation National. Paris: M. Giard (éditeur), 1924; *Idem*. La notion de l'objet en droit international et son rôle pour la construction juridique de cette discipline. Paris: A. Pedone (éditeur), 1925. Extrait de la Revue de droit international de legislation comparée. 1925. № 1–2. Pp. 173–200; *Idem*. La Société des Nations et les Etats-Unis d'Europe: Croquis d'un plan pour la Société des Nations economique et sociale. Paris: A. Pedone (éditeur), 1925; *Idem*. Sécurité, Desarmement, Dettes interalliées // La Grand Revue. 1925. Mars; *Idem*. Études de Principiologie du droit. Paris: M. Giard (éditeur), 1925. Extrait de la Revue du droit public et de la science politique en France et à l'étranger. 1925. Avril – Mai – Juin; *Idem*. Études de principiologie du droit. P. 2: Théorie du sujet de droit. Paris: E. de Boccard, 1928.

о правильности моего исключения»⁸⁴. Его членство в группе было восстановлено судом в 1928 году.

Следует заметить, что попытки оправдаться в выдвинутых еще до революции обвинениях в аморальном поведении Александр Михайлович Горовцев предпринимал постоянно до конца своих дней. Он делал запросы в Советскую Россию, стремясь получить документы, связанные с «этим семейным делом». Некая А.Г. в ответ на его просьбу помочь в «том семейном деле» 20 марта 1927 года напишет ему из Москвы: «Когда у человека образуется твердое намерение испортить себе жизнь, его невозможно остановить, но для меня несомненно, что вы сорвете свою работу и не достигнете той цели, которую ставите себе»⁸⁵. Вероятнее всего, обвинения А. М. Горовцева в аморальном отношении к падчерицам были безосновательны. Систематизатор его архива С. Г. Сватиков пишет: «Я лично расследовал это дело, и мне и вдова, и падчерица покойного (“честь” которой защищал кн. Оболенский) заявляли, что все утверждения Оболенского, якобы Горовцев развращал падчерицу, были гнусной клеветой»⁸⁶.

После завершения судебного процесса в марте 1929 года Александр Михайлович Горовцев выпустит листовку, в которой обвинит П. Н. Милюкова в исключении его из Русской академической группы в Париже «за борьбу против произвола, совершавшегося при распределении денежных средств»: «Вам более, чем кому-либо другому, я обязан тем, что... не остается ничего, кроме пытки моральных переживаний и, в буквальном смысле, голодная смерть, при полной невозможности устроить свое материальное существование... Вам более, чем кому-либо другому, я обязан тем, что в эти исключительно страшные минуты моей жизни дуло револьвера, лишь в последний момент случайно отведенное стуком в дверь, уже коснулось холодом смерти моего виска»⁸⁷.

К сожалению, суды, изматывающие здоровье и психологическое состояние А. М. Горовцева, на этом споре не прекратились. В 1929 году началась его тяжба с парижской газетой «Последние новости», которая 9 января опубликовала заметку под названием «Дело профессора Горовцева» следующего содержания: «8 января первым отделением Сенского гражданского суда вынесено решение по иску профессора Горовцева к Русской академической группе в Париже. 22 июля 1922 г. группа вынесла постановление об исключении г. Горовцева. Суд, по формальным основаниям, аннулировал решение группы и обязал последнюю уплатить Горовцеву 100 фр. в возмещение понесенного им морального вреда»⁸⁸. А. М. Горовцев с такой интерпретацией принятого судом решения не согласился и потребовал опубликовать в газете свой ответ. Редакция газеты отказалась. Тогда профессор обратился в суд, но дело проиграл: редакция доказала, что предложенный им текст превышал возмож-

⁸⁴ ГАРФ. Ф.р. 6095. Оп. 1. Д. 71. Л. 135.

⁸⁵ Там же. Д. 115. Л. 41.

⁸⁶ Опись архива А. М. Горовцева, составленная С. Г. Сватиковым... Л. 15.

⁸⁷ ГАРФ. Ф.р. 10073. Оп. 3. Д. 479. (Листовка с открытым письмом профессора А. М. Горовцева к П. Н. Милюкову. Листовка – приложение к 3-му выпуску политического альманаха «Трибуна».)

⁸⁸ Дело профессора Горовцева // Последние новости. 1929. 9 янв. (№ 2849). С. 3.

ные для ответа по закону 50 слов⁸⁹. В начале 1932 года последовал второй судебный конфликт между «Последними новостями» и А. М. Горовцевым. Дело в том, что 7 апреля 1931 года в газете была напечатана обзорная статья о состоявшемся 3 апреля публичном заседании общества «ДНИ», в которой, в частности, отмечалось: «...любопытно, что при обсуждении вопроса об интервенции один из слушателей попробовал затронуть вопрос об эволюции советской власти. Дескать, тут в эмиграции нам морочили голову надеждами на возможность постепенного перерождения власти большевиков в нечто приемлемое... Вышел конфуз и смех»⁹⁰. Несмотря на то что этот «один из слушателей» не был в заметке назван, А. М. Горовцев узнал в нем себя и потребовал право на ответ в газете, сочтя, что автор заметки искажил характер его выступления. Получив отказ, 25 января 1932 года он обратился в суд. Однако и это дело он также проиграл, поскольку не был лично назван в статье.

Кроме того, несмотря на восстановление в Русской академической группе, достаточную для выживания преподавательскую нагрузку А. М. Горовцев так и не получил. Издав в 1928 году двухтомную монографию о принципах права и желая продолжить научную и преподавательскую работу, он принимает усиленные меры к получению кафедры или места профессора за пределами Франции. Так, 2 февраля 1928 года он направляет свой двухтомный труд в Эстонию Д. Д. Гримму, профессору римского права Тартуского университета, бывшему декану юридического факультета Санкт-Петербургского университета. «...Работу эту, – сообщает он в сопроводительном письме, – мне пришлось писать в исключительно трудных условиях нищенского существования в Париже, по ночам, после тяжелого дневного труда для добывания куска хлеба», а «местные оценки в здешних ученых кругах служат для меня повелительным указанием к тому, что я должен приложить все свои силы, чтобы обеспечить себе возможность продолжения научной работы»⁹¹. Александр Михайлович просит работу в Тартуском университете. В его планах написание третьего тома «Принципологии права» – о приложении общих принципов права к государству, собственности, семье.

Позднее, 19 апреля 1928 года, в письме к профессору Висконсинского университета, востоковеду А. А. Васильеву он просит о содействии в получении работы в Америке («во Франции кафедры не могут быть заняты иностранцами») и сообщает, что у него вышли два тома «Принципологии права», предмет которой важнейшая юридическая дисциплина – философия права. Александр Михайлович отмечает, что получил на свою монографию местные отзывы французских ученых, и «это не самохвальство, а причины решимости добиваться кафедры» и «основание некой надежды на то, что может быть для меня не одною только неосуществимой мечтой»⁹². А. А. Васильев в мае 1928 года соглашается дать коллеге рекомендации в США.

⁸⁹ Дело профессора Горовцева против газеты «Последние новости» // ГАРФ. Ф.р. 6095. Оп. 1. Д. 76.

⁹⁰ Литовцев С. Свидетельство о России // Последние новости. 1931. 7 апр. (№ 3667). С. 2.

⁹¹ ГАРФ. Ф.р. 6095. Оп. 1. Д. 87. Л. 50.

⁹² Там же. Л. 24, 26.

Этой же весной 1928 года с просьбой помочь ему трудоустроиться в Америке А. М. Горовцев, видимо, обращался и к работавшему в то время в Университете Миннесоты Питириму Сорокину, который в письме, датированном 8 марта 1928 года, ответил ему, что устройство в Америке затруднено, так как здесь «нет дисциплин теория права и философия права», и пояснил, что если Александр Михайлович собирается приехать в Америку, то должен быть готов «год-два работать на фабриках и т.п. Люди сильные выбиваются. Слабые – прозябают»⁹³.

В 1930 году с тем же вопросом А. М. Горовцев обращается к профессору Белградского университета Е. В. Спекторскому, который 13 декабря 1930 года отвечает, что трудоустроиться в Белграде нет никакой возможности, и приводит пример: «...академик П. Б. Струве уже три года живет в Белграде и его не приглашают в университет, хотя бы для прочтения без вознаграждения необязательного курса»⁹⁴.

Наконец, в 1933 году А. М. Горовцев пытается трудоустроиться в Чехословакии. Л. Казимир в ответных письмах к нему от 30 августа и 12 сентября 1933 года приглашает его на работу в Прагу⁹⁵. Однако по каким-то причинам Александр Михайлович этим предложением не воспользовался.

Тогда же, в 1933-м, с этим вопросом А. М. Горовцев обращается и в Латвийском университете к бывшему профессору Пермского университета А. Н. Круглевскому. Последний в своем ответе от 14 сентября напишет, что он навел справки и результаты неутешительны: «В Латвийском университете устроиться иностранцу давно невозможно. Синайский попал сюда в 1922–1924 гг., Лаверсон устроиться не мог... Уже 2-3 года, как все мы читаем по-латышски, выучившись языку уже здесь на месте в Риге... Сейчас уже никаких вакансий»⁹⁶.

Вероятно, это было последнее письмо, полученное А. М. Горовцевым перед самоубийством в октябре 1933 года, более поздних писем от кого-либо в архиве Александра Михайловича нет. 28 октября, испытывая крайнюю нужду, психически и физически измотанный личными конфликтами, судебными процессами, невозможностью получить профессорское место преподавателя и фактической безработицей, А. М. Горовцев покончил с собой в Булонском лесу. Похоронен он 2 ноября в Париже, на кладбище Тие⁹⁷.

В 1936 году опись архива А. М. Горовцева подготовил и передал в Русский заграничный исторический архив в Праге ученый-историк Сергей Григорьевич Сватиков, который пересекался с профессором в газете «Общее дело» и в Сорбонне, где читал лекции по истории политических идей.

В завершение отметим, что история личной жизни А. М. Горовцева в эмиграции крайне запутанна. В уже упоминавшейся книге «Общественная сторона одного семейного дела...» профессор пишет, что в 1914 году, после двенадцати лет совместной жизни, Софья Степановна ушла от него со словами «и в самом деле я в тебе

⁹³ ГАРФ. Ф.р. 6095. Оп. 1. Д. 110. Л. 3.

⁹⁴ Там же. Д. 87. Л. 3.

⁹⁵ Там же. Д. 104. Л. 1, 3.

⁹⁶ Там же. Д. 106. Л. 4.

⁹⁷ Незабываемые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917–1997: в 6 т. Т. 2: Г–З / сост. В. Н. Чуваков; под ред. Е. В. Макаревич. М.: Пашков дом, 1999. С. 188.

ошибалась», после чего он год «лежал пластом»⁹⁸. Описывая «то самое семейное дело» в парижских воспоминаниях, он называет супругу «беспримерно-несчастной жертвой этого кошмара» и посвящает написанные строки «светлой памяти замученной жертвы, моей несчастной жены, мученицы-матери»⁹⁹. В эмиграционных документах А. М. Горовцева в графе о семейном статусе есть запись: «жена отсутствует». Нигде в своей обширной переписке в годы эмиграции он не упоминает о наличии супруги¹⁰⁰. Однако достоверно известно, что Софья Степановна Горовцева пережила своего супруга: 25 мая 1936 года в Париже именно она собственноручно, в статусе «вдова Горовцева», получила оплату в тысячу франков за архив А. М. Горовцева, оставив за собой право перепечатки его научных трудов по публичному (государственному и международному) праву¹⁰¹.

Александр Михайлович Горовцев – признанный специалист в сфере международного права. В начале научной карьеры им были опубликованы две работы по международному праву¹⁰². Перед приездом в Пермь он публикует монографию на стыке международного права и теории права «Некоторые основные спорные вопросы учения о праве в связи с международным правом», которая получила заслуженное признание ученых-юристов.

А. М. Горовцев – последовательный сторонник и адепт международного права, как «того аппарата разумного согласования, гармонии и интересов отдельных государств, которому должна принадлежать мощь если не предотвращения, то, по крайней мере, ослабления способных повергать человечество в потоки крови эксцессов, при условии взаимного разумного сознания государствами всей невыгодности увлечения собственными интересами за пределы той ценности и того уважения, какие должны быть обеспечены также и за интересами других членов международного общения»¹⁰³. Он видел развитие международного права как веление исторической

⁹⁸ Горовцев А. М. *Общественная сторона одного семейного дела...* Ч. 1. С. 33.

⁹⁹ Горовцев А. М. *Воспоминания. Рукопись* // ГАРФ. Ф.р. 6095. Оп. 1. Д. 5. Л. 50.

¹⁰⁰ Известно также, что в 1925 году А. М. Горовцев вел теплую переписку с некой Евгенией Константиновной Воршевой, получил от нее личную фотокарточку, ждал ее прибытия в Париж. Однако 10 ноября 1925 года она ему напишет: «Я знаю, что вы ждали меня, хотели, чтобы я приехала, и я серьезно собиралась. Я была уже в Бухаресте и имела все визы, и вдруг обстоятельства изменились. Я заболела там... и встретила с человеком, с которым считала, что всё уже кончено у меня. Начались уговоры, просьбы и страшная борьба в душе. Разбитая и совсем больная физически и нравственно, я вернулась в Кишинев с мыслями всё же оправиться и продолжать путь. Но не могу, Александр Михайлович, поймете ли вы меня? Я остаюсь и выхожу замуж. <...> Вы такой чуткий и робко-хороший, поймите меня и простите, и напишите, что не сердитесь» // ГАРФ. Ф.р. 6095. Оп. 1. Д. 98. Л. 4.

¹⁰¹ ГАРФ. Ф.р. 6095. Оп. 1. Д. 136. Л. 5.

¹⁰² Горовцев А. М. *Сущность международного права и его система* // Журнал Министерства юстиции. 1911. № 7. С. 129–146; *Он же. Словарь краткой энциклопедии международного права*. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1909. А самая первая работа А. М. Горовцева, как мы указали выше, была написана еще в годы учебы и издана в 1901 году: *Горовцев А. М. Трудовая помощь как средство призрения бедных*. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1901. Большой исторический и культурологический интерес представляет также работа ученого о поездке в Китай: *Рунин С. (Горовцев А. М.) В Маньчжурии*. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1904.

¹⁰³ Горовцев А. М. *Некоторые основные спорные вопросы учения о праве...* С. XXV.

минуты, «для которого не нужно оправдания»¹⁰⁴, а теорию права называл «царицею юридических наук»¹⁰⁵ и призывал строить науку международного права в неразрывной связи с основными общеправовыми понятиями.

А. М. Горовцевым сделан значительный вклад в обоснование самостоятельности международного права, в опровержение доводов государственных теорий о праве, согласно которым если нет высшего государственного принуждения, то нет и права. Ученый доказывал «правокачественность» международного права, сопоставляя его с правом конституционным, в котором тоже нет высшей силы, и опираясь на социальные теории права и на идею самообязывания государства. При этом он объяснял, что условием международного права является самообязывание не по отношению к себе (это функции нравственности), а по отношению к другим – своим гражданам и другим государствам. «Но наряду с этим значением международного права, как совокупности его отдельных норм, гораздо большую важность представляет его значение в смысле тех основных начал, на которых зиждется все мировое общение и которые не даром поэтому и называются иногда... “правом устройства”, – писал А. М. Горовцев. – Это – те основные законы, та конституция правовой жизни различных государств, к которой отдельные нормы по частным направлениям относятся... приблизительно так же, как к основным законам и конституции отдельного государства относятся его отдельные законы уголовные, гражданские и др. И подобно тому, как вполне возможное... даже и при самой идеальной конституции того или иного государства увеличение числа нарушений отдельных законов... есть нечто одно, а правильное функционирование и дальнейшее развитие законов конституционных – нечто совершенно иное, точно так же и в жизни мирового общения лежащие в основе его начала международного права могут не только не ослабляться от нарушения отдельных его норм, но, напротив того, по самым особенностям этого общения, в котором каждый его отдельный член есть непосредственная активная сила правотворчества, последнее может... еще более крепнуть и развиваться от надлежащего реагирования на эти отдельные нарушения»¹⁰⁶.

Интересны рассуждения А. М. Горовцева об области правотворчества, которая «не только храм, где люди должны молиться богине права», но прежде всего «мастерская», в которой творится право не кем иным, как «самими же людьми»¹⁰⁷. Не менее интересны его высказывания о том, что право гражданское является отраслью права публичного: «Какую бы норму... гражданского права ни иметь в виду, она... представляет собою не что иное, как веление, обращаемое государством к органам его... действовать определенным образом»¹⁰⁸. Оспаривал ученый и устоявшийся в правоведении взгляд, что принуждение является обязательным, имманентно присутствующим признаком права: «...право существует независимо от его нарушения и... оно

¹⁰⁴ Горовцев А. М. Некоторые основные спорные вопросы учения о праве... С. XXV.

¹⁰⁵ Там же. С. XXXVI.

¹⁰⁶ Там же. С. V–VI.

¹⁰⁷ Там же. С. 36.

¹⁰⁸ Там же. С. 52.

тем более “право”, чем менее оно нарушается и чем менее приходится, для его восстановления, обращаться к физическому принуждению...»¹⁰⁹

А. М. Горовцев писал, что право – это нормы разграничения и согласования человеческих интересов: «...сущность и задача права... не только в том, чтобы разграничивать интересы, но также и в том, чтобы создавать, в необходимых случаях, соединение отдельных сил и интересов и надлежащим образом их регулировать»¹¹⁰. Из такого понимания права он обосновывал правокачественность международного права: это нормы разграничения и согласования областей государственного властвования, и между государствами совершается «тот же процесс, каким образуется право в общении между отдельными людьми»¹¹¹.

А. М. Горовцев одним из первых в отечественном правоведении обосновал, что право представляет собой триаду: право междуиндивидуальное, государственно-индивидуальное и междугосударственное, а последнее «представляет собой круг норм взаимоограничения государств в их государственном властвовании»¹¹².

Наконец, А. М. Горовцев – один из основателей доктрины международного права войны. В 1902 году он опубликовал работу «Война и право»¹¹³, в 1906-м – работу «Осада Порт-Артура с точки зрения международного права»¹¹⁴, в 1915-м – брошюру «После войны. Германизм и славянство. Условия мира»¹¹⁵.

И все же наибольшее признание и известность в этой сфере принесла А. М. Горовцеву публикация книги «Законы войны (война и право)», предваряемой его же словами о зависимости оценки войны от того, «во имя чего и как война ведется». Ученый признавал необходимость войны: «Отрицание войны... в тех случаях, когда она является единственным средством защиты интересов иногда наиболее жизненных, связанных с самим существованием государства, с его чувством собственного достоинства, против посягательства на эти интересы со стороны, было бы таким “непротивлением злу”, от которого это зло только еще более укреплялось бы и пускало бы еще глубже свои корни»¹¹⁶. Он также писал, что «в отношениях между

¹⁰⁹ Горовцев А. М. Некоторые основные спорные вопросы учения о праве... С. 59.

¹¹⁰ Там же. С. 77–78.

¹¹¹ Там же. С. 109.

¹¹² Там же. С. 113, 122–123.

¹¹³ Горовцев А. М. Война и право: сообщение, прочитанное в Обществе ревнителей военных знаний 6 марта 1902 г. СПб.: О-во ревнителей воен. знаний, 1902. (Второе издание вышло в 1910 году: Горовцев А. М. Война и право: сообщение, прочитанное в Обществе ревнителей военных знаний 6 марта 1902 г., с прил. Гагской конвенции 1907 г. о законах и обычаях войны и Лондонской декларации 1909 г. о праве морской войны. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1910. В библиографии, составленной в Париже самим А. М. Горовцевым, указывается, что год третьего издания – 1916-й. См.: Трибуна: полит. альм. 1926. Вып. 3 (XVII): Сим не победишь. С. 41.)

¹¹⁴ Горовцев А. М. Осада Порт-Артура с точки зрения международного права. СПб.: Тип. т-ва п. ф. «Электро-тип. Н. Я. Стойковой», 1906.

¹¹⁵ Г-в А. (Горовцев А. М.) После войны. Германизм и славянство. Условия мира. Пг.: Кн. маг. б. Мелье и К°, 1915.

¹¹⁶ Горовцев А. М. Законы войны (война и право): сообщение, прочитанное в Обществе ревнителей военных знаний. 2-е изд., с прил. Гагской конвенции 1907 г. о законах и обычаях войны и Лондонской декларации 1909 г. о праве морской войны. Пг.: тип. «А. Н. Лавров и К°», [191-?]. С. 17.

государствами, где нет ни высшей над ними власти, ни законодательства, ни суда, обеспечивающих во внутренней жизни государства необходимый правовой порядок, война остается тем явлением применения силы, которое представляет собой нередко единственное средство проведения в жизнь и защиты также и самых возвышенных положительных интересов, и почти всегда единственное средство установления равновесия между отдельными интересами различных государств в тех случаях, когда интересы эти настолько серьезны, что добровольных мирных уступок на их почве ожидать не приходится»¹¹⁷. А. М. Горовцев обосновал войну как необходимое реагирование на факт попрания международного договора.

Особую актуальность сегодня приобрело утверждение А. М. Горовцева, что *pacta sunt servanda* – «в этом, в сущности, начало и конец всего международного правового общения»¹¹⁸. По мнению ученого, каждое государство как суверен вольно принимать или не принимать участие в заключении международного договора; при этом нарушение его положений – это нарушение основных начал международного права, «и чем энергичнее реакция против этого, чем нагляднее приходится нарушителю убеждаться в том, что он от этого нарушения не выиграл, а проиграл, тем выше... уровень международного права, тем оно... прочнее и действительнее»¹¹⁹.

А. М. Горовцев предсказывал, что войн не будет лишь когда идея государственности сменится идеей космополитизма, которая соберет эти политические тела в «одно общечеловеческое целое», признавая при этом, что «мы отделены от этого времени целыми тысячелетиями»¹²⁰.

Большое значение А. М. Горовцев придавал появлению института международного суда, к которому должны обращаться государства до применения силы. Поскольку, с его точки зрения, «война неизбежна и даже хороша не потому, что она хороша сама по себе, а потому, что люди недостаточно хороши для того, чтобы они могли от нее отказаться»¹²¹, необходимо «развивать правильные и здравые понятия о войне. По возможности ограничить круг действия войны... смягчить причиняемые ею бедствия путем развития одной из величайших идей нашего времени – идеи права войны, регулирования известными началами применения силы на войне»¹²².

В «Законах войны...» содержится подробный разбор аргументов противников и сторонников права войны (право войны затягивает войну; на войне не должно быть никаких правил, кроме силы; право должно устранять само применение силы, а не регулировать его) и обзор литературы «с характером» резко отрицательного, положительного и умеренного отношения к войне.

С особой актуальностью звучат сегодня слова А. М. Горовцева о важности юридических правил войны: «Пусть право войны есть действительно лишь свод процессуальных законов, но необходимо во всяком случае помнить, что само существование таких законов доказывает уже сознание необходимости известных ограниче-

¹¹⁷ Горовцев А. М. Законы войны (война и право)... С. 17–18.

¹¹⁸ Горовцев А. М. Некоторые основные спорные вопросы учения о праве... С. XIII.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Горовцев А. М. Законы войны (война и право)... С. 18.

¹²¹ Там же. С. 26–27.

¹²² Там же. С. 30.

ний этой силы и что только постепенным развитием этих ограничений можно достигнуть в отдаленном будущем устранения самого ее применения»¹²³.

Большой интерес для истории международного права представляет исследование права войны, проведенное А. М. Горовцевым и охватывающее период от древнейших Законов Ману до подготовки Гаагской конвенции 1907 года о законах и обычаях войны и Лондонской декларации 1909 года о законах морской войны. Ученый справедливо обратил внимание на то, что «первым памятным для идеи кодификации права войны годом навсегда останется 1780 год, когда русскою Императрицею был составлен знаменитый “Акт вооруженного нейтралитета”, послуживший первым законодательным памятником общемеждународного права»¹²⁴. Таким образом, ученый внес вклад в российскую библиографию и популяризацию Гаагских конвенций, оказав раннее влияние на дальнейшие кодификационные усилия.

В качестве значимого вклада в науку международного права необходимо обозначить сформулированную А. М. Горовцевым идею о том, что принципы – самостоятельные источники нормотворчества. В работе¹²⁵ 1928 года ученый обосновывает собственную обязательную юридическую силу норм-принципов, а также то, что для своего применения принципы не нуждаются в позитивном акте государства. Он доказывает теорию, выводя силу нормы не из «воли государства», а из абстрактного принципа, который действует до и вне любого позитивного акта. Принцип, по его мнению, «создает право», а закон «лишь фиксирует найденное»¹²⁶. Одним из первых А. М. Горовцев выдвинул тезис о том, что нормативность может вытекать из природы принципа без фиксации правила поведения посредством договора или обычая. Указанная идея, по сути, предвосхитила современное понимание общих принципов права (*general principles of law*) в статье 38 Статута Международного Суда 1945 г. и доктрину императивных норм общего международного права (*doctrine of jus cogens*).

С точки зрения иерархии норм и правил, регулирующих правоотношения, А. М. Горовцев указал на приоритет применения нормы-принципа: когда написанная норма противоречит принципу, действует в качестве применимого и обладает приоритетом норма-принцип. В обзорной статье 1926 года ученый посвятил целый подраздел коллизиям *principe/règle*. Он утверждал, что правило действует, пока оно отражает (*tant qu'il reflète*) принцип; при конфликте судья «должен отбросить правило как *lex injusta*»¹²⁷. Так впервые формулируется доктрина верховенства принципов права (*supremacy of principles*), которая позже станет основанием и теории недействительности норм, противоречащих *jus cogens* (ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.), и практики международных судов, реализующих в своих решениях принципы добросовестности, пропорциональности и т.д.

¹²³ Горовцев А. М. Законы войны (война и право)... С. 39.

¹²⁴ Там же. С. 54.

¹²⁵ Gorovtseff A. Études de principiologie du droit. P. 2: Théorie du sujet de droit. Paris: E. de Boccard, 1928.

¹²⁶ Ibid. P. 104.

¹²⁷ Gorovtseff A. La lutte autour de la notion de sujet de droit // Revue trimestrielle de droit civil. 1926. № 25. P. 927.

Помимо этого, А. М. Горовцев обосновал правотворческую функцию принципа, сформулировал идею о том, что через принципы рождаются «вещие» концепции-модели, которые затем кодифицируются¹²⁸. В серии статей 1925 года, позднее изданных отдельной книгой, ученый раскрыл функцию принципов как «идей-сил»: сначала появляется идентификация проблемы – принцип первоначально существует в «социальном сознании» как ответ на конфликт интересов; далее происходит нормативная кристаллизация, то есть в правовой доктрине формулируется принцип и законодатель придает ему положительную форму; результатом является кодификация, когда после закрепления в тексте принцип продолжает «порождать» детальные правила. Такой трехступенчатый механизм практически отражает логику последующих проектов Комиссии международного права ООН: сначала *draft principles*, затем *draft articles*, наконец конвенция. А сам метод «принцип → модель → кодификация» и сегодня остается стандартом, который реализуется в решении актуальных проблем международного права (например, проблем кибербезопасности, климата).

Таким образом, идея А. М. Горовцева о принципах как самостоятельных источниках права пережила столетие и стала конституирующей для современного международного права.

Отдельно важно остановиться на неординарном, отличающемся индивидуальным прочтением подходе А. М. Горовцева к пониманию сущности и системы международного права. Ученый рассматривал международное право как упорядоченную систему, основанную на триединой формуле: субъект, объект, действие. При этом объект международного права был представлен им как «не просто внешние отношения государств, а совокупность тех или иных прерогатив власти, которыми государство обладает и которые именно подпадают под воздействие международных норм. Иными словами, международное право регулирует ту часть власти каждого государства, которая связана с его отношениями к другим государствам. И тогда сущность междугосударственного права заключается в ограничении прерогатив государственного, а не какого бы то ни было иного властвования. А властвование в виде тех или иных прерогатив государственной власти представляет собой объект международного права»¹²⁹.

Стоит отметить научную смелость А. М. Горовцева в разработке анализируемого вопроса, учитывая, что вопрос об объекте международного права всегда являлся одним из наименее разработанных в правовой науке. И можно согласиться с ученым в том, что «в отсутствии внимания к этому одному из первичных... вопросов науки кроется, быть может, корень того хронического несовершенства системы изложения международного права, которое нельзя не признать важнейшей причиной недостаточной научности этой дисциплины, в обычном ее теперешнем построении»¹³⁰.

¹²⁸ *Gorovtseff A. Études de Principiologie du droit. Paris: M. Giard (éditeur), 1925. Extrait de la Revue du droit public et de la science politique en France et à l'étranger. 1925. Avril – Mai – Juin.*

¹²⁹ *Горовцев А. М. Сущность международного права и его система // Журнал Министерства юстиции. 1911. № 7. С. 134.*

¹³⁰ *Горовцев А. М. Сущность международного права и его система... С. 131–132.*

Актуально звучит и описание А. М. Горовцевым роли унифицированных норм, значимости наднационального регулирования, взаимодействия государств в области международного частного права. По мнению ученого, с точки зрения обоснованной им конструкции международного права «как совокупности норм взаимодействия государств на почве ограничений их властвования, сущность дисциплины международного частного права кроется... в этой области межгосударственных ограничений, а не в плоскости *äusseres Staatsrecht*¹³¹, и может быть характеризована как обязанность данного государства давать свою правоохрану не только праву, создаваемому им самим, но также и праву, творимому другими государствами. С межгосударственной точки зрения центр тяжести лежит поэтому не в гражданско-правовых нормах тех или иных законодательств, которые представляют собою... гражданское право, касающееся международных отношений, а в межгосударственных нормах, регулирующих применение того или иного гражданско-правового закона и представляющих собою, в прямую противоположность первому ряду норм, право межгосударственное, касающееся отношений гражданско-правовых. Поэтому так называемое международное частное право есть, конечно, не частное, а... публичное право, отрасль той всецело публичноправовой дисциплины, которая должна называться правом междугосударственным, а на практике носит совершенно неправильное название международного, являющееся гораздо больше, чем это сознается, причиной великой путаницы в области нашей науки и, быть может, более всего в той именно отрасли, которую называют международным частным правом»¹³². Таким образом, заключает А. М. Горовцев, «международное частное право не есть ни международное, ни частное, а, конечно, публичное, междугосударственное, – та именно его отрасль, которой определяется, в каждом данном случае междуиндивидуальных отношений с участием иностранного элемента, применение того или иного национального гражданского права»¹³³.

В целом необходимо констатировать серьезное методологическое и идейное международно-правовое наследие А. М. Горовцева. Правовые вопросы, исследованием которых он занимался, продолжают определять повестку международного правового дискурса и в XXI веке.

Александр Михайлович Горовцев являлся профессором Пермского университета с 28 сентября 1918 года по 12 февраля 1921-го.

¹³¹ *Äusseres Staatsrecht* – внешнее конституционное право (*нем.*).

¹³² Горовцев А. М. Сущность международного права и его система... С. 145–146.

¹³³ Там же. С. 146.

Список научных работ и публикаций Александра Михайловича Горовцева

1901

Горовцев А. М. Трудовая помощь как средство призрения бедных. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1901. 47 с.

1902

Горовцев А. М. Война и право: сообщение, прочит. в Обществе ревнителей военных знаний 6 марта 1902 г. / ред. авт. А. М. Горовцев. СПб.: О-во ревнителей воен. знаний, 1902. 72 с.

1906

Горовцев А. М. Осада Порт-Артура с точки зрения международного права. СПб.: Тип. т-ва п. ф. «Электро-тип. Н. Я. Стойковой», 1906. 174 с.

1909

Горовцев А. М. Словарь краткой энциклопедии международного права. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1909. 236 с.

1911

Горовцев А. М. Сущность международного права и его система // Журнал Министерства юстиции. 1911. № 7. С. 129–146.

1915–1917

Горовцев А. М. Законы войны (война и право): сообщение, прочитанное в Обществе ревнителей военных знаний. 2-е изд., с прил. Гаагской конвенции 1907 г. о законах и обычаях войны и Лондонской декларации 1909 г. о праве морской войны. Пг.: Тип. А. Н. Лавров и К^о, [191-?]. 124 с.

Г-в А. (Горовцев А. М.) После войны. Германизм и славянство. Условия мира. Пг.: Кн. маг. б. Мелье и К^о, 1915. 30 с.

Горовцев А. М. Некоторые основные спорные вопросы учения о праве в связи с международным правом. Пг.: [Скл. изд. кн. маг. «Право»], 1916–1917. XXXVI, 303 с.

Горовцев А. М. Общественная сторона одного семейного дела. Изысканное мошенничество под броней «престижа власти». Петроград, 1916–1917. 187+112 с.

Рунин С. (Горовцев А. М.) Отклики: фельетоны на важнейшие темы политического дня: полит. журн. 1916. Вып. 1: Сим победишь – мобилизация духа. 23 с.; Вып. 2: Что должна делать дума во время войны. 32 с.; Вып. 3: Две сестры – Россия и Польша. 16 с.; Вып. 4: Война и правительство. 28 с.; Вып. 5: Юбилей 17 октября и правда о Витте. 56 с.; Вып. 6: Война и все остальное: (аналоги и параллели). 24 с.; Вып. 7: Россия на распутьи. 14 с.; Вып. 8: Война и дипломатия. 30 с.; Вып. 9: Твердая власть: (параллели и контрасты). 24 с.; Вып. 10: Истинный внутренний заем. 23 с.; Вып. 11: Польский вопрос и «ответ». 21 с.

Рунин С. Спекуляция на... идеологию // Трибуна: избранные политические речи, материалы, статьи, фельетоны и проч. 1916. Вып. VIII. С. 51.

Рунин С. Заем свободы // Трибуна: избранные политические речи, материалы, статьи, фельетоны и проч. 1917. Вып. XIV. С. 55.

1919

Горовцев А. М. Новые мысли о народном представительстве. Томск: Кн. маг. П. И. Макушина, 1919. 24 с.

Горовцев А. О «Лиге народов» // Современная Пермь. 1919. 4 мая (№ 84). С. 2–3.

Горовцев А. М. Письма о народном представительстве // Сибирская жизнь. 1919. 8 окт. (№ 213). С. 2–3; 24 окт. (№ 225). С. 2–3; 31 окт. (№ 231). С. 2–3; 12 нояб. (№ 240). С. 2–3.

Горовцев А. Союз с Россией // Свободная Пермь. 1919. 23 марта (№ 55). С. 2–3.

1920

Горовцев А. М. Взаимство в праве (О «материалистическом идеализме») // Сборник трудов профессоров и преподавателей Иркутского государственного университета. Отд. 1: Науки гуманитарные, вып. 2. Иркутск: Иркут. отд-ние Гос. изд-ва, 1921.

Горовцев А. Имеющим уши // Общее дело. 1921. 30 авг. (№ 409). С. 2.

Горовцев А. М. Курс межгосударственного (международного) права. Вып. I: Введение и общая часть. Иркутск: Студенческая организация, 1920. 45 с.

Горовцев А. М. О «выпрямлении» косвенных налогов (О применении к косвенным налогам начал индивидуализации и пропорциональности) // Сборник трудов профессоров и преподавателей Иркутского государственного университета. Отд. 1: Науки гуманитарные, вып. 1. Иркутск: Иркут. отд-ние Гос. изд-ва, 1921.

Горовцев А. М. Синоптическая карта-система межгосударственного права. Иркутск: Студенческая организация, 1920.

1922–1923

Горовцев А. М. Бегство (действие в трех операх) // Трибуна. 1922. Вып. 1 (XV): С этого берега. С. 51–58.

Горовцев А. Письмо в редакцию // Смена вех. 1922. № 12. С. 24.

Горовцев А. М. [Редактор-издатель] Трибуна = La Tribune: полит. альм. / ред.-изд. А. М. Горовцев. Париж: [Б.и.], 1922–1923.

orovzev A. Les raisons de la stabilité du Pouvoir des Soviets // Mercure de France. 1922. 15 Juillet. Pp. 327–355.

1923

Горовцев А. М. Правовое положение не-Советской России // Трибуна: полит. альм. 1923. Вып. 2 (XVI): Скрепа вех. С. 4–12.

Горовцев А. М. Смена вех // Трибуна: полит. альм. 1923. Вып. 2 (XVI): Скрепа вех. С. 13–17.

1924

Gorovtseff A. Le parlement de demain: Quelques idées nouvelles sur la formation de la Representation National. Paris: M. Giard (éditeur), 1924. 16 p.

Gorovtseff A. La problème de la reconnaissance du point de vue juridique // La Paix par le Droit. 1924. Decembre.

1925

Gorovtseff A. Études de Principiologie du droit. Paris: M. Giard (éditeur), 1925. 56 p. Extrait de la Revue du droit public et de la science politique en France et à l'étranger. 1925. Avril – Mai – Juin.

Gorvtseff A. La notion de l'objet en droit international et son rôle pour la construction juridique de cette discipline. Paris: A. Pedone (éditeur), 1925. 27 p. Extrait de la Revue de droit international de législation comparée. 1925. № 1–2. Pp. 173–200.

Gorvtseff A. La Société des Nations et les Etats-Unis d'Europe: Croquis d'un plan pour la Société des Nations économique et sociale. Paris: A. Pedone (éditeur), 1925. 8 p. Extrait de La Paix par le Droit. 1925. Avril.

Gorvtseff A. Sécurité, Desarmement, Dettes interalliées // La Grand Revue. 1925. Mars.

1926

Горовцев А. М. [Библиография] // Трибуна: полит. альм. 1926. Вып. 3 (XVII): Сим не победишь. С. 41.

Горовцев А. М. [Редактор-издатель] Трибуна = La Tribune: полит. альм. / ред.-изд. А. М. Горовцев. Париж: [Б.и.], 1926.

Gorvtseff A. La lutte autour de la notion de sujet de droit // Revue trimestrielle de droit civil. 1926. № 25. Pp. 881–972.

1928

Gorvtseff A. Études de principiologie du droit. P. 2: Théorie du sujet de droit. Paris: E. de Boccard, 1928. 222 p.

1929

Gorvtsev A. Études de principiologie du droit, par A. Gorvtseff, ancien professeur à la Faculté de droit de Perm (Russie). Paris: Impr. Barnéoud, 1929. 52 p.

Библиографический список

А.М.Б. [Рецензия] // Исторический вестник: ист.-лит. журн. 1917. Т. CXLVII. С. 246. Рецензия на кн.: *Сергей Рунин.* Отклики. 1916. № 1–6.

Ал. П. [Рецензия] // Право. 1902. 8 сент. (№ 37). Стб. 1660–1661. Рецензия на: *Горовцев А. М.* Война и право.

Зипунникова Н. Н., Калинина А. В. Восточно-Сибирское «университетское словие», или О формировании профессорско-преподавательского корпуса юридического факультета Иркутского государственного университета в первые годы его работы (некоторые аспекты) // Личность, право, государство. 2019. № 1. С. 47–66.

Иркутский государственный университет. 27.X.1918–27.X.1921: сб. ко дню трехлетия существования университета. Иркутск: Гос. изд-во. Иркутское отд., 1921.

Казарин В. Н. Становление юридического образования в Иркутском университете: время, события, люди // Сибирский юридический вестник. 2008. № 1. С. 3–13; № 2. С. 3–10.

Квакин А. В., Мухачев Ю. В. Русская академическая группа // Русское зарубежье: история и современность: сб. ст. / ред.-сост. Ю. В. Мухачев, Т. Г. Петрова. Вып. 4. М.: Ин-т науч. инф. по общ. наукам РАН, 2015. С. 29–33.

Литовцев С. Свидетельство о России // Последние новости. 1931. 7 апр. (№ 3667). С. 2.

Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. Т. 3: Алфавитный указатель псевдонимов. Псевдонимы русского

алфавита Р–Я. Псевдонимы латинского и греческого алфавитов. астрономы, цифры, разные знаки / ред. П. П. Козьмин. М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1958.

Незабытые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917–1997: в 6 т. Т. 2: Г–З / сост. В. Н. Чуваков; под ред. Е. В. Макаревич. М.: Пашков дом, 1999.

Очерк деятельности Русской Академической Группы в Париже // Труды русских ученых за границей: сб. Академ. группы в Берлине. Т. I / под ред. А. И. Каминка. [Берлин]: Слово, 1922. С. 277–279.

Правовая наука и юридическая идеология России: энцикл. слов. биографий / отв. ред. В. М. Сырых. М.: Юрист, 2011. Т. 2: 1917–1964 гг.

Профессора Томского университета: биогр. слов.: в 4 т. / отв. ред. С. Ф. Фоминых. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. Т. 2: 1917–1945.

Родионова Н. А. Повседневная жизнь Русской Академической Группы в Париже: случай профессора А. М. Горовцева // Нансеновские чтения 2012: материалы V Междунар. конф. (Санкт-Петербург, 23–25 октября 2012 г.). СПб.: [Б.и.], 2014. С. 301–316.

Родионова Н. А. Профессор А. М. Горовцев в Париже: судьба изгнанника // Русское научное наследие за рубежами России: материалы науч. конф. (4–25 октября 2013 г.) / отв. ред. С. И. Михальченко. Брянск: РИО БГУ, 2013. С. 15–26.

Российское зарубежье во Франции: 1919–2000: биогр. слов.: в 3 т. Т. 1: А–К / [М. Авриль и др.]; под общ. ред. Л. Мухина, М. Авриль, В. Лосской. М.: Наука: Дом-музей Марины Цветаевой, 2008.

Рунич С. (Горовцев А. М.) В Маньчжурии. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1904.

Садыкер П. «Вехи смен»: (лекция проф. А. М. Горовцева) // Смена вех. 1922. № 11. С. 18–20.

Стародубцев Г. С. Международно-правовая наука российской эмиграции (1918–1939). М.: Кн. и бизнес, 2000.

Стародубцев Г. С. Судьба и работа русских юристов-международников в 1917–1922 гг. // История государства и права. 2000. № 2. С. 20–25.

Информация для цитирования

Ex jure

Кузнецова О. А., Семешко А. И. Двенадцать первых: профессор Пермского университета Александр Михайлович Горовцев // Ex jure. 2025. № 4. С. 23–52. DOI: 10.17072/2619-0648-2025-4-23-52

Kuznetsova O. A., Semeshko A. I. The First Twelve: Aleksandr M. Gorovtsev, Professor at Perm University. Ex jure. 2025. № 4. Pp. 23–52. DOI: 10.17072/2619-0648-2025-4-23-52

УДК 347.0

DOI: 10.17072/2619-0648-2025-4-53-77

Двенадцать первых:
профессор Пермского университета
Николай Николаевич Фиолетов

О. А. Кузнецова

Доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Профессор кафедры предпринимательского
и корпоративного права

Московский государственный юридический
университет им. О. Е. Кутафина
123242, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9

E-mail: kuznetsova_psu@mail.ru

А. В. Захаркина

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права,
доцент кафедры теории и истории государства и права

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: annavladimirovna2009@yandex.ru

© Кузнецова О. А., Захаркина А. В., 2025

Эта работа распространяется по лицензии CC BY 4.0.
Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Аннотация: юридическому факультету Пермского университета в 2026 году исполнится 110 лет, и мы продолжаем цикл статей, посвященных двенадцати первым профессорам, создавшим факультет и заложившим основу его научной школы в суровые послереволюционные годы и годы Гражданской войны (1916–1920). Очередная статья посвящена профессору Николаю Николаевичу Фиолетову (1891–1943), его биографии, географии жизненного пути (Москва, Пермь, Омск, Томск, Саратов, Ташкент, Душанбе, Курск, Калинин (Тверь), Мариинский и Антибесский лагункты Сиблага) и сохранившемуся научному наследию. Н. Н. Фиолетов являлся профессором Пермского университета с 1 июля 1917 года по 7 августа 1922-го. В статье приводится уточненный список его научных работ и иных публикаций.

Ключевые слова: пермская научная юридическая школа; первые пермские профессора-юристы; профессор Н. Н. Фиолетов; церковное право; сталинские репрессии

Благодарности: авторы выражают благодарность за предоставленные редкие материалы и важные советы заведующему кафедрой истории Древнего мира, Средних веков и методологии истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета Д. Н. Шевелеву, профессору кафедры истории Кемеровского государственного медицинского университета С. П. Звягину, профессору кафедры гражданского права Ташкентского государственного юридического университета Л. М. Бурхановой, доценту кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии Г. В. Колодубу.

The First Twelve: Nickolai Nickolaevich Fioletov, Professor at Perm University

O. A. Kuznetsova

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

Kutafin Moscow State Law University
9, Sadovaya-Kudrinskaya st., Moscow, 123242, Russia

E-mail: kuznetsova_psu@mail.ru

A. V. Zakharkina

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

E-mail: annavladimirovna2009@yandex.ru

Abstract: *the Faculty of Law of Perm University will celebrate its 110th anniversary in 2026. This article continues a series of articles dedicated to the first twelve law professors who created the faculty and laid a foundation for its scientific school in the harsh post-revolutionary years and the years of the Civil war (1916–1920). The article is devoted to Professor Nikolai Nikolaevich Fioletov (1891–1943), to his biography and life geography (Moscow, Perm, Omsk, Tomsk, Saratov, Tashkent, Dushanbe, Kursk, Kalinin/Tver, Mariinsky and Antibeskiy stations of the Siberian Corrective Labour Camp), to the preserved scientific legacy. N. N. Fioletov held a professorship at the Perm University from July 1, 1917 to August 7, 1922. The article offers an updated list of his scientific papers and other publications.*

Keywords: *Perm Scientific law school; the first Perm law professors; Professor N. N. Fioletov; church law; Stalin's purges*

В мае 1917 года для чтения лекций по церковному праву в Пермский университет был приглашен выпускник юридического факультета Московского университета **Николай Николаевич Фиолетов** (13 (1) декабря 1891 – 8 марта 1943).

Николай Николаевич родился в селе Ерзовка Царицынского уезда Саратовской губернии в семье священника. В 1913 году окончил юридический факультет Императорского Московского университета с дипломом первой степени, получил золотую медаль за научную работу «Jus exclusivae при Папском собрании», которая была посвящена истории международно-политических и церковно-государственных отношений в Новое время. С 31 декабря 1913 года был оставлен при кафедре канонического церковного права для приготовления к профессорскому званию. Первая статья, напечатанная им в 1915-м, была посвящена философии Владимира Соловьева¹.

В декабре 1916 года Н. Н. Фиолетов защитил магистерскую диссертацию на тему «Рецепция (принятие) как источник церковного правообразования»; с 1 января 1917 года, после прочтения пробных лекций «Происхождение Византийского цезарепапизма» и «Рецепция (принятие) как источник церковного правообразования»², был зачислен приват-доцентом в Московский университет. 1 июля 1917 года его утвердили исполняющим должность экстраординарного профессора церковного права Пермского университета³, а с 1918-го, после запрета преподавания церковного права, он читал теорию права и историю политических учений.

Во время летних каникул 1917 года Николаем Николаевичем были написаны наиболее значимые работы «пермского научного периода». По воспоминаниям супруги ученого, тот «был органически церковным человеком, жил интересами и заботами

¹ *Фиолетов Н. Н. Общественная философия В. Соловьева // Ученые записки Московского городского народного университета им. А. Л. Шанявского. Труды биологической лаборатории. 1915. Т. 1, вып. 1. С. 28–44.*

² *Одна из пробных лекций, впоследствии переработанная, была опубликована: Фиолетов Н. Н. Рецепция (принятие) как источник церковного правообразования // Юридический вестник. 1917. Кн. XVII (I). С. 52–64. О теме второй пробной лекции лектор упоминает в автобиографии. См.: Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф.р. 180. Оп. 2. Д. 382. Л. 28.*

³ *Выписка из журнала заседаний Совета Пермского университета от 10.10.1917 № 10 // ГАПК. Ф.р. 180. Оп. 2. Д. 382. Л. 34.*

Церкви»⁴, а его научные труды, подготовленные в Пермском университете, касались необходимости церковных реформ и взаимоотношений государства и церкви. В работе «Церковь в обновленной России» Н. Н. Фиолетов писал, что формой управления церковью в правовом государстве должно стать патриаршество и это должно быть отражено Учредительным собранием на конституционном уровне. На предстоящем долгожданном Всероссийском церковном соборе он считал необходимым рассмотреть вопрос об отношении государства к церкви и рекомендовать его решение Учредительному собранию⁵. В другой работе, также изданной летом 1917 года, обосновывал, что государство и церковь являются разными общественными структурами и должны быть разделены, однако их соприкосновение и взаимодействие неизбежно, что обуславливает необходимость определения формы этих взаимоотношений: государству следует признать права церкви «на самостоятельное и свободное управление в пределах, не нарушающих общественный порядок», а правовым государством может называться только то, в котором признается значимость и ценность религии⁶. Еще в одной работе Н. Н. Фиолетов предложил авторское видение решения вопроса о составе предстоящего церковного собора, считая необходимым включить в него и представителей мирян⁷. Тогда же была опубликована статья Н. Н. Фиолетова о проблемах церковной реформы⁸.

С середины августа 1917 года Н. Н. Фиолетов в составе пермской делегации принимал участие в деятельности первого Всероссийского церковного собора, на котором были разработаны проект определения «О правовом положении Православной Российской Церкви» и приложенная к нему Соборная декларация.

В 1918 году им была сдана в печать в московское издательство Г. А. Лемана докторская диссертация «Очерки по истории древнерусских политических учений», которая «по техническим причинам не была напечатана». В том же году он публикуется в журнале «Накануне»⁹.

С 1 октября 1918 года по 15 марта 1919-го Н. Н. Фиолетов – декан юридического факультета Пермского университета. Столь быстрое сложение обязанностей декана было вызвано тем, что указом Верховного правителя А. В. Колчака от 11 марта 1919 года он был задним числом (с 16 февраля) назначен директором Департамента по делам инославных и иноверных вероисповеданий и юрисконсультom Главного управления по делам вероисповеданий в составе Совета министров Российского

⁴ Фиолетова Н. Ю. История одной жизни. URL: http://az.lib.ru/f/fioletowa_n_j/text_1978_vosp.shtml.

⁵ Фиолетов Н. Н. Церковь в обновленной России. М.: Универсальная б-ка, 1917.

⁶ Фиолетов Н. Н. Государство и церковь. М.: Тип. т-ва Рябушинских, 1917.

⁷ Фиолетов Н. Н. Рецепция (принятие) как источник...

⁸ Фиолетов Н. Н. Церковная реформа // Утро России. 1917. 9 июня (№ 140). С. 1–2. URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/43442-locale-nil-141-9-iyunya>. В этой же газете незадолго до приезда Николая Николаевича в Пермь была опубликована и другая его заметка: Фиолетов Н. Праздник общественного воскресения // Утро России. 1917. 1 апр. (№ 85). С. 3. URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/43371-locale-nil-85-1-apr#mode/inspect/page/6/zoom/9>.

⁹ Фиолетов Н. Н. Церковь и декреты // Накануне. 1918. № 2. С. 5; Новые церковный закон о разводе и декрет о гражданском браке // Накануне. 1918. № 4. С. 4–5.

правительства «с оставлением должности профессора Пермского университета без сохранения содержания по этой должности»¹⁰. Главное управление по делам вероисповеданий на правах министерства было создано 27 декабря 1918 года и состояло из главноуправляющего – профессора П. А. Прокошева, его товарища – помощника Л. И. Писарева, канцелярии, Департамента по делам православной церкви и Департамента по делам инославных и иноверных вероисповеданий¹¹. Последний, включивший девять сотрудников, возглавил Николай Николаевич¹².

Важно отметить, что к началу января 1919 года Н. Н. Фиолетова в Перми уже не было. В личном деле другого профессора Пермского университета В. Ф. Глушкова есть обращение к нему ректора университета от 11 января 1919 года с просьбой принять на себя временное исполнение обязанностей декана юридического факультета «ввиду отъезда профессора Фиолетова и отказа профессора Круглевского»¹³. В дневнике другого преподавателя юрфака Н. В. Устрялова, на тот момент приват-доцента Пермского университета, есть запись от 28 декабря 1918 года о том, что Николай Николаевич собирался уезжать в Омск¹⁴. Фактически Н. Н. Фиолетов был деканом юридического факультета с 1 октября по начало января 1918/19 учебного года, однако формально его деканские полномочия были прекращены только 15 марта 1919 года, в день утверждения новым деканом В. Ф. Глушкова.

Летом 1919 года Пермский университет эвакуировался в Томск. Но Н. Н. Фиолетов, будучи на службе у Верховного правителя, здесь уже с февраля, что подтверждает опубликованная аннотация его лекции «Большевики и церковь»¹⁵, прочитанной 9 февраля 1919 года в Омске. Кроме того, статьи Н. Н. Фиолетова печатались в издававшейся в этом городе газете «Русское дело»¹⁶. Н. В. Устрялов, также находясь в 1919 году в Омске, сделал в дневнике следующую запись: «Омск, 22 апреля. <...>

¹⁰ ГАПК. Ф.р. 180. Оп. 2. Д. 382. Л. 41. См. также: Журнал № 62 заседания Совета министров Российского правительства от 11 марта 1919 г. // Совет министров Российского правительства: журналы заседаний (18 ноября 1918 – 3 января 1920 г.): в 2 т.: сб. док. / сост. и науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2016. Т. 1. С. 408.

¹¹ *Олихов Д. В.* Взаимодействие светской и церковной власти на примере Главного управления по делам вероисповеданий правительства А. В. Колчака и Временного высшего церковного управления Сибири // Вестник Омского университета. 2013. № 1. С. 154. См. также: *Олихов Д. В.* Создание и деятельность Временного высшего церковного управления Сибири: 1918–1920 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2014; *Цветков В. Ж.* Белое дело в России: 1917–1919 гг. М.: Яуза: Якорь, 2019.

¹² *Лапин Д. Л.* Взаимодействие Российского правительства А. В. Колчака с Временным высшим церковным управлением Сибири // Ипатьевский вестник. 2021. № 2. С. 125.

¹³ ГАПК. Ф.р. 180. Оп. 2. Д. 483. Л. 50.

¹⁴ *Устрялов Н. В.* Былое – революция 1917 г. (1890-е – 1919 гг.): воспоминания и дневниковые записи. М.: Анкил, 2000. С. 212.

¹⁵ *Фиолетов Н. Н.* Большевики и церковь // Тобольские епархиальные ведомости. 1919. № 6. С. 101–102. URL: <https://yandex.ru/archive/catalog/403c2766-87a1-4367-bd5f-763a5a5c9a4c>.

¹⁶ *Фиолетов Н. Н.* Представительство Церкви // Русское дело. 1919. № 9; Церковная реформа // Русское дело. 1919. № 11.

Вчера был “бал”: Палечки, Фиолетов, Кадомцев. Недурно, беседовали о том, о сем. Любопытно: все трое нынче “сановники”, директора департаментов»¹⁷.

19 мая, 2 и 12 июня, 15, 18, 29 сентября и 2 октября 1919 года Николай Николаевич присутствовал в Омске на заседаниях Совета министров Российского правительства вместо главноуправляющего по делам вероисповеданий¹⁸.

Летом 1919 года агитационный отдел Русского бюро печати, также находившийся в Омске, организовал семидневные вечерние курсы религиозно-нравственной проповеди¹⁹, занятия на которых вел в том числе и профессор Н. Н. Фиолетов (а вместе с ним – бывший ректор Пермской духовной семинарии Н. И. Знамировский, профессор-философ Пермского университета Д. В. Болдырев, исполняющий должность экстраординарного профессора Пермского университета Н.В. Устрялов, священники Овчинников и Садовский)²⁰. При этом из научных источников следует, что осенью 1919-го Н. Н. Фиолетов выступал и в Томске с пропагандистскими лекциями на курсах военных информаторов (курсы были открыты 26 октября при колчаковском штабе Омского военного округа): «Предполагалось, что первый выпуск инструкторского отделения этих курсов произойдет приблизительно 3–5 декабря 1919 г. Однако к тому времени пал Омск и колчаковцам было уже не до пропаганды»²¹.

14 ноября 1919 года в Омск вошли войска Красной армии, правительство А. В. Колчака эвакуировалось в Иркутск. Все спасались как могли. Совет министров Российского правительства принял решение эвакуировать Главное управление по делам вероисповеданий (вместе с Министерством народного просвещения) в Томск²². Известно, что Главное управление «в составе Канцелярии и двух департаментов во главе с министром проф. Прокошевым» 10 ноября 1919 года прибыло в Томск и разместилось в здании архиерейского дома²³. Значит, с 10 ноября Николай Николаевич

¹⁷ Устрялов Н. В. Белый Омск. Дневник колчаковца / подг. текст О. Воробьев. URL: https://lib.ru/POLITOLOG/USTRYALOV/omsk.txt_with-big-pictures.html.

¹⁸ Журнал заседаний Совета министров Российского правительства № 99/27 от 19 мая 1919 г. // Совет министров Российского правительства: журналы заседаний (18 ноября 1918 – 3 января 1920 г.). Т. 1. С. 691–696; Журналы заседаний Совета министров Российского правительства № 105/29 от 2 июня 1919 г.; № 107/30 от 5 июня 1919 г.; № 110/31 от 12 июня 1919 г.; № 161/54 от 15 сентября 1919 г.; № 163/55 от 18 сентября 1919 г.; № 167/57 от 25 сентября 1919 г.; № 169/58 от 29 сентября 1919 г.; № 171/59 от 2 октября 1919 г. // Там же. Т. 2. С. 8, 427, 451, 480, 492, 512.

¹⁹ См.: Объявление агитационного отдела Русского общества печатного отдела о проведении семидневных курсов для религиозно-нравственной проповеди среди народа // Исторический архив Омской области. Ф.р. 1015. Оп. 1. Д. 92.

²⁰ Луков Е. В., Шевелев Д. Н. Осведомительный аппарат белой Сибири: структура, функции, деятельность (июнь 1918 – январь 1920 г.) / под ред. С. Ф. Фоминых. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. С. 82, 131, 144–145.

²¹ Там же. С. 145. См. также: Шевелев Д. Н. «Роль печатного слова в современной войне не меньше пули и штыка...»: Осведомительная работа антибольшевистских правительств востока России / под ред. С. Ф. Фоминых, Е. В. Лукова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2017. С. 161.

²² Журнал № 192 закрытого заседания Совета министров Российского правительства от 14 ноября 1919 г. // Совет министров Российского правительства: журналы заседаний (18 ноября 1918 – 3 января 1920 г.). Т. 2. С. 635.

²³ Томская хроника // Русский голос. 1919. 14 (1) нояб. С. 4.

находится в Томске. Вероятно, на курсах военных информаторов он работал уже после прибытия в город Главного управления по делам вероисповеданий.

Известно также, что Н. Н. Фиолетов выступал «на открытом заседании, посвященном годовщине ноябрьского переворота»²⁴ (речь о годовщине образования в городе Омске Временного Всероссийского правительства, возглавляемого Верховным правителем), которое состоялось 18 ноября 1919 года в химическом корпусе Томского технологического института и в котором приняли участие руководители организованных осведомительным отделом штаба Омского военного округа курсов военных информаторов²⁵.

В заседаниях Совета министров Российского правительства после его эвакуации в Иркутск участвовал временно исполняющий обязанности главноуправляющего по делам вероисповеданий Л. И. Писарев (ранее занимавший должность товарища главноуправляющего П. А. Прокошева), который 5 декабря 1919 года выступил с докладом о «желательности эвакуировать Главное управление по делам вероисповеданий из Томска в Иркутск»²⁶. Несмотря на признание Советом министров того, что «это желательно», эвакуации не случилось: колчаковское Российское правительство через месяц уже прекратило свое существование.

С 12 декабря 1919 года Н. Н. Фиолетов – приват-доцент по кафедре философии историко-филологического факультета Томского университета. Однако заметим, что в личном деле Николая Николаевича имеется телеграмма и.о. ректора Пермского университета, направленная ему как «инструктору отдела Народного образования» 27 февраля 1920 года в Красноярск с указанием прибыть в Томск для реэвакуации университета в Пермь²⁷. 20 марта 1920 года Н. Н. Фиолетов прибывает в Томск, о чем докладывает и.о. ректора²⁸. 1 апреля 1920-го он обращается в Правление Пермского университета с просьбой о пособии, поскольку все его имущество было потеряно вследствие «железнодорожной катастрофы»²⁹.

²⁴ Русский голос. 1919. 18 (5) нояб. С. 1. См. также: Профессора Томского университета в годы Гражданской войны / Е. В. Луков, С. А. Некрылов, С. Ф. Фоминых и др. // Из истории революций в России (первая четверть XX в.): материалы Всерос. симп., посвящ. памяти проф. И. М. Разгона (Томск, 13 – 15 апреля 1995 г.). Томск: ТГУ, 1996. Вып. 2. С. 47–55.

²⁵ См. об этом заседании: Томская хроника. Празднование исторической годовщины // Русский голос. 1919. 19 (6) нояб. С. 4.

²⁶ Журнал № 6/206 заседаний Совета министров Российского правительства от 5 декабря 1919 г. (Иркутск) // Совет министров Российского правительства: журналы заседаний (18 ноября 1918 – 3 января 1920 г.). Т. 2. С. 678.

²⁷ ГАПК. Ф.р. 180. Оп. 2. Д. 382. Л. 7. Кроме этой телеграммы, никакие иные сведения о работе Н. Н. Фиолетова в Красноярске мы не обнаружили. Однако заметим, что 6 января 1920 года в Красноярске действительно был образован Енисейский губернский отдел народного образования, а 10 февраля того же года – подчиняющийся ему Красноярский уездно-городской отдел народного образования. В них работали и инструкторы, однако доподлинно узнать, был ли в их числе Н. Н. Фиолетов, не удалось. См. об этом: Архивный путеводитель: сведений по фондам архивов России, Белоруссии и еще четырех стран. URL: <https://alertino.com/ru/1485428>.

²⁸ ГАПК. Ф.р. 180. Оп. 2. Д. 382. Л. 5.

²⁹ Там же.

Летом 1920 года Н. Н. Фиолетов не вернулся в Пермь вместе с реэвакуированным университетом. Осенью 1920-го он отправляет в Пермский университет письмо, в котором сообщает о невозможности выехать из Томска до весны 1921 года из-за необходимости организации факультета общественных наук по поручению Сибнаробраза в должности декана, и, будучи официально командирован в Томский университет Пермским университетом 3 января 1921 года, получает продление командировки до 1 июля³⁰.

В 1920 году в Томском университете на базе юридического факультета, закрытого еще 20 мая, был создан факультет общественных наук (ФОН), состоявший из экономического, правового и социально-философского отделений. Кафедрой государственного права на правовом отделении заведовал Н. Н. Фиолетов. Одновременно с ним на этом отделении работали и другие пермские профессора: В. Ф. Глушков возглавлял кафедру общей теории и истории права, А. Н. Круглевский – кафедру истории русского права³¹.

С апреля 1920 года по июль 1921-го Н. Н. Фиолетов – заведующий кафедрой и профессор по кафедре государственного права. 15 августа 1920 года создается ФОН, и Н. Н. Фиолетов утверждается первым его деканом³². Известно, что 15 августа 1921 года именно в качестве декана он выступил перед советом Томского университета с отчетом, в котором обрисовал «катастрофическое положение» возглавляемого им факультета: «Вместо положенного 51 профессора по штату налицо было 8, на 30 штатных единиц преподавателей было 19, из 42 мест научных сотрудников лишь 13 было занято»³³.

В Томске Николай Николаевич читал общий курс государственного права на правовом и социально-философском отделениях факультета общественных наук, историю русской философии и историю христианских социалистических учений на социально-философском отделении ФОНа и историко-филологическом факультете; вел практические занятия по истории Византии, истории христианства, семинарий «Этическая проблема в русской философии» и семинарий по социальной философии³⁴; осенью 1920-го преподавал на рабфаке³⁵.

³⁰ ГАПК. Ф.р. 180. Оп. 2. Д. 382. Л. 18.

³¹ Юридический институт (факультет) Томского государственного университета. 1898–2018: история и современность / сост. Т. А. Дедкова; под ред. В. А. Уткина, Т. А. Дедковой. Томск: Изд. дом Том. гос. ун-та, 2018. С. 8.

³² Томский университет: 135 лет в истории России (1878–2013 гг.) / под ред. С. Ф. Фоминых, Е. М. Игнатенко. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. С. 34.

³³ Томский университет, 1880–1980: [очерк истории и деятельности] / [В. С. Синяев, Е. С. Кирсанова, М. Е. Плотникова и др.; ред. М. Е. Плотникова]. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980. С. 141–142.

³⁴ Профессора Томского университета: биограф. слов.: в 4 т. // С. Ф. Фоминых, С. А. Некрылов, Л. Л. Берцун, А. В. Литвинов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. Т. 2: 1917–1945. С. 448–449.

³⁵ *Зайченко П. А.* Томский государственный университет им. В. В. Куйбышева: очерки по истории первого сибирского университета за 75 лет (1880–1955) / ред. В. А. Пегель. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1960. С. 231; *Боженко Л. И.* Создание рабфака в Томском университете // Из истории общественно-политической жизни Сибири: межвуз. темат. сб. / отв. ред. Л. И. Боженко. Томск: Изд-во ТГУ, 1981. С. 70.

Из автобиографии Н. Н. Фиолетова известно, что в 1920 году он подготовил к печати в Известиях Томского государственного университета статьи «Очерки по истории русской философской мысли – Сковорода, Толстой» и «Философско-этические течения в русском марксизме – Луначарский, Богданов»³⁶.

В ряде источников упоминается, что Н. Н. Фиолетов исполнял обязанности ректора Пермского университета и активно занимался его реэвакуацией³⁷. Однако документальных подтверждений данному факту нет. При этом задокументировано, что с 20 августа по 1 октября 1920 года Николай Николаевич исполнял обязанности ректора Томского университета. Например, именно в этом качестве он участвовал в заседании совета Института исследования Сибири, находящегося в Томске³⁸: ректор Томского университета профессор-физик А. П. Поспелов был командирован тогда в Москву и Петроград «в качестве делегата для участия в I съезде ассоциации физиков и представителя факультета на выборах в Академию наук по отделению физики, проходивших в Петрограде 18 сентября»³⁹.

27 июля 1921 года Н. Н. Фиолетову из Пермского университета была направлена телеграмма с просьбой «срочно ответить, остается ли на службе Пермского университета и прибудете ли к началу учебного года»⁴⁰, и 22 сентября ученый вернулся в Пермь.

Думается, что к сентябрю 1921 года Николая Николаевича следует считать уже не работавшим в Томском университете. Вновь он окажется в Томске только в статусе ссыльного в январе – июле 1933-го.

1 октября 1921 года Н. Н. Фиолетова назначают заместителем декана факультета общественных наук Пермского университета. Он становится одним из лидеров и активных участников Общества исторических, философских и социальных наук при Пермском университете, избирается его секретарем, выступает с докладами на заседаниях общества: в 1918 году читает доклад «Проблема отношения церкви и государства в современном церковном сознании», в 1922-м – «Философское учение Г. С. Сковороды» и «Этическое учение Г. С. Сковороды».

³⁶ Известия Томского государственного университета в 1920 году не издавались. Эти статьи Н. Н. Фиолетова обнаружить не удалось, в том числе и в последующих выпусках Известий. См.: Научная библиотека Томского государственного университета: [сайт]. URL: <https://lib.tsu.ru/ru>.

³⁷ Профессора Пермского государственного университета (1916–2001) / [редкол.: В. В. Маланин (гл. ред.) и др.]. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2001. С. 192–193.

³⁸ Журналы заседаний совета Института исследования Сибири (13 ноября 1919 г. – 16 сентября 1920 г.): [сб.] / сост.: С. А. Некрылов, Н. Г. Маркевич, С. А. Меркулов; отв. ред. С. Ф. Фоминых. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. С. 40, 210, 212, 252. На заседаниях комиссии по ликвидации Института исследования Сибири 22 ноября и 28 декабря 1920 года Н. Н. Фиолетов уже присутствует в качестве профессора, а не и.о. ректора. См. об этом: Журналы заседаний отделов, Средне-Сибирского отделения и комиссий Института исследования Сибири (1919–1921 гг.) / отв. ред. С. Ф. Фоминых. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 287, 297.

³⁹ Ректоры Томского университета (1888–2003): биограф. слов. / С. Ф. Фоминых, С. А. Некрылов, К. В. Петров [и др.]. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. Т. 5. С. 84.

⁴⁰ ГАПК. Ф.р. 180. Оп. 2. Д. 382. Л. 15. Телеграмма была направлена в Москву. Возможно, Н. Н. Фиолетов в июле 1921 года находился в Москве по делам Томского университета.

С 27 июня по 27 июля 1922 года Н. Н. Фиолетов командирован в Москву для научных занятий⁴¹. Из этой командировки он в Пермь не возвращается. 7 августа 1922 года им было подано заявление с просьбой исключить его из списков профессоров Пермского университета «ввиду назначения на должность профессора Саратовского университета по кафедре общей теории права»⁴².

С Пермью Николая Николаевича Фиолетова связывала и личная история: в 1918–1919 годах он был женат на дочери первого ректора Пермского университета Константина Доримедонтовича Покровского – Людмиле. Трудно сказать, что стало причиной развода – акта для профессорских семей начала прошлого века совершенно несвойственного, однако известно, что в 1919 году их новорожденный ребенок умер от голода. Впоследствии Людмила Константиновна вышла замуж за другого профессора-юриста Пермского университета – А. Н. Круглевского, эмигрировала с новым избранником в Латвию, но затем, разведясь и с ним, переехала в Германию, потом в США, где приняла католический монашеский постриг и скончалась в возрасте 96 лет⁴³.

С осени 1922 года Н. Н. Фиолетов занимал должность профессора теории права и истории политических учений факультета общественных наук (с 1924-го переименован в факультет хозяйства и права) Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, являлся заместителем декана факультета общественных наук (в то время профессора С. В. Юшкова), преподавал государственное право СССР, вел спецкурс по теории применения права, работал с аспирантами Б. Н. Хатунцевым, В. Д. Корниловым, В. С. Ундревичем. В саратовских издательствах вышли две части его работы «Церковь и государство по советскому праву»⁴⁴, сборник материалов по государственному праву РСФСР⁴⁵. Активно публиковался ученый и в саратовских юридических журналах⁴⁶.

В Саратове также произошли изменения в семейной жизни Николая Николаевича. На заседании студенческого философского кружка, посвященном социально-философским взглядам С. Л. Франка, он встретил Надежду Юрьевну Крупянскую,

⁴¹ ТАПК. Ф.р. 180. Оп. 2. Д. 382. Л. 28.

⁴² Там же. Л. 27.

⁴³ Круглевская (Покровская) Людмила Константиновна (1895–1991). См. о ней подробнее: *Савина (Покровская) Е.* Судьба Рижской «девочки». URL: <https://www.russkije.lv/ru/journalism/read/savina-kruglevskaya/>.

⁴⁴ *Фиолетов Н. Н.* Церковь и государство по советскому праву: в 2 ч. Москва; Саратов: Изд-во В. З. Яксанова, 1923–1924.

⁴⁵ *Союз Советских Социалистических Республик, автономные республики и области: материалы по государственному праву Р.С.Ф.С.Р.* / сост. Н. Н. Фиолетов. Саратов: Изд-во В. З. Яксанова, 1923.

⁴⁶ *Фиолетов Н. Н.* К вопросу о догматическом методе в теории применения права // Ученые записки Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. 1924. Т. 2, вып. 4. С. 32–59; *Он же.* К характеристике социально-политических воззрений Н. Г. Чернышевского (по поводу 35-летия со дня смерти) // Ученые записки Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. 1925. Т. 3, вып. 3. С. 88–101; *Он же.* К вопросу о юридическом положении религиозных обществ // Право и суд. 1924. № 2. С. 67–72; *Он же.* Понятие социалистического правосознания в Советском праве // Право и суд. 1925. № 1. С. 8–14.

с которой обвенчался в мае 1923 года. Надежда Юрьевна оставалась женой Николая Николаевича вплоть до его смерти, была верной подругой, соратницей, разделявшей с ним все тяготы его жизни. Уже будучи вдовой, она написала о своем супруге подробные воспоминания, во многом благодаря которым сегодня возможна реконструкция хронологии жизненного пути профессора.

14 февраля 1924 года Н. Н. Фиолетов был назначен председателем правового отделения факультета хозяйства и права Саратовского университета⁴⁷.

По воспоминаниям супруги Николая Николаевича, в начале 1924 года он стал читать лекции в Среднеазиатском университете (САГУ) и уже в августе они перебрались в Ташкент⁴⁸. Они приехали в Ташкент по приглашению профессора Л. В. Успенского, который также работал в Пермском университете с 1916 по 1918 год и с которым Николай Николаевич был знаком со времен учебы в Московском университете: они вместе участвовали в семинарах князя Трубецкого и в заседаниях Московского религиозно-философского общества, которые проходили в доме и под патронажем М. К. Морозовой⁴⁹.

12 января 1925 года Государственный ученый совет назначил Н. Н. Фиолетова профессором Среднеазиатского университета. Весной того же года Николай Николаевич направляет ректору Саратовского университета несколько телеграмм, в которых объясняет невозможность вернуться в Саратов в связи с болезнью, а затем 1 сентября подает заявление о переводе в Среднеазиатский университет⁵⁰. Саратовский университет числил Н. Н. Фиолетова в своем составе как преподавателя государственного права СССР до 10 сентября 1925 года, когда тот был утвержден Главпрофобром профессором Среднеазиатского университета⁵¹.

В Ташкенте Николай Николаевич возглавил кафедру государственного права факультета местного хозяйства и права (с 1928-го – факультета советского хозяйства) Среднеазиатского университета, где вел курс государственного права. Но известно, что на физико-математическом факультете он преподавал государственное право

⁴⁷ Архив Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (Архив СГУ). Ф.р. 332. Оп. 7. Д. 13. Л. 15.

⁴⁸ *Фиолетова Н. Ю.* Указ. соч.

⁴⁹ Н. Ю. Фиолетова пишет: «...когда он [Н. Н. Фиолетов] осенью 1923 г. получил письмо от Л. В. Успенского, своего давнишнего товарища по семинару Трубецкого и до Перми звавшего его в Ташкент, он решил на зимние каникулы 1924 г. съездить в Ташкент, чтобы сориентироваться на месте». См. об этом подробнее: *Фиолетова Н. Ю.* Указ. соч.

Л. В. Успенский и Н. Н. Фиолетов одновременно работали в Пермском университете в период с июля 1917 года по декабрь 1918-го. С января 1920 года первый жил и работал в Ташкенте, второй с сентября 1922-го – в Саратове. Скорее всего, Л. В. Успенский «звал» Н. Н. Фиолетова в Ташкент не «до Перми», а «до Саратова», либо речь идет о том, что Л. В. Успенский звал его в Ташкент прямо перед возвращением Николая Николаевича из Томска в Пермь в середине 1921 года.

⁵⁰ Архив СГУ. Ф.р. 332. Оп. 7. Д. 13. Л. 5–7.

⁵¹ Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского в 1925 году: (Краткие сведения о состоянии его и работе). Прил. к V тому «Ученых записок». Саратов: Лито-тип. № 9, 1926. С. 9.

СССР, а на восточном факультете – учение о государстве СССР⁵², а еще входил в предметную комиссию по разработке новых методов преподавания, учебных планов и учета академической успеваемости студентов этнолого-лингвистического отделения восточного факультета⁵³.

В 1928 году Н. Н. Фиолетов был уволен из Среднеазиатского университета. О причинах такого финала его супруга пишет: «На этом [восточном] факультете была провалена партийная кандидатура троцкиста, высланного за левацкий уклон из Ленинграда (шли слухи, что он развалил факультет в Ленинградском университете), реакцией на это был, в конечном счете, разгром двух наиболее крамольных факультетов – факультета востоковедения и факультета хозяйства и права. Оба факультета были закрыты, профессорско-преподавательский состав уволен за ненадобностью, и Николай Николаевич в числе других остался без работы»⁵⁴. Под этой «партийной кандидатурой» имелся в виду историк-марксист М. М. Цвибак, бывший доцент ЛГУ, которому предложили покинуть Ленинград из-за участия в зиновьевской оппозиции.

21 мая 1928 года на заседании этнолого-лингвистического отделения САГУ в присутствии собравшихся преподавателей, в том числе Н. Н. Фиолетова, было зачитано заявление М. М. Цвибака о предоставлении ему курса по специальности. Им же была представлена разработанная «Методология истории. Курс лекций для Востфака САГУ»⁵⁵. Профессорско-преподавательский состав высказался против удовлетворения заявления.

С этого момента начались гонения на восточный факультет и на факультет местного хозяйства и права, считавшиеся рассадниками старой, дореволюционной, буржуазной, слишком свободомыслящей профессуры. Развернувшиеся события привели не только к закрытию обоих факультетов, но и к возбуждению уголовного дела против одиннадцати профессоров восточного факультета, преимущественно известных историков-востоковедов: З. Л. Амитина-Шапиро, А. Э. Шмидта, М. С. Андреева, А. А. Семенова, Н. Г. Маллицкого, И. И. Умнякова, А. А. Гаррицкого, М. Ф. Гаврилова, А. В. Панкова, Д. С. Граменицкого, Н. Н. Фиолетова. Они обвинялись в создании на восточном факультете контрреволюционной вредительской группы из числа профессорско-преподавательского состава, которая ставила перед собой следующие задачи: «срыв работы в области подготовки кадров советских специалистов, противодействие

⁵² Данные о предметах, преподаваемых в САГУ Н. Н. Фиолетовым, на начало 1926/27 учебного года. См.: Ответ САГУ на запрос Среднеазиатского бюро Центрального комитета ВКП(б) от 12 сентября 1926 года «в двухдневный срок прислать списки преподавательского состава с указанием какой предмет каждый из них преподает». Копия документа, хранящегося в Национальном архиве Республики Узбекистан, любезно предоставлена доктором юридических наук, профессором кафедры гражданского права Ташкентского государственного университета Л. М. Бурхановой.

⁵³ Лунин Б. В. Из истории первого высшего востоковедного учебного заведения в Средней Азии // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. VI. М.: Изд-во Вост. лит., 1963. С. 342.

⁵⁴ Фиолетова Н. Ю. Указ. соч.

⁵⁵ Германов В. А. Восточный фронт // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 1996. № 3. С. 115–137.

советизации преподавательского состава и введению общественно-политических дисциплин и марксистско-ленинской методологии»⁵⁶.

Единственный невостоковед в этой группе – Николай Николаевич Фиолетов, который лишился должности в Среднеазиатском университете не только потому, что работал на восточном факультете с указанными попавшими в немилость профессорами, но еще и потому, что «будучи преподавателем этнолого-лингвистического отделения Восточного факультета САГУ, принимал деятельное участие в борьбе против политизации востоковедения и утверждения “единственно верной марксистской методологии в науке”»⁵⁷.

После разгрома наиболее политически неблагонадежных факультетов университета в конце 1928 года Н. Н. Фиолетова ставят на учет как «неблагонадежного», лишают избирательных прав. Восточный факультет в 1930 году преобразуется в педагогический, а в 1931-м ликвидируется; факультет местного хозяйства и права в 1928 году переименовывается в факультет советского государства и права.

Основные публикации ташкентского периода жизни ученого посвящены особенностям права среднеазиатских советских республик⁵⁸.

К началу 1931 года Николай Николаевич вынужден покинуть Ташкент и, получив приглашение на работу в Таджикском историко-исследовательском институте, перебирается в Душанбе.

С февраля 1931 года Н. Н. Фиолетов – ученый секретарь вновь созданного Таджикского историко-исследовательского института в Душанбе (в то время – Сталинабад). Однако поработать на этой должности удалось недолго. Интересно заметить, что руководство САГУ направило в отдел культуры и пропаганды Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б) письмо следующего содержания: «По имеющимся сведениям организаторы таджикистанского государственного научно-исследовательского института принимают к себе на работу всю группу изгнанных из САГУ чуждых нам профессоров: Фиолетова, Семенова, Аносова, Шмидта, Андреева, Умнякова и... некоторых других. <...> Допустить их до работы в НУЧИ Таджикистана, где они, несомненно, будут играть основную, руководящую роль, понятно, ни под каким видом нельзя... Линия окраинных республик заирать к себе научные силы, изгнанные центром, сейчас вредна, недопустима, приходится учитывать еще и то, что Таджикистан на границе»⁵⁹. На фоне такого непрекращающегося преследования со стороны советской власти уже уволенных из САГУ профессоров было бы наивно ожидать наступления спокойного периода в жизни Николая Николаевича Фиолетова.

В апреле 1931 года профессора арестуют по делу, которое ведется в Ташкенте в связи с состоявшимся на восточном факультете голосованием против партийного

⁵⁶ Германов В. А. Указ. соч. С. 117.

⁵⁷ Ишанходжаева З. Р. Судьба среднеазиатской ориенталистики в 1920–1930-е гг. // Взгляд в прошлое. 2020. Спец. вып. № 2. С. 9.

⁵⁸ Фиолетов Н. Вакуфное право в средне-азиатских советских республиках // Советское право. 1926. № 2 (20). С. 84–103; Он же. Суды казиев в средне-азиатских республиках // Советское право. 1927. № 1 (25). С. 132–146; Он же. Основные вопросы советского брачного права и новый кодекс законов о браке и семье УзССР. Ташкент: Изд-во Ср.-Азиат. гос. ун-та, 1929.

⁵⁹ Германов В. А. Указ. соч. С. 123.

кандидата на должность на факультете; его также обвиняют в контрреволюционном влиянии на молодежь и в связях с церковными кругами. Ему вменяют в вину знакомство с митрополитами Никандром и Арсением и консультации по церковным делам. После ареста он месяц находится в заключении в Сталинабаде, затем в начале лета его перевозят в Ташкент, где и ведется следствие по упомянутому делу профессоров и преподавателей, которое так и называется в литературе «дело 11 преподавателей Восточного ф-та САГУ». В октябре его освобождают из заключения. Как вспоминала Н. Ю. Фиолетова, «по истечении полугода Николай Николаевич, бледный, худой, еле державшийся на ногах, т.к. ноги ослабли, был выпущен вместе с другими на свободу впредь до вынесения приговора Москвой»⁶⁰. В январе 1932 года состоялся приговор: решением коллегии ОГПУ профессор был осужден по статье 58 (пп. 7, 11) УК РСФСР на три года ссылки в Западно-Сибирский край.

Ссылку Николай Николаевич начал отбывать в Новосибирске, где работал экономистом в планово-экономическом секторе Западно-Сибирского крайкомхоза. В январе 1933 года по распоряжению органов внутренней безопасности был переведен в Томск и преподавал статистику в Томском учетно-кредитном техникуме. Однако уже 29 апреля 1933 года последовал повторный арест ученого, и до июля он находился в заключении по обвинению в причастности к «контрреволюционной повстанческой организации, подготовлявшей восстание против советской власти»⁶¹. Сегодня известна и подоплека этого ареста. 15 января 1933 года по доносу был арестован коллега Н. Н. Фиолетова по Томскому университету профессор Б. П. Иванов, который в своих «признательных» показаниях подтвердил, что «действительно состоял членом контрреволюционной организации теософского направления, которая проводила работу, рассчитанную на ослабление советской власти через внедрение в массы теософско-мистического мировоззрения»: «Чистосердечно разоружаясь перед советской властью и органами диктатуры пролетариата, считаю, что я еще могу быть полезным для пролетариата, целиком и полностью обязуюсь разоблачать эту гнусную антисоветскую деятельность организации»⁶². Далее он стал перечислять «членов» этой организации, среди которых назвал и Н. Н. Фиолетова. Супруга профессора вспоминает, что это «дело оказалось настолько грандиозным и в силу своей грандиозности настолько неправдоподобным, что даже властям показалось неудобным продолжать его в таком виде. Николай Николаевич, как и другие арестованные, был выпущен на свободу и возвращен в Новосибирск»⁶³. Однако в других источниках содержится иная информация об этом аресте и его окончании. Так, С. П. Звягин пишет, что через несколько дней после ареста Н. Н. Фиолетов «сделал "чистосердечное при-

⁶⁰ Фиолетова Н. Ю. Указ. соч.

⁶¹ Государственный архив Томской области. Ф.р. 815. Оп. 1. Д. 116; Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Томской области. Д. П-5709.

⁶² Звягин С. П., Малышева С. Ю., Ситова И. М. Профессор юридического факультета Томского университета Б. П. Иванов в годы Гражданской войны // История Белой Сибири: материалы VII Междунар. науч. конф. (Кемерово, 28–29 сентября 2009 г.). Кемерово: ИНТ, 2009. С. 240–241. Б. П. Иванов 5 августа 1933 года по этому делу был приговорен к расстрелу и спустя семнадцать дней расстрелян.

⁶³ Фиолетова Н. Ю. Указ. соч.

знание” о создании им и Ивановым контрреволюционной ячейки в Новосибирске. Обвинительное заключение по делу контрреволюционной белогвардейской повстанческой организации в Западно-Сибирском крае было утверждено 13 мая 1933 года полномочным представителем ОГПУ СССР по Западно-Сибирскому краю Н. Н. Алексеевым. Н. Н. Фиолетов “показал”, что еще в 1930 году он создал в Новониколаевске контрреволюционную ячейку. 2 июля 1933 года Н. Н. Фиолетов был обвинен в контрреволюционной деятельности»⁶⁴. Есть неопределенность и с тем, куда направили ученого после этого ареста и обвинения. По данным С. П. Звягина и томского музея «Следственная тюрьма НКВД»⁶⁵, он был направлен для отбытия оставшейся ссылки в Бийск. Однако по воспоминаниям Н. Ю. Фиолетовой, в конце июля 1933 года они с супругом вернулись в Новосибирск продолжать отбывать ссылку, и об их находке в Бийске она не упоминает.

Весной 1934 года закончилась трехлетняя ссылка. Н. Н. Фиолетов возвратился в Москву, лето провел в Орле, а осенью получил место преподавателя на кафедре всеобщей истории в Курском педагогическом институте и вел занятия по истории Средних веков. За посещение храма, ношение православного крестика, «протаскивание на лекциях буржуазной идеологии» был уволен в середине учебного года без права восстановления и без права продолжать штатную преподавательскую деятельность.

Осенью 1935 года Николай Николаевич переехал в Калинин (Тверь). Первоначально работал статистиком «в одном из калининских учреждений»: «Трудно было представить себе должность, более неподходящую для Николая Николаевича. Знавший статистику теоретически и даже заинтересовавшийся ею и ее методом с философской точки зрения, практически он был никудышным статистиком: рассеянный, углубленный в размышления, не имевшие ничего общего с предметом его занятий, он допускал грубейшие ошибки в вычислениях и в конце концов должен был оставить занимаемую им должность»⁶⁶. После увольнения зарабатывал случайными уроками, преподавал на условиях почасовой оплаты, месяцами был без работы.

Из воспоминаний Н. Ю. Фиолетовой известно, что Николай Николаевич в свой калининский период «написал две статьи для журнала “История в школе”, получил приглашение через С. Ф. Кечекьяна написать ряд статей для Б.С.Э. по истории общественной мысли в период возвышения московского государства»⁶⁷. Эта информация

⁶⁴ Звягин С. П. Участие профессоров юридического факультета Томского университета в диалоге между светским обществом и церковью в условиях революции и гражданской войны // Макарьевские чтения: материалы IV Междунар. конф. (21–22 ноября 2005 г.). Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2005. С. 128, 130. Автор ссылается на Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Новосибирской области (Арх. сл. дело № 7285).

⁶⁵ Там же. С. 128; См. также: Из хроники репрессий: 29 апреля. URL: <https://zen.ru/a/ZEQT8whqXlo3xDxX>; Боль людская. Книга памяти жителей Томской области, репрессированных в 1920-х – начале 1950-х гг.: в 3 т. / сост. В. Н. Уйманов. Т. 3: Р–Я. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. С. 331.

⁶⁶ Фиолетова Н. Ю. Указ. соч.

⁶⁷ Там же.

продублирована и в других источниках⁶⁸. Однако среди авторов первого издания Большой советской энциклопедии⁶⁹ и номеров журнала «История в школе»⁷⁰, вышедших в тот период, фамилии Н. Н. Фиолетова нам найти не удалось.

Заметим, что другой бывший пермский профессор Н. В. Устрялов осенью 1936 года упоминает в своем дневнике сотрудников Юридического института (образован в 1930 году из юридического факультета МГУ), в том числе и Н. Н. Фиолетова: «Работают там Коровин, Кечекьян, Успенский, Дурденевский, сбоку примостился Фиолетов, примасивается В. М. Устинов. Родное пепелище, зацветающее сезонной травкой!»⁷¹ Однако уточнить, что имеется в виду под «сбоку примостился», пока не удалось. Супруга Николая Николаевича никаких воспоминаний о его пребывании в МГУ в «последовательных» 1930-х годах не оставила.

В это же время Н. Н. Фиолетов активно работает над, наверное, самым важным богословским трудом своей жизни «Очерки христианской апологетики», который увидел свет спустя почти полвека после смерти автора⁷². В предисловии к книге протоирей Г. Каледа напишет, что она «выдержала проверку временем» и «представляется нам основным литературным и научным итогом его жизни»⁷³.

В августе 1939 года супруги Фиолетовы переезжают в поселок Высоковский Московской области, где Надежде Юрьевне удается устроиться преподавателем русского языка в стахановскую школу при ткацкой фабрике, а Николаю Николаевичу в начале 1940 года – получить часы по истории в техникуме. Однако уже осенью 1940-го они были вынуждены переехать в Солнечногорск Московской области. Там ученый работает сначала в средней школе внештатным преподавателем истории в седьмых классах (утвержден в должности учителя Наркомпросом), а с зимы 1941-го преподает историю в школе рабочей молодежи.

Несмотря на тяготы бытовой жизни, постоянную вынужденную смену места жительства, Н. Н. Фиолетов продолжает научную работу, публикуется в центральных

⁶⁸ Звягин С. П. Участие профессоров юридического факультета Томского университета в диалоге между светским обществом и церковью в условиях революции и гражданской войны. С. 125.

⁶⁹ Большая советская энциклопедия выходила в течение ряда лет: 1935 год – тома 22, 29, 59; 1936-й – 32, 56–58; 1937-й – 28, 30, 31, 34, 35; 1938-й – 33, 36–40; 1939-й – 41–44. Однако среди авторов ни Н. Н. Фиолетов, ни С. Ф. Кечекьян не указаны.

⁷⁰ Журнал издавался с 1934 по 1936 год. В 1934–1935 годах он именовался «История в средней школе», в 1936-м – «История в школе». За этот период вышло 16 номеров: в 1934 году – 4 номера, 80 статей; в 1935-м – 6 номеров, 95 статей; в 1936-м – 6 номеров, 74 статьи. См.: Дружинина Ю. В. Вопросы воспитания школьников на страницах журнала «История в средней школе» / «История в школе» (1934–1936 гг.) // Россия и Сибирь: история и культура: электрон. сб. X Междунар. Сиб. ист. форума. М.: Перо, 2023. С. 1289–1274. URL: <https://sibhistory.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2023/12/Electronic-version-CIF-2023.pdf>. Среди авторов журнала Н. Н. Фиолетова нет.

⁷¹ «Служить родине приходится костями...»: дневники Н. В. Устрялова 1935–1937 гг. / публ. И. А. Кондаковой // Источник. 1998. № 5–6. С. 55–56.

⁷² Фиолетов Н. Н. Очерки христианской апологетики. М.: Братство во Имя Всемилостивого Спаса, 1992.

⁷³ Каледа Г. Профессор Н. Н. Фиолетов и его книга «Очерки христианской апологетики» // Фиолетов Н. Н. Очерки христианской апологетики. Клин: Христианская жизнь, 2000. 2-е изд. С. 17.

юридических журналах⁷⁴. В архиве известного русского и советского правоведа Б. И. Сыромятникова сохранилась машинопись его статьи на тему «Борьба с пережитками феодального (шариатного и адатного) права в истории среднеазиатских советских республик»⁷⁵. Вероятно, это последняя научная работа ученого.

25 июня 1941 года Н. Н. Фиолетов по доносу был вновь арестован, обвинен в лояльности к фашизму и принадлежности к «тайной церкви», а 24 января 1942 года осужден Особым совещанием НКВД на десять лет исправительно-трудовых лагерей с концом срока заключения 25 июня 1951-го⁷⁶.

20 апреля 1942 года Н. Н. Фиолетов прибыл в Мариинск, где с 16 мая был организован сельскохозяйственный исправительно-трудовой лагерь «Сиблаг НКВД». Мариинский отдельный лагерный пункт Сиблага был известен чудовищными условиями жизни заключенных: сотни их гибли от голода, холода, болезней. В своих письмах супруге из Мариинска Николай Николаевич писал «о многообразных недугах, которые подтачивали его здоровье: о болезни ног – ноги распухли, на них появились раны, и он почти не мог ходить; о постоянном расстройстве желудка типа колита, о каких-то дефектах в деятельности сердца, о каком-то заболевании в бронхах. Слабость была такая, что не только сидеть, но и лежать было трудно. Внешне он сильно изменился, похудел, прежними остались только глаза. Стал совсем “старичком”, как его называли товарищи по несчастью, и он долго не мог привыкнуть к обращению “дедушка” (ведь ему исполнился только 51 год)»⁷⁷.

В середине февраля 1943-го его, тяжело больного, перевели в Антибесский лагерь Сиблага. В том же году, 8 марта, Николай Николаевич умер от крайнего истощения и был похоронен в безымянной могиле.

22 июня 1961 года профессора Н. Н. Фиолетова реабилитировали⁷⁸.

Обратимся к анализу некоторых научных работ его пермского периода.

В начале 1918 года в пермском научном сборнике была опубликована статья Н. Н. Фиолетова «Проблема отношения Церкви и государства в современном православном церковном сознании»⁷⁹. Автор подчеркивал, что взаимоотношения церкви и государства должны строиться на основе правового государства с принципом веро-

⁷⁴ *Фиолетов Н. Н.* [Рецензия] // Проблемы социалистического права. 1939. № 4–5. С. 143–145. Рецензия на кн.: *Хлебников Б. Н.* Судебная статистика. М.: Изд. Всесоюз. ин-та юрид. наук, 1939; *Он же.* Взгляды Н. Г. Чернышевского на государство и право // Советское государство и право. 1940. № 4. С. 25–40.

⁷⁵ *Опись фонда № 336 Бориса Ивановича Сыромятникова (1890–1947).* URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01004734491?page=98&rotate=0&theme=white>.

⁷⁶ *Звягин С. П.* Профессор Томского университета Н. Н. Фиолетов – жертва Сиблага // Общество и власть: Кузбасс в составе Томской губернии: материалы науч. конф., посвящ. 200-летию со дня образования Томской губернии (Кемерово, 1–2 октября 2004 г.). Кемерово, 2004. С. 77–81.

⁷⁷ *Фиолетова Н. Ю.* Указ. соч.

⁷⁸ Саратовская епархиальная комиссия по канонизации собирает материалы к прославлению новомученика мирянина Николая Фиолетова в лике святых. См.: Мирянин Николай Фиолетов. URL: <https://eparhia-saratov.ru/Articles/miryanin-nikolajj-fioletov>.

⁷⁹ *Фиолетов Н. Н.* Проблема отношения Церкви и государства в современном православном церковном сознании // Сборник общества исторических, философских и социальных наук при Пермском университете / под ред. Г. В. Вернадского. Пермь: 2-я Гос. тип., 1918. Вып. 1. С. 31–42.

терпимости; что церковь не должна быть отлучена от всех государственных задач, но напротив, активно участвовать в жизни общества, быть публично-правовым институтом. В то же время государство должно взять на себя определенные обязательства по отношению к церкви: от материальной поддержки и гарантирования преподавания Закона Божия в светских школах до признания православного календаря и православных праздников и юридического значения актов церковного венчания, церковно-судебных решений по делам о разводе. Большую ценность представляют приведенные в этой статье характеристики правового государства, которое «есть организация нейтрального юридического порядка в той нейтральной среде, в которой до времени пребывает естественное, непреображенное еще человечество. Оно... имеет большую ценность, большую правду, чем принудительная теократия или абсолютное, полицейское государство...»⁸⁰

В конце 1917 года Н. Н. Фиолетов публикует статьи «Восстановление патриаршества»⁸¹, «Церковь и Учредительное собрание»⁸², «Церковный собор и его задачи»⁸³, «Новое московское самоуправление и мелкая городская единица»⁸⁴.

В своей работе «Восстановление патриаршества» Н. Н. Фиолетов рассуждает о некорректном восприятии патриаршества: «...в нем пытались усмотреть скрытое тяготение к монархизму»⁸⁵. Однако, упрекая приверженцев обозначенного взгляда, он исходит из того, что «патриарх представляется как патриарх при соборе; он центр соборного единения и от собора получает свою силу. Его права в отношении к исполнительным органам церковной власти сводятся к председательствованию, праву надзора, инициативы и представительства. Он в то же время орган сношения с другими автокефальными церквями и с государственной властью»⁸⁶. Кроме того, в этой небольшой по объему газетной публикации содержатся интересные замечания о соотношении системы государственного управления и формы правления, сделанные с учетом соотношения управленческих структур в церковной системе. Сущность церковной власти Н. Н. Фиолетов понимает не в смысле юридического господства, а в смысле особого служения. При этом само название статьи имеет важное значение для понимания сути изложенной в ней идеи: автор считает, что через восстановление патриаршества, являющегося центром духовного единства, возможно противостояние процессам распада русского государства, постепенно теряющего свое един-

⁸⁰ Фиолетов Н. Н. Проблема отношения Церкви и государства... С. 39.

⁸¹ Фиолетов Н. Н. Восстановление патриаршества // Оренбургский церковно-общественный вестник. 1917. 3 дек. (№ 50). С. 1. URL: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/media/priestdb/materialattachment/attachment/ad/76/ad7600c8-25c0-4b80-bc8e-e67f8ad2edbd.pdf>.

⁸² Фиолетов Н. Н. Церковь и Учредительное собрание // Оренбургский церковно-общественный вестник. 1917. 5 нояб. С. 1. URL: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/media/priestdb/materialattachment/attachment/67/3e/673e1082-8403-43db-b4f1-6c2bc5890069.pdf>.

⁸³ Фиолетов Н. Н. Церковный собор и его задачи // Народопрямство. 1917. 16 окт. (№ 12). С. 6–8. URL: ruslitrev1917.imli.ru/files/attachment/644.pdf.

⁸⁴ Фиолетов Н. Н. Новое московское самоуправление и мелкая городская единица // Народопрямство. 1917. 9 авг. (№ 6). С. 12–14. URL: <https://ruslitrev1917.imli.ru/files/attachment/640.pdf>.

⁸⁵ Фиолетов Н. Н. Восстановление патриаршества. С. 1.

⁸⁶ Там же.

ство, и фигура патриарха в этом процессе видится ему символом целостности национального сознания, объединяющей культурной и национальной силой.

Не менее интересной кажется и другая работа Н. Н. Фиолетова, опубликованная под названием «Церковь и Учредительное собрание» в Оренбургском церковно-общественном вестнике. В этом труде ученый предпринял попытку выяснить особенности взаимодействия церкви и Учредительного собрания, которому, по его мнению, предстояло осуществить «устройство русского государства». В частности, характеризуя статус церкви, Н. Н. Фиолетов отмечал, что «церковь как таковая не сможет опуститься до уровня политических партий; она не может действовать через внешне-принудительный аппарат государственной власти или выступать в партийно-политической борьбе в качестве одной из борющихся сторон»⁸⁷. С точки зрения юриспруденции эта статья интересна тем, что в ней освещаются особенности пропорциональной системы выборов. Сопоставляя церковь и Учредительное собрание, ученый обращал внимание и на то, что перед первой, в отличие от второго, стоят общественные задачи, не имеющие непосредственного отношения к активному участию в политической жизни общества. Эти задачи лежат в плоскости ее духовной сферы: «...нет предела благодатному влиянию церкви, с точки зрения ее сознания, и нет той сферы, на которую она не могла бы проявить своего внутреннего духовного воздействия. <...> И противоестественно ей выступать в качестве части государственного учреждения»⁸⁸. В исследуемой статье уделено внимание церковному собору, в том числе его функционалу в структуре духовного управления. По мнению ученого, вопросы, демонстрирующие соприкосновение интересов церкви и государственной власти, должны разрешаться по взаимному соглашению.

В работе, вышедшей в свет под названием «Церковный собор и его задачи», Н. Н. Фиолетов указывает, что «перед собором ясно и определенно поставлена задача самоопределения русской церкви»⁸⁹. При этом постановка такой задачи, по замыслу автора, связана с тем, что «собор созван в критический момент жизни церкви и государства. Рухнули старые формы церковно-государственных отношений и старая организация церковно-правительственной власти. Приходится заново перестраивать строй церковной жизни на всех ее ступенях, приходится ставить на новую почву все стороны церковной деятельности, чтобы она могла отвечать новым условиям и новым потребностям»⁹⁰. Приведенная цитата точно отражает те социально-политические перемены в российском обществе, которые пришлось на первую четверть XX века. Коренные преобразования государственного аппарата потребовали не менее существенных изменений и в церковной системе. При этом Н. Н. Фиолетов убежден, что самоопределение церкви касается не только ее сугубо внутреннего церковного управления, но и правового положения церкви в обществе⁹¹.

⁸⁷ Фиолетов Н. Н. Церковь и Учредительное собрание. С. 1.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Фиолетов Н. Н. Церковный собор и его задачи. С. 6.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же. С. 7.

Еще одна работа Николая Николаевича Фиолетова – статья «Новое московское самоуправление и мелкая городская единица», опубликованная в Оренбургском церковно-общественном вестнике. В ней освещается специфика устройства местного самоуправления. Н. Н. Фиолетов отмечает, что «местное самоуправление в действительности становится частью государственного управления. ...Привычное противопоставление государственной и общественной власти потеряло всякую почву»⁹². Очевидно, что обозначенная проблематика, затронутая более столетия назад, сохраняет свою актуальность и сегодня. Кроме того, в указанной статье рассматриваются полномочия участкового комиссара в сравнении с правовым статусом начальника участковой милиции. Рассуждая о новом демократическом участковом управлении, автор высказывает свои соображения о том, какой будет новая система самоуправления в постреволюционный период. Назначение местного самоуправления, кроме обычных административных функций, он видит в следующем: «...в настоящее тяжелое время особенно важно, чтобы вновь организующиеся районные управления, стоящие в непосредственной близости к населению, организовали его для борьбы с угрожающими анархическими проявлениями»⁹³. Н. Н. Фиолетов считал, что у местного самоуправления – большой мировоззренческий потенциал: участие местного населения в делах управления могло бы обеспечить, с его точки зрения, большую вовлеченность общества в государственные дела, а также повысить доверие общества к власти в целом.

Николай Николаевич Фиолетов являлся профессором Пермского университета с 1 июля 1917 года по 7 августа 1922-го.

Список научных работ и публикаций Николая Николаевича Фиолетова

1915

Фиолетов Н. Н. Общественная философия В. Соловьева // Ученые записки Московского городского народного университета им. А. Л. Шанявского. Труды биологической лаборатории. 1915. Т. 1, вып. 1. С. 28–44.

1917

Фиолетов Н. Восстановление патриаршества // Оренбургский церковно-общественный вестник. 1917. 3 дек. (№ 50). С. 1. URL: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/media/priestdb/materialattachment/attachment/ad/76/ad7600c8-25c0-4b80-bc8e-e67f8ad2edbd.pdf>.

Фиолетов Н. Н. Государство и церковь / Моск. просвет. комис. при Временном ком. Гос. думы. М.: Тип. т-ва Рябушинских, 1917. 29 с.

Фиолетов Н. Н. Новое московское самоуправление и мелкая городская единица // Народопрямство. 1917. 9 авг. (№ 6). С. 12–14. URL: <https://ruslitrev1917.imli.ru/files/attachment/640.pdf>.

⁹² *Фиолетов Н. Н.* Новое московское самоуправление и мелкая городская единица. С. 13.

⁹³ Там же. С. 14.

Фиолетов Н. Праздник общественного воскресения // Утро России. 1917. 1 апр. (№ 85). С. 3. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/43371-locale-nil-85-1-apr#mode/inspect/page/6/zoom/9>.

Фиолетов Н. Н. Рецепция (принятие) как источник церковного правообразования // Юридический вестник. 1917. Кн. XVII (I). С. 52–64.

Фиолетов Н. Церковная реформа // Утро России. 1917. 9 июня (№ 140). С. 1–2. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/43442-locale-nil-141-9-iyunya>.

Фиолетов Н. Н. Церковный собор и его задачи // Народоуправство. 1917. 16 окт. (№ 12). С. 6–8.

Фиолетов Н. Н. Церковь в обновленной России. М.: Универсальная б-ка, 1917. 24 с. (Народная б-ка. Серия политическая; № 55).

Фиолетов Н. Церковь и Учредительное собрание // Оренбургский церковно-общественный вестник. 1917. 5 нояб. (№ 46). С. 1. URL: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/media/priestdb/materialattachment/attachment/67/3e/673e1082-8403-43db-b4f1-6c2bc5890069.pdf>.

1918

Фиолетов Н. Н. Новые церковный закон о разводе и декрет о гражданском браке // Накануне. 1918. № 4. С. 4–5.

Фиолетов Н. Н. Проблема отношения Церкви и государства в современном православном церковном сознании // Сборник общества исторических, философских и социальных наук при Пермском университете / под ред. Г. В. Вернадского. Пермь: 2-я Гос. тип., 1918. Вып. 1. С. 31–42.

Фиолетов Н. Н. Церковь и декреты // Накануне. 1918. № 2. С. 5.

1919

Фиолетов Н. Н. Большевики и церковь // Тобольские епархиальные ведомости. 1919. № 6. С. 101–102. URL: <https://yandex.ru/archive/catalog/403c2766-87a1-4367-bd5f-763a5a5c9a4c>.

Фиолетов Н. Представительство Церкви // Русское дело. 1919. № 9.

Фиолетов Н. Церковная реформа // Русское дело. 1919. № 11.

1920

Фиолетов Н. Н. Очерки по истории русской философской мысли – Сковорода, Толстой. [Рукопись 1920 года, подготовлена для Известий Томского государственного университета, не найдена.]

Фиолетов Н. Н. Философско-этические течения в русском марксизме – Луначарский, Богданов. [Рукопись 1920 года, подготовлена для Известий Томского государственного университета, не найдена.]

1923

Фиолетов Н. Н. Национальный вопрос в С.С.С.Р. Саратов, 1923. [Работа упоминается Н. Н. Фиолетовым в Личном листке научного работника в Саратовском университете, не найдена.]

Фиолетов Н. Н. Основные проблемы теории толкования законов. Саратов, 1923. [Работа упоминается Н. Н. Фиолетовым в Личном листке научного работника в Саратовском университете⁹⁴, не найдена.]

Фиолетов Н. Н. [Составление]. В кн.: Союз Советских Социалистических Республик, автономные республики и области: материалы по государственному праву Р.С.Ф.С.Р. / сост. Н. Н. Фиолетов. Саратов: Изд-во В. З. Яксанова, 1923. 27 с.

Фиолетов Н. Н. Церковь и государство по советскому праву: в 2 ч. Москва; Саратов: Изд-во В. З. Яксанова, 1923–1924.

Ч. 1: Декреты и разъяснения 1917–1923 гг. 1923. 87 с.

Ч. 2: Обзор и комментарий законодательства по вопросам отношения церкви и государства за 1923 и начало 1924 г. 1924. 54 с.

1924

Фиолетов Н. Н. К вопросу о догматическом методе в теории применения права // Ученые записки Государственного Саратовского университета имени Н. Г. Чернышевского. 1924. Т. 2, вып. 4: Факультет хозяйства и права. С. 32–59. [Вышла отдельной брошюрой: *Фиолетов Н. Н.* К вопросу о догматическом методе в теории применения права. Саратов: [Б.и.], 1924 (Сарполиграфпром. Типо-лит.). 30 с.]

Фиолетов Н. Н. К вопросу о юридическом положении религиозных обществ // Право и суд. 1924. № 2. С. 67–72.

1925

Фиолетов Н. Н. К характеристике социально-политических воззрений Н. Г. Чернышевского (по поводу 35-летия со дня смерти) // Ученые записки Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. 1925. Т. 3, вып. 3: Педагогический факультет. Общественно-экономическое и лингвистическое отделения. С. 88–101.

Фиолетов Н. Н. Понятие социалистического правосознания в Советском праве // Право и суд. 1925. № 1. С. 8–14.

1926

Фиолетов Н. Вакуфное право в средне-азиатских советских республиках // Советское право. 1926. № 2 (20). С. 84–103.

1927

Фиолетов Н. Суды казиев в средне-азиатских республиках // Советское право. 1927. № 1 (25). С. 132–146.

1929

Фиолетов Н. Н. Основные вопросы советского брачного права и новый кодекс законов о браке и семье УзССР. Ташкент: Изд-во Ср.-Азиат. гос. ун-та, 1929. 16 с.

1939

Фиолетов Н. Н. [Рецензия] // Проблемы социалистического права. 1939. № 4–5. С. 143–145. Рецензия на кн.: *Хлебников Б. Н.* Судебная статистика. М.: Изд. Всесоюз. ин-та юрид. наук, 1939.

Фиолетов Н. Борьба с пережитками феодального (шариатного и адатного) права в истории среднеазиатских советских республик. [Машинопись с правкой. Не ранее

⁹⁴ Архив Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. Ф.р. 332. Оп. 7. Д. 13. Л. 4.

1939 года. 42 страницы. Не опубликована. Опись фонда № 336 Б. И. Сыромятникова (1890–1947). URL: [https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01004734491?page=98&rotate=0&theme=white.](https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01004734491?page=98&rotate=0&theme=white)]

Фиолетов Н. Н. Очерки христианской апологетики. М.: Братство во Имя Всемилостивого Спаса, 1992. 192 с. [Работа над «Очерками...» относится к калининскому периоду в биографии ученого (1935–1939), однако при жизни автора труд не был опубликован].

1940

Фиолетов Н. Н. Взгляды Н. Г. Чернышевского на государство и право // Советское государство и право. 1940. № 4. С. 25–40.

Библиографический список

Боженко Л. И. Создание рабфака в Томском университете // Из истории общественно-политической жизни Сибири: межвуз. темат. сб. / редкол.: Л. И. Боженко (отв. ред.) и др. Томск: Изд-во ТГУ, 1981. С. 64–72.

Германов В. А. Восточный фронт // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 1996. № 3. С. 115–137.

Дружинина Ю. В. Вопросы воспитания школьников на страницах журнала «История в средней школе» / «История в школе» (1934–1936 гг.) // Россия и Сибирь: история и культура: электрон. сб. X Междунар. Сиб. ист. форума. М.: Перо, 2023. С. 1289–1274. URL: <https://sibhistory.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2023/12/Electronic-version-CIF-2023.pdf>.

Журналы заседаний отделов, Средне-Сибирского отделения и комиссий Института исследования Сибири (1919–1921 гг.) / отв. ред. С. Ф. Фоминых. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014.

Журналы заседаний совета Института исследования Сибири (13 ноября 1919 г. – 16 сентября 1920 г.): [сб.] / [сост.: С. А. Некрылов, Н. Г. Маркевич, С. А. Меркулов; отв. ред. С. Ф. Фоминых. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008.

Зайченко П. А. Томский государственный университет имени В. В. Куйбышева: очерки по истории первого сибирского университета за 75 лет (1880–1955) / ред. В. А. Пегель. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1960.

Звягин С. П. Профессор Томского университета Н. Н. Фиолетов – жертва Сиблага // Общество и власть: Кузбасс в составе Томской губернии (1804–1925 гг.): материалы науч. конф., посвящ. 200-летию со дня образования Томской губернии (Кемерово, 1–2 октября 2004 г.). Кемерово, 2004. С. 77–81.

Звягин С. П. Участие профессоров юридического факультета Томского университета в диалоге между светским обществом и церковью в условиях революции и гражданской войны // Макарьевские чтения: материалы IV Междунар. конф. (21–22 ноября 2005 г.). Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2005. С. 124–130.

Звягин С. П., Малышева С. Ю., Ситова И. М. Профессор юридического факультета Томского университета Б. П. Иванов в годы Гражданской войны // История Белой Сибири: материалы VII Междунар. науч. конф. (Кемерово, 28–29 сентября 2009 г.). Кемерово: ИНТ, 2009. С. 237–243.

Ишанходжаева З. Р. Судьба среднеазиатской ориенталистики в 1920–1930-е гг. // Взгляд в прошлое. 2020. Спец. вып. № 2. С. 5–10.

Каледа Г. Профессор Н. Н. Фиолетов и его книга «Очерки христианской апологетики» // *Фиолетов Н. Н.* Очерки христианской апологетики. Клин: Христианская жизнь, 2000. 2-е изд. С. 3–20.

Лапин Д. Л. Взаимодействие Российского правительства А. В. Колчака с Временным высшим церковным управлением Сибири // *Ипатьевский вестник.* 2021. № 2. С. 123–130.

Луков Е. В., Шевелев Д. Н. Осведомительный аппарат белой Сибири: структура, функции, деятельность (июнь 1918 – январь 1920 г.) / под ред. С. Ф. Фоминых. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007.

Лунин Б. В. Из истории первого высшего востоковедного учебного заведения в Средней Азии // *Очерки по истории русского востоковедения.* Сб. VI. М.: Изд-во Вост. лит., 1963. С. 302–346.

Олихов Д. В. Взаимодействие светской и церковной власти на примере Главного управления по делам вероисповеданий правительства А. В. Колчака и Временного высшего церковного управления Сибири // *Вестник Омского университета.* 2013. № 1. С. 154–156.

Олихов Д. В. Создание и деятельность Временного высшего церковного управления Сибири: 1918–1920 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2014.

Профессора Пермского государственного университета (1916–2001) / [редкол.: В. В. Маланин (гл. ред.) и др.]. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2001.

Профессора Томского университета: биограф. слов.: в 4 т. / С. Ф. Фоминых, С. А. Некрылов, Л. Л. Берцун, А. В. Литвинов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. Т. 2: 1917–1945 гг.

Профессора Томского университета в годы Гражданской войны / Е. В. Луков, С. А. Некрылов, С. Ф. Фоминых и др. // *Из истории революций в России (первая четверть XX века): материалы Всерос. симп., посвящ. памяти проф. И. М. Разгона (Томск, 13–15 апреля 1995 г.).* Томск: ТГУ, 1996. Вып. 2. С. 47–55.

Ректоры Томского университета (1888–2003): биограф. сл. / С. Ф. Фоминых, С. А. Некрылов, К. В. Петров [и др.]. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. Т. 5.

Савина (Покровская) Е. Судьба Рижской «девотки». URL: <https://www.russkije.lv/ru/journalism/read/savina-kruglevskaya/>.

«Служить родине приходится костями...»: дневники Н. В. Устрялова 1935–1937 гг. / публ. И. А. Кондаковой // *Источник.* 1998. № 5–6. С. 3–100.

Совет Министров Российского правительства: журналы заседаний (18 ноября 1918 – 3 января 1920 г.): в 2 т.: сб. док. / сост. и науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2016.

Томский университет, 1880–1980: [очерк истории и деятельности] / [В. С. Синяев, Е. С. Кирсанова, М. Е. Плотникова и др.; отв. ред. М. Е. Плотникова]. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980.

Томский университет: 135 лет в истории России (1878–2013 гг.) / под ред. С. Ф. Фоминых, Е. М. Игнатенко. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013.

Устрялов Н. В. Белый Омск. Дневник колчаковца / подг. текст О. Воробьев. URL: https://lib.ru/POLITOLOG/USTRYALOV/omsk.txt_with-big-pictures.html.

Устрялов Н. В. Былое – революция 1917 г. (1890-е – 1919 гг.): воспоминания и дневниковые записи. М.: Анкил, 2000.

Фиолетова Н. Ю. История одной жизни. URL: http://az.lib.ru/f/fioletowa_n_j/text_1978_vosp.shtml.

Цветков В. Ж. Белое дело в России: 1917–1919 гг. М.: Яуза: Якорь, 2019.

Шевелев Д. Н. «Роль печатного слова в современной войне не меньше пули и штыка...»: Осведомительная работа антибольшевистских правительств востока России / под ред. С. Ф. Фоминых, Е. В. Лукова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2017.

Юридический институт (факультет) Томского государственного университета. 1898–2018: история и современность / сост. Т. А. Дедкова; под ред. Т. А. Дедковой, В. А. Уткина. Томск: Изд. дом Том. гос. ун-та, 2018.

Ex jure

Информация для цитирования

Кузнецова О. А., Захаркина А. В. Двенадцать первых: профессор Пермского университета Николай Николаевич Фиолетов // *Ex jure*. 2025. № 4. С. 53–77. DOI: 10.17072/2619-0648-2025-4-53-77

Kuznetsova O. A., Zakharkina A. V. The First Twelve: Nickolai Nickolaevich Fioletov, Professor at Perm University. *Ex jure*. 2025. № 4. Pp. 53–77. DOI: 10.17072/2619-0648-2025-4-53-77

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 343.1(019) + 343.123.1

DOI: 10.17072/2619-0648-2025-4-78-86

Нормативно-правовое регулирование деятельности органов дознания советских вооруженных сил в период Великой Отечественной войны

Д. Н. Шкаревский

Кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры истории и философии

Московский финансово-юридический университет МФЮА
115191, Россия, г. Москва, Серпуховский вал, 17/1

E-mail: shkarden@mail.ru

Аннотация: в статье анализируются изменения в правовом регулировании органов дознания в Военно-морском флоте СССР и Красной армии в период Великой Отечественной войны. Автор приходит к выводу о существовании ряда отличий в этом процессе в ВМФ и РККА (например, для органов дознания флота было сохранено административное расследование, тогда как в Красной армии эта форма была ликвидирована). Наблюдается расхождение вновь принятых инструкций органам дознания по таким вопросам, как сроки назначения дознавателей, список преступлений, по которым проводилось дознание, задачи и правила назначения дознания и его прекращения. Есть отличия и в характере ведомственных инструкций: по мнению автора, Инструкция по производству дознания в Военно-Морском флоте СССР была несколько мягче, чем Инструкция органам дознания Красной армии. Общими тенденциями в эволюции правового регулирования органов дознания в РККА и ВМФ нужно признать следующие: существенное расширение компетенции органов дознания в боевой обстановке, нивелирование разграничения между дознанием и следствием, расширение прав командира части, сокращение обязанностей дознавателя и расширение

© Шкаревский Д. Н., 2025

Эта работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

его прав и компетенции. Также наблюдается легитимизация отступлений от ряда требований ведомственных инструкций в боевой обстановке, то есть возврат к практике «упрощенчества». Происходит расширение толкования отдельных норм уголовного права.

Ключевые слова: дознание; Рабоче-крестьянская Красная армия; Военно-морской флот; СССР; военное право; военные трибуналы; военная прокуратура; специальная юстиция

The Legal Regulation of the Activity of the Soviet Armed Forces' Bodies of Enquiry During the Great Patriotic War

D. N. Shkarevsky

Moscow University of Finance and Law MFUA
17/1, Serpukhovsky Val, Moscow, 115191, Russia

E-mail: shkarden@mail.ru

Abstract: *the article traces the evolution of the legal regulation of the bodies of enquiry in the Red Army and the Navy of the USSR during the Great Patriotic War. The author concludes that there are a number of differences in this process in the Navy and the Red Army. For example, such a form as “administrative investigation” was preserved for the navy enquiry bodies. In the Red Army it was eliminated. In the instructions there is a discrepancy on the following issues: terms of appointment of inquirers, the list of offences for which the enquiry was conducted, tasks and rules of appointment of the enquiry, rules of termination of the enquiry. The nature of departmental instructions to bodies of enquiry differed. In the author’s opinion, the Instruction on conducting inquests in the USSR Navy was milder than the Instruction to the Red Army inquest authorities. The general trends in the evolution of the legal regulation of the bodies of enquiry in the Red Army and the Navy were: expansion of the competence of the bodies of enquiry in a combat situation, levelling of the distinction between enquiry and investigation, expansion of the rights of the unit commander, reduction of the duties of the inquirer and expansion of his rights and competence. There is a legitimisation of deviations from a number of requirements of departmental instructions in a combat situation, i.e. a return to the practice of “simplification”. There is an expansion of interpretation of certain norms of criminal law.*

Keywords: *inquest; Red Army; Navy; USSR; military law; military tribunals; military prosecutor’s office; special justice*

В современных условиях обострения внешнеполитической обстановки весьма актуальным представляется изучение советского опыта правового регулирования органов дознания в вооруженных силах в условиях боевых действий. Между тем советская историография по данной теме ограничена, в ней преобладает литература учебного и справочного характера¹. Исторический опыт деятельности органов дознания изучается сравнительно небольшим количеством исследователей². Вместе с тем существует немало работ, посвященных осмыслению различных аспектов современного состояния этих органов³. Представляется, что без обобщения исторического опыта их деятельности решение этой задачи может привести к ошибкам.

Из-за отсутствия исследований фундаментального характера в работах встречаются разного рода неточности. Например, утверждается, что в 1942 году на основе инструкции органам дознания Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) была принята инструкция органам дознания Военно-морского флота (ВМФ)⁴. Однако последняя была принята 24 сентября 1942 года, а первая – 12 ноября 1942 года.

Данные нормативные акты действительно имеют много общего. Это объясняется тем, что оба документа были основаны на советском уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве и их разработчики учитывали предшествующий опыт деятельности органов дознания, а также аналогичные акты, разработанные в 1929, 1931, 1933 и 1940 годах. Несмотря на это, структура и характер инструкций органам дознания ВМФ и РККА 1942 года несколько отличаются. В связи с этим цель автора настоящей статьи – проследить эволюцию правового регулирования органов дознания ВМФ и РККА в годы Великой Отечественной войны по сравнению с довоенным периодом.

В советских вооруженных силах изначально было признано, что расследование «несложных дел о преступлениях, совершенных военнослужащими, целесообразнее всего производить средствами командования части»⁵. Объяснялось это следующими причинами: «...1) расследование преступлений является в руках командира части одним из средств укрепления воинской дисциплины... 2) передача расследования по делам о военнослужащих гражданским органам дознания (например, милиции) крайне нежелательна, так как она потребовала бы допущения в распо-

¹ См., например: Справочник органам дознания и дознавателям о порядке производства дознаний в Красной Армии / сост.: В. Малишевский, М. Калашник, З. Гуревич. 2-е изд., испр. и доп. [Б.м.]: Изд. «Военный совет армии», 1945.

² Шкаревский Д. Н. Деятельность органов дознания в Вооруженных Силах СССР в 1930-е гг. // Военно-юридический журнал. 2024. № 5. С. 42–45.

³ Дикарев И. С. Об обоснованности отнесения производства дознания к полномочиям органов дознания // Вестник военного права. 2023. № 2. С. 33–40; Зайцев О. А., Пастухов П. С. Формирование новой стратегии расследования преступлений в эпоху цифровой трансформации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 46. С. 752–777; Хатуаева В. В., Федорова И. В. Преступления, посягающие на процессуальную деятельность органов, осуществляющих предварительное расследование // Ex iure. 2020. № 1. С. 106–115.

⁴ Самарин В. А. Особенности организации и функционирования следственных органов Ленинграда в годы блокады 1941–1944 гг. // Правда и закон. 2024. № 3 (29). С. 17–18.

⁵ Розенблит С. Я. Дознание в Красной Армии: руководство для дознавателей. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1942. С. 3.

жение воинской части посторонних для нее людей; 3) с точки зрения сохранения военной тайны лучше всего поручать расследование преступлений, связанных с нарушением дисциплины, лицам начальствующего состава; 4) расследование происшествия через начальствующий состав своей же части намного ускоряет процесс следствия... 5) лицо, принадлежащее к составу части, будучи назначено для производства расследования, имеет то преимущество... что оно хорошо знакомо с обстановкой в части...»⁶

Начало Великой Отечественной войны продемонстрировало несоответствие инструкций органам дознания, принятых в 1940 году, реалиям изменившегося положения. В связи с этим осенью 1942 года были приняты новые ведомственные акты, регламентирующие деятельность органов дознания в Вооруженных силах СССР.

Так, Инструкция по производству дознания в Военно-Морском флоте СССР была введена в действие приказом Наркома Военно-Морского флота № 262 от 24 сентября 1942 г. Этот нормативный акт устанавливал, что военные дознаватели должны назначаться командиром приказом по части на шесть месяцев. Но в условиях боевой обстановки командир самостоятельно мог устанавливать иные сроки, а также поручать проведение дознания любому лицу начальствующего состава. Количество дознавателей по отдельным частям было уменьшено. Например, согласно инструкции 1940 года на линейном корабле следовало выделять от четырех до пяти дознавателей, а по инструкции 1942-го – от двух до трех.

Инструкция органам дознания ВМФ сближала процедуры дознания и следствия. Под дознанием понималось расследование дел о преступлениях, проводимое лицом начсостава по распоряжению командира. Отметим, что в отличие от Инструкции органам дознания Красной Армии 1942 года в Военно-морском флоте для выяснения обстоятельств проступка или происшествия сохранялось административное расследование, которое производилось в произвольной форме и могло поручаться любому лицу.

Список преступлений, по которым проводилось дознание в ВМФ, был более широким, чем в РККА. В него входили: неисполнение приказа; нарушение правил караульной и вахтенной службы; самовольное оставление части и поля боя; оскорбление; оказание сопротивления; принуждение лица, находящегося при исполнении обязанностей по военной службе, к нарушению этих обязанностей; мародерство; промотание имущества; дискредитация; хищение и кражи; растраты; хулиганство.

Среди ведущих принципов дознания в ВМФ отмечались полнота, всесторонность, объективность и быстрота. Главная задача дознания (п. 11) формулировалась так: «в наиболее короткий срок, при наименьшем количестве дознавательских действий, добиться полноты и всесторонности дознания»⁷. Для ее достижения в условиях военных действий инструкция разрешала дознавателю вместо плана дознания составлять перечень основных вопросов, подлежащих выяснению.

⁶ Розенблит С. Я. Дознание в Красной Армии: руководство для дознавателей. С. 3.

⁷ Инструкция по производству дознания в Военно-Морском флоте СССР: утв. приказом Народного комиссара Военно-Морского флота СССР от 24 сент. 1942 г. № 262 // Сборник документов по истории советской военной юстиции: учеб. пособие / сост. Л. Н. Гусев. М.: ВЮА, 1951. С. 379.

Производство дознания допускалось лишь при наличии достаточных к тому оснований и в тех случаях, когда в отношении виновного предполагалась необходимость применения уголовного наказания. В условиях боевых действий дознавателю разрешалось проводить все следственные действия по сложным делам, не дожидаясь прибытия военного следователя.

Также Инструкция по производству дознания в ВМФ СССР уточняла основания для прекращения дознания. Среди них были указаны следующие: смерть обвиняемого; отсутствие в действиях обвиняемого состава преступления; недостаточность собранных по делу улик; малозначительность действия и отсутствие вредных последствий; нецелесообразность предания суду, когда действия потеряли характер общественно опасных или лицо перестало быть общественно опасным.

Данная инструкция содержала раздел «Основные вопросы расследования отдельных видов преступлений». В нем выделялись дела о неисполнении приказаний, самовольных отлучках, дезертирстве, побеге с поля боя, нарушении уставных правил караульной и вахтенной службы, членовредительстве, нанесении оскорблений, промотании и порче предметов военного имущества, кражах, хулиганстве. Например, в ходе дознания по делам о краже следовало произвести осмотр помещений для установления следов и способов преступления и порядка размещения предметов. Далее необходимо было определить размеры похищенного и время совершения преступления, а затем выяснить у командования и потерпевших, на кого падает подозрение. При наличии достаточных оснований у подозреваемых проводился обыск. При этом «повальные массовые обыски» запрещались. В отличие от инструкции органам дознания РККА, инструкция ВМФ не относила дела о симуляции болезни к членовредительству. При расследовании дел о дезертирстве, побеге с поля боя требовалось задержать дезертира и в ходе допросов свидетелей установить его вину⁸.

Инструкция органам дознания Красной Армии была введена в действие приказом Наркома обороны СССР от 12 ноября 1942 г. № 357. Данный документ также определял новые тенденции в развитии дознания. В частности, закреплялось сближение процедур дознания и следствия: параграф 1 раздела I «Общие положения» инструкции устанавливал, что органы дознания расследуют преступления, а параграф 3 понимал под дознанием «расследование, производимое лицами начальствующего состава (дознавателями) по распоряжению командира части по поводу преступления или чрезвычайного происшествия»⁹. Уточнялось, что дознание производится в письменном виде, с соблюдением норм уголовно-процессуальных кодексов. Основная задача дознания сводилась к установлению «всех обстоятельств преступления или чрезвычайного происшествия, виновных и причин данного преступления» (п. 10).

Предварительное следствие, в отличие от дознания, проводили военные следователи или сотрудники Особого отдела НКВД. Надзор за всеми стадиями осуществ-

⁸ Инструкция по производству дознания в Военно-Морском флоте СССР. С. 377–397.

⁹ Инструкция органам дознания Красной Армии: утв. и введ. в действие приказом НКО СССР от 12 нояб. 1942 г. № 357 // Сборник документов по истории советской военной юстиции: учеб. пособие / сост. Л. Н. Гусев. М.: ВЮА, 1951. С. 402–422.

ляла военная прокуратура. Надзор за дознанием военный прокурор мог поручить военному следователю. Оговаривалось, что командир части не имеет права приостанавливать выполнение указаний военного прокурора, военного следователя, данных по производству дознания, он может лишь обжаловать их у вышестоящего военного прокурора (п. 7). Такая форма, как административное расследование, была ликвидирована.

Инструкция уточняла персональную подведомственность. В частности, органы дознания РККА в отношении лиц вольнонаемного состава могли расследовать только дела о преступлениях, совершенных в расположении части. Преступления вольнонаемного состава, совершенные вне расположения части, подлежали расследованию общими органами юстиции, но при их отсутствии расследование могло быть поручено органам военного дознания (п. 9). Сроки назначения дознавателей не оговаривались.

Продолжительность сроков дознания сохранялась. Как и в 1930-е годы, общий срок составлял трое суток, с возможностью пролонгирования не более чем на четырнадцать суток. Но указывалось, что при незавершении дознания в установленный срок оно должно передаваться военному следователю для производства предварительного следствия, а безосновательное затягивание сроков производства дознания является основанием для привлечения виновных к ответственности (п. 11).

Количество дознавателей, определенных для полка, отдельного батальона, роты, оставалось прежним, но число дознавателей в штабах и учреждениях сокращалось с одного – четырех до одного – двух (п. 14). Также устанавливалось правило, согласно которому, независимо от наличия выделенных дознавателей, командир части мог поручить проведение дознания «любому лицу начальствующего состава» (п. 15). При назначении дознавателя акцент был сделан на «достаточной грамотности» начсостава. Списки дознавателей в течение трех дней после их утверждения должны были быть направлены военному прокурору соединения (п. 17).

В новой инструкции существенно сокращались обязанности дознавателя. Последний был обязан соблюдать тайну дознания, нормы Уголовно-процессуального кодекса и Уголовного кодекса (п. 19 разд. II), но такие обязанности, как поддержание связи с военным следователем, участие в инструктажах и повышение квалификации, исчезли. Права дознавателя не изменились, однако инструкция усилила единоначалие командира: руководство дознанием мог осуществлять только командир части (не комиссар) (п. 22 разд. III).

Общие принципы производства дознания сохранялись: запрещались угрозы, запугивание, искажение показаний свидетелей; запрещалось «загромождать дознание материалами, имеющими второстепенное значение»; акцентировалось внимание на сборе материалов о личности обвиняемого и т.п. (п. 27, 31, 32 разд. IV).

Основные виды доказательств, по сравнению с инструкциями 1933 и 1940 годов, также не изменились и включали: показания свидетелей; заключения экспертов; вещественные доказательства; протоколы осмотров и иные письменные документы; личные показания обвиняемого (п. 36 разд. IV). Рекомендации по сбору доказательств претерпели незначительные (косметические) изменения.

По сравнению с предшествующими инструкциями не изменилась и процедура окончания дознания. Командир части мог принять «решение: 1) о предании обвиняемого суду Военного трибунала; 2) о прекращении дознания; 3) о направлении дознания для дальнейшего следствия военному следователю» (п. 76 разд. V). В то же время произошло расширение прав командира части. Например, после прекращения дознания он мог наложить на обвиняемого дисциплинарное взыскание, направить его в штрафную часть во внесудебном порядке, издав приказ по части, или передать дело на рассмотрение товарищеского суда (п. 76).

Также инструкция 1942 года (п. 81) обязывала дознавателя составлять обвинительное заключение. Оно должно было быть «кратким и ясным», состоять из описательной и резолютивной частей. К этому документу следовало приложить «список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание» (п. 82). Утвержденное командиром части обвинительное заключение направлялось военному прокурору (п. 83), а затем в военный трибунал.

Инструкция 1942 года содержала раздел VI «Методические указания по расследованию отдельных видов преступления». Наибольшее внимание в данном разделе законодатель уделял дознанию по следующим делам: о преступлениях, связанных с трусостью и неустойчивостью (о самовольном оставлении поля боя, об оставлении позиции без приказа свыше); о членовредительстве и дезертирстве; о неисполнении приказа; о хищениях и промотании военного имущества; о нарушении уставных правил караульной службы; о хулиганстве; об оскорблении.

Например, при расследовании дел об оскорблении дознаватель должен был выяснить: находился ли оскорбитель или оскорбленный при исполнении служебных обязанностей; в чем выразилось оскорбление; время и обстоятельства происшествия; личность виновного и потерпевшего; мотивы оскорбления; состояние виновного (состояние опьянения не относилось к обстоятельствам, исключающим или смягчающим вину); причины оскорбления (п. 155). Если оскорбление было нанесено письменно или «в форме рисунка», то этот «письменный документ» следовало приложить к материалам дознания (п. 156). При расследовании дел о членовредительстве надлежало установить, кем было нанесено повреждение, определить умысел и цель (уклонение от воинской службы) (п. 96).

К доказательствам по такого рода делам относились: заключение судебно-медицинского и технического экспертов; «прокладки и приспособления, обнаруженные на месте происшествия и следы близкого выстрела на оружии и одежде»; орудия членовредительства; показания свидетелей и самого обвиняемого; переписка обвиняемого (п. 97).

Интересно, что параграфы 106–108 инструкции относили к членовредительству и дела о симуляции заболевания. Среди доказательств по этим делам указывались: заключение судебно-медицинского эксперта, документация санитарной службы (история болезни и т.д.), показания свидетелей и самого обвиняемого, переписка последнего. Также было предусмотрено проведение «стационарного испытания» в военном госпитале в случае невозможности судебно-медицинской экспертизы.

По делам о хулиганстве (дебаше) при установлении, что пьянство сопровождалось «выведыванием или разбалтыванием военной тайны», следовало материалы дознания передать в Особый отдел НКВД (п. 153).

Подводя итоги, следует отметить, что инструкции органам дознания РККА и ВМФ 1942 года существенно расширяют деятельность органов дознания в боевой обстановке. Практически исчезает разграничение между дознанием и следствием. К тому же в РККА ликвидируется такая стадия, как административное расследование. Расширяются права командира части: во внесудебном порядке по итогам дознания он получает право выносить наказание (направление в штрафную часть). Контроль и руководство за органами дознания остаются исключительно за командирами частей, комиссары эти права утрачивают. Происходит сокращение обязанностей дознавателя и расширение его прав и компетенции.

Основные принципы производства дознания сохраняются, однако в условиях боевой обстановки от некоторых из них разрешено отступать. Очевидна, таким образом, тенденция к «упрощенчеству» при наличии определенных обстоятельств.

Наблюдается расширение толкования отдельных норм уголовного права. Например, в понятие «членовредительство» включаются случаи симуляции заболеваний.

Наконец, имеет место расхождение инструкций органам дознания в РККА и ВМФ по таким вопросам, как: сроки назначения дознавателей; сохранение процедуры административного расследования: список преступлений, по которым проводилось дознание; задачи и правила назначения дознания; правила прекращения дознания.

В целом представляется, что инструкция органам дознания Военно-морского флота отличалась более высоким уровнем юридической техники, содержала меньшее количество пробелов и так называемых «каучуковых норм», чем инструкция органам дознания Рабоче-крестьянской Красной армии.

Библиографический список

Дикарев И. С. Об обоснованности отнесения производства дознания к полномочиям органов дознания // Вестник военного права. 2023. № 2. С. 33–40.

Зайцев О. А., Пастухов П. С. Формирование новой стратегии расследования преступлений в эпоху цифровой трансформации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 46. С. 752–777. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-46-752-777.

Розенблит С. Я. Дознание в Красной армии: руководство для дознавателей / под ред. гл. воен. прокурора Красной Армии Корвоенюриста В. И. Носова; Ин-т права АН СССР, Воен.-юрид. секция. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1942.

Самарин В. А. Особенности организации и функционирования следственных органов Ленинграда в годы блокады 1941–1944 гг. // Правда и закон. 2024. № 3 (29). С. 16–24.

Сборник документов по истории советской военной юстиции: учеб. пособие / сост. Л. Н. Гусев. М.: ВЮА, 1954.

Справочник органам дознания и дознавателям о порядке производства дознаний в Красной Армии / сост.: В. Малишевский, М. Калашник, З. Гуревич. 2-е изд., испр. и доп. [Б.м.]: Изд. «Военный совет армии», 1945.

Хатуаева В. В., Федорова И. В. Преступления, посягающие на процессуальную деятельность органов, осуществляющих предварительное расследование // *Ex jure*. 2020. № 1. С. 106–115. DOI: 10.17072/2619-0648-2020-1-106-115.

Шкаревский Д. Н. Деятельность органов дознания в Вооруженных Силах СССР в 1930-е гг. // *Военно-юридический журнал*. 2024. № 5. С. 42–45. DOI: 10.18572/2070-2108-2024-5-42-45.

Информация для цитирования

Ex jure

Шкаревский Д. Н. Нормативно-правовое регулирование деятельности органов дознания советских вооруженных сил в период Великой Отечественной войны // *Ex jure*. 2025. № 4. С. 78–86. DOI: 10.17072/2619-0648-2025-4-78-86

Shkarevsky D. N. The Legal Regulation of the Activity of the Soviet Armed Forces' Bodies of Enquiry During the Great Patriotic War. *Ex jure*. 2025. № 4. Pp. 78–86. DOI: 10.17072/2619-0648-2025-4-78-86

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

УДК 342.7

DOI: 10.17072/2619-0648-2025-4-87-102

Правомочие доступа к правосудию в конструкции субъективного конституционного права на судебную защиту

О. Ю. Волченко

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры процессуального права

Всероссийская академия внешней торговли
Министерства экономического развития РФ
119285, Россия, г. Москва, Воробьевское шоссе, 6а

E-mail: olegvolchenko@mail.ru

Аннотация: статья посвящена исследованию ряда проблем теоретического и практического характера, связанных с обеспечением доступа правообладателей к правосудию. Автор отстаивает точку зрения о наличии институциональной конкуренции между тенденциями, с одной стороны, доминирования федеральных судов в судоустройстве и централизации судебной системы, расширения сети апелляционных и кассационных инстанций, с другой – приближения судов к населению (в России это районные и городские суды, а также мировая юстиция). Замкнутая на центр судебная система имеет ряд существенных преимуществ. Для современной России во многом характерны признаки централизации, этатизма и концентрации публичной власти, что соответствует ряду устойчивых государственных традиций. Вместе с тем судебная система не может быть полностью централизованной, особенно если рассматривать данный комплекс явлений с учетом конституционного требования доступности правосудия. Судоустройство нуждается в «приближенности к населению» на основе общеправового принципа субсидиарности.

Ключевые слова: правосудие; права человека; доступ к правосудию; справедливый суд; судебная защита; публичная власть; конституционализм

© Волченко О. Ю., 2025

Эта работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Power of Access to Justice in Design Subjective Constitutional Right to Judicial Protection

O. Yu. Volchenko

All-Russian Academy of Foreign Trade
of the Ministry of Economic Development
of the Russian Federation
6a, Vorobyovskoe shosse, Moscow, 119285, Russia

E-mail: olegvolchenko@mail.ru

Abstract: *the article is devoted to the study of a number of theoretical and practical problems related to ensuring access to justice for rights holders. The author defends the view that there is institutional competition between trends, on the one hand, the dominance of federal courts in the judicial system and the centralization of the judicial system, the expansion of the network of appellate and cassation instances, on the other hand, bringing the courts closer to the population (in Russia these are district and city courts, as well as world justice). A centralized judicial system has a number of significant advantages. Modern Russia is largely characterized by signs of centralization, statism and concentration of public power, which corresponds to a number of stable state traditions. At the same time, the judicial system cannot be completely centralized, especially if we take into account this complex of phenomena from the point of view of the constitutional requirement of accessibility of justice. The judicial system needs "closeness to the population" based on the general legal principle of subsidiarity.*

Keywords: *justice; human rights; access to justice; fair trial; judicial protection; public power; constitutionalism*

Доступ к правосудию является важнейшей гарантией обеспечения конституционно-правовыми и процессуальными средствами полноты и эффективности судебной защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина. В самом общем виде это связано с *судоустройством* (достаточная разветвленность системы судов); *подведомственностью и подсудностью* (их определение исключительно законом, недопустимость произвольного усмотрения и споров о подсудности); институтом *сроков давности*, по истечении которых доступ к суду ограничивается; беспрепятственной возможностью правообладателя *обратиться* в надлежащий суд с соблюдением установленных процессуальных форм; правом быть *выслушанным в суде*; гарантированной законом возможностью *представлять доказательства* в свою пользу и *опровергать* доказательства процессуального оппонента; правом на *движение дела* (осуществление правосудия в разумные сроки, недопустимость произвольного затягивания процесса, волокиты); правом на *обжалование* в апелляцион-

ном и кассационном порядке¹ и др.² При такой постановке проблемы может сложиться впечатление, что право на доступ к правосудию и право на судебную защиту конституционных прав и свобод являются если не тождественными, то весьма близкими по своему юридическому содержанию³.

Отчасти данную точку зрения поддерживает Конституционный Суд Российской Федерации (КС РФ), который сформулировал позицию о широком истолковании права на доступ к правосудию: оно включает не только «право на обращение в суд», но также «возможность получения реальной судебной защиты» (постановления № 9-П от 1998 г.⁴, № 3-П от 2016 г.⁵, № 30-П от 2017 г.⁶, № 24-П от 2019 г.⁷ и др.). При этом КС РФ указал на необходимость использования в правоприменительной практике такой концепции, как «право на универсальную судебную защиту» (постановления № 7-П от 1995 г.⁸, № 4-П от 1999 г.⁹ и др.). При данном подходе порождается неопределенность в вопросе о содержании конституционного права на судебную защиту

¹ Имеются основания полагать, что право на судопроизводство в течение разумного срока и право на обжалование и пересмотр судебных решений характеризуют не только доступность правосудия, но также эффективность восстановления в нарушенных или оспариваемых правах.

² См., например: *Савинова А. В.* Судебные расходы как препятствие к осуществлению принципа доступности правосудия // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук.* 2019. Т. 4, № 3. С. 153–156.

³ См.: *Габдатов У. И., Гараева А. Ф.* К вопросу о соотношении понятий «судебная защита» и «доступ к правосудию» в механизме защиты прав человека // *Актуальные вопросы права, экономики и управления: сб. ст. XVI Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 5 декабря 2018 г.): в 2 ч. Ч. 2 / отв. ред. Г. Ю. Гуляев.* Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. С. 106–109; *Мананников Д. И.* Право человека на судебную защиту и доступ к правосудию // *Права человека в современном мире: традиционные ценности и новые вызовы: сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию Декларации прав человека 10 декабря 1948 года (Тамбов, 13 декабря 2022 г.).* Тамбов: Изд-во Першина Р. В., 2023. С. 116–117.

⁴ По делу о проверке конституционности статьи 44 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и статьи 123 Гражданского процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан: постановление Конституционного Суда РФ от 16 марта 1998 г. № 9-П.

⁵ По делу о проверке конституционности положений части 9 статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Е. В. Потоцкого: постановление Конституционного Суда РФ от 15 февр. 2016 г. № 3-П.

⁶ По делу о проверке конституционности положений статей 38 и 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. В. Ченского: постановление Конституционного Суда РФ от 21 нояб. 2017 г. № 30-П.

⁷ По делу о проверке конституционности положений пункта 5 части 4 статьи 5 и пункта 6 части 3 статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с жалобой гражданина В. А. Тетерина: постановление Конституционного Суда РФ от 18 июня 2019 г. № 24-П.

⁸ По делу о проверке конституционности абзаца 2 части седьмой статьи 19 Закона РСФСР от 18 апреля 1991 года «О милиции» в связи с жалобой гражданина В. М. Минакова: постановление Конституционного Суда РФ от 6 июня 1995 г. № 7-П.

⁹ По делу о проверке конституционности положения части второй статьи 29 Федерального закона от 3 февраля 1996 года «О банках и банковской деятельности» в связи с жалобами граждан О. Ю. Веселяшкиной, А. Ю. Веселяшкина и Н. П. Лазаренко: постановление Конституционного Суда РФ от 23 февр. 1999 г. № 4-П.

и права на доступ к правосудию, возникают теоретико-методологические предпосылки к неоправданному смешению или отождествлению этих конституционно-правовых категорий.

Конституционный Суд РФ в мотивировочных частях своих конституционно-правоприменительных актов существенным образом варьирует терминологию, вследствие чего зачастую сложно выявить подлинную сущность системы его правовых позиций в данной сфере конституционной юриспруденции. В одних случаях речь идет о «доступе к правосудию», в других – о доступе к «механизмам» правосудия (постановление № 13-П от 2024 г.¹⁰). КС РФ утверждает необходимость «упрощать» доступ к правосудию, исключая «необоснованные и чрезмерные обременения» (постановление № 26-П от 2024 г.¹¹), с тем чтобы доступ к правосудию не был «затруднен» (постановление № 26-П от 2023 г.), и вместе с тем настаивает на важности «беспрепятственного» доступа к правосудию (постановление № 5-П от 2023 г.¹²).

Данная проблема известна юридической науке применительно к вопросам об ограничениях и нарушениях конституционных прав и свобод по смыслу части 3 статьи 55 Конституции РФ¹³, о дифференциации абсолютных и относительных конституционных прав (первые, в отличие от вторых, не подлежат ограничениям)¹⁴. Если право на судебную защиту позиционируется как «универсальное», а доступ к правосудию – как «беспрепятственный», становится весьма непросто обосновать допустимость такого законодательного регулирования доступа к правосудию, которое устанавливало бы «условия и порядок реализации права на судебное обжалование» (постановление № 5-П от 2023 г.). В случае с беспрепятственностью всякие «затруднения» и «обременения» должны были бы исключаться как противоправные¹⁵.

Полагаем, что тезис Конституционного Суда РФ о необходимости упрощения доступа к правосудию находится в некотором противоречии с концепцией его беспрепятственности: если доступ беспрепятственен, его невозможно упростить; если имеются

¹⁰ По делу о проверке конституционности частей второй и четвертой статьи 20, частей первой и второй статьи 31, части четвертой статьи 147, частей первой и третьей статьи 318 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г. И. Баскаковой: постановление Конституционного Суда РФ от 28 марта 2024 г. № 13-П.

¹¹ По делу о проверке конституционности части 1 статьи 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е. М. Туманиной: постановление Конституционного Суда РФ от 28 мая 2024 г. № 26-П.

¹² По делу о проверке конституционности статьи 1, пункта 1 статьи 2 и пункта 2 статьи 138 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н. Н. Налевой: постановление Конституционного Суда РФ от 31 янв. 2023 г. № 5-П.

¹³ Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.).

¹⁴ См.: *Астафичев П. А.* Гуманистический и демократический потенциал Конституции Российской Федерации 1993 года: от основания к историко-правовому осмыслению в связи с ее 30-летием // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 6. С. 70–79.

¹⁵ См.: *Зарубина М. Н.* О законодательных уловках ограничения права на обращение в суд с исками о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство или исполнение судебного акта в разумный срок // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2014. Т. 14, вып. 2, ч. 1. С. 349–356.

обстоятельства, которые следует упрощать, такой доступ не может считаться беспрепятственным. Фактически КС РФ поддерживает ограничительное истолкование доступности правосудия, подчеркивая «требование разумной соразмерности между используемыми средствами и поставленной целью» при законодательном регулировании данного конституционного права (постановление № 43-П от 2018 г.¹⁶). В связи с этим принцип беспрепятственности доступа к правосудию представляется *юридически неточным*, отчасти вводящим в заблуждение судебную систему и правообладателей.

О верности этого предположения свидетельствует практика КС РФ, особенно если анализировать ее с заявленных (не обязательно поддержанных Судом) позиций спорящих сторон. Из описательных частей конституционно-правоприменительных актов следует, например, что заявители понимали право на доступ к правосудию настолько широко, что ставили под конституционное подозрение институт давности уголовного преследования (постановление № 4-П от 2017 г.¹⁷), дискрецию правоприменительных органов в вопросе о признании лица потерпевшим по уголовному делу (постановление № 18-П от 2022 г.¹⁸) и др. Полагаем, что доступ к правосудию не должен интерпретироваться столь упрощенно, чтобы приводить к опровержению традиционных правовых институтов подведомственности, подсудности, давности, процессуальных требований к обращению и т.п. (безусловно, КС РФ такое не подразумевает, но в жизнедеятельности юридического сообщества и граждан-правообладателей подобное предубеждение может сложиться). Доступ к правосудию, если его анализировать комплексно и на серьезной теоретико-методологической основе, не может позиционироваться в качестве беспрепятственного (в отличие, например, от достоинства личности, которое абсолютно в том смысле, что законодатель не вправе легализовать унижение, оскорбление, клевету, жестокое обращение, истязание, пытки в силу требований статьи 21 Конституции РФ)¹⁹.

Конституционный Суд РФ в правоприменительной практике по делам, связанным с обеспечением доступа к правосудию, конкретизировал ряд важных аспектов в содержании данной конституционно-правовой категории. Во всяком случае, с правом на доступ к правосудию, по мнению КС РФ, связаны препятствия для дальнейшего движения дела (постановление № 16-П от 2022 г.²⁰), правовая неопределенность

¹⁶ По делу о проверке конституционности части первой статьи 44 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. Б. Болчинского и Б. А. Болчинского: постановление Конституционного Суда РФ от 16 нояб. 2018 г. № 43-П.

¹⁷ По делу о проверке конституционности положений пункта 3 части первой статьи 24, пункта 1 статьи 254 и части восьмой статьи 302 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В. Ю. Глазкова и В. Н. Степанова: постановление Конституционного Суда РФ от 2 марта 2017 г. № 4-П.

¹⁸ По делу о проверке конституционности части первой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. О. Никитина: постановление Конституционного Суда РФ от 12 мая 2022 г. № 18-П.

¹⁹ См.: Кузнецов А. А., Илджев В. Д. Проблемы реализации и защита конституционного права на достоинство личности // Юридическая гносеология. 2023. № 4. С. 57–62.

²⁰ По делу о проверке конституционности части первой статьи 110 и статьи 389.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также Постановления Правительства Российской Федерации «О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых

в вопросе о подсудности (постановление № 6-П от 2022 г.²¹). Обеспечение доступа к правосудию «должно сочетаться» с другими конституционными гарантиями, не поглощая их в юридическом содержании, – в частности, если речь идет о «справедливом обращении и признании достоинства» (постановление № 45-П от 2021 г.²²), о дополнительных гарантиях доступности правосудия через адвоката или другого судебного представителя при отсутствии возможности личного участия правообладателя в судебном процессе (постановление № 18-П от 2021 г.²³). Важно, чтобы при этом не обесценивалась сама возможность доступа к правосудию – в частности, тяжесть обременений не должна «обесмыслить достигнутые процессуальные результаты» (постановление № 20-П от 2017 г.²⁴).

Приведенная практика свидетельствует о довольно широкой интерпретации Конституционным Судом РФ доступа к правосудию, что в целом имеет под собой, на наш взгляд, достаточные теоретико-методологические основания. Вместе с тем доступ к правосудию не следует отождествлять с конституционным институтом судебной защиты прав и свобод человека и гражданина. В предлагаемой нами концепции самостоятельными и обособленными конституционно-правовыми институтами являются: во-первых, конституционные средства обеспечения справедливого, независимого и беспристрастного правосудия; во-вторых, гласность судебного разбирательства как гарантия полноты и эффективности судебной защиты прав человека; в-третьих, конституционно-правовые средства эффективного восстановления в правах компетентным судом. Несмотря на определенную корреляцию с конституционным институтом доступа к правосудию, вышеуказанные подсистемы конституционно-правовых норм нуждаются в институциональной обособленности.

Так, конституционные средства обеспечения справедливого, беспристрастного и независимого правосудия связаны с доступом к правосудию, но не тождественны

в совершении преступлений» в связи с жалобой гражданки Н. И. Мургиной: постановление Конституционного Суда РФ от 19 апр. 2022 г. № 16-П.

²¹ По делу о проверке конституционности статьи 242 и частей первой и третьей статьи 255 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. С. Мамонтова: постановление Конституционного Суда РФ от 15 февр. 2022 г. № 6-П.

²² По делу о проверке конституционности статьи 151 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. Ф. Шиловского: постановление Конституционного Суда РФ от 26 окт. 2021 г. № 45-П.

²³ По делу о проверке конституционности части третьей статьи 131 и статьи 132 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также пункта 30 Положения о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Э. Р. Юровских: постановление Конституционного Суда РФ от 13 мая 2021 г. № 18-П.

²⁴ По делу о проверке конституционности положений статьи 111, части 5 статьи 247 и пункта 2 части 1 статьи 248 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, частей 1 и 2 статьи 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданки Н. Б. Слободяник и федерального государственного бюджетного учреждения «Российский сельскохозяйственный центр»: постановление Конституционного Суда РФ от 11 июля 2017 г. № 20-П.

ему. В государственно-правовой системе могут быть созданы комплексные гарантии справедливого, независимого и беспристрастного суда, однако в отсутствие доступности правосудия они обречены на бездействие, не говоря уже о ненадлежащей эффективности, продуктивности и результативности. Аналогичные рассуждения можно применить к анализу институционального значения гласности правосудия и эффективного восстановления в нарушенных правах. Их общая черта в том, что они раскрывают содержание конституционного института *судебной защиты* прав и свобод человека и гражданина, но не *доступа к правосудию*. Последнее – важное и существенное *условие* судебной защиты, которое не является единственным.

Доступ к правосудию обеспечивается прежде всего адекватной историко-правовым традициям и актуальным потребностям современной жизни *системой судов*, их «развернутостью», «разветвленностью» с учетом имеющегося административно-территориального деления и других конституционно значимых обстоятельств²⁵. Количество судей и судов, сеть судебных органов – важная государственно-правовая проблема, которая подлежит разрешению с учетом не только текущих предпочтений депутатского корпуса как законодателей и финансовых возможностей публичного бюджета, но и достижений юридической науки, поскольку нуждается в доктринальном обосновании²⁶. При недостаточно развернутой сети судебных органов доступ к правосудию нельзя считать закрытым, он лишь ограничен. Однако реальность получения судебной защиты в подобных обстоятельствах ставится под существенное конституционное сомнение²⁷.

Чтобы раскрыть гражданам доступ к правосудию, законодатель конституционно обязан гарантировать возможность *эффективного практического пользования судебной системой в правозащитных целях*. Судебное устройство и структура судебной системы в нашей стране претерпели ряд стадий эволюции и реформирования, зачастую на основе методологии полного отрицания предыдущей модели – например, в первые годы советской власти наблюдалась тенденция к слому имперского государственного аппарата. Нормативные правовые акты, имевшие судебно-структурный характер, менялись и в постсоветской России. Особенно это связано с такими обстоятельствами, как учреждение Комитета конституционного надзора СССР, его последующая трансформация в Конституционный Суд РФ²⁸, преобразование советского арбитража в систему арбитражных судов с самостоятельным высшим органом –

²⁵ См.: *Гейдаров Ф. Ф.* Конституционные принципы судебного устройства и судопроизводства: проблемы и пути совершенствования судебной власти // Актуальные проблемы современной юридической науки и практики: сб. ст. по итогам XIX Междунар. науч.-практ. студ. конф. / под ред. Е. Е. Черных, М. В. Барановой, К. В. Каргина. Ч. 3. М.: РУСАЙНС, 2023. С. 163–166.

²⁶ См.: *Ершов В. В.* Конституционные проблемы судебного устройства и судопроизводства // Государство и право. 1994. № 12. С. 46–53.

²⁷ См.: *Дзьоник В. Р.* Роль конституционной поправки в сфере урегулирования вопроса судебного устройства в Российской Федерации // Ученые записки юридического факультета. 2021. № 1. С. 11–13.

²⁸ См.: *Астафичев П. А.* Комитет конституционного надзора СССР в государственно-правовой истории России: опыт правового регулирования организации и деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 4. С. 10–16.

Высшим Арбитражным Судом РФ, затем его упразднение путем конституционных поправок и передача его полномочий Верховному Суду РФ²⁹. Важную роль сыграло учреждение мировой юстиции (мировые судьи функционировали в дореволюционной России, однако в СССР были упразднены)³⁰, появление апелляционных и кассационных судов в структуре судов общей юрисдикции и арбитражного правосудия. Конституционные (уставные) суды субъектов Федерации длительное время пребывали в состоянии незавершенного государственно-правового строительства (в республиках они учреждались, в других субъектах РФ организовывались крайне редко, вплоть до трех субъектов Федерации – Санкт-Петербурга, Свердловской и Калининградской областей) и в конечном итоге были ликвидированы вследствие конституционных поправок 2020 года³¹.

Следует учитывать, что для России в большей степени характерны романо-германские, чем англо-саксонские правовые традиции. Европейское континентальное судоустройство имеет устойчивую тенденцию к разветвленности правосудия (например, общегражданская, административная, трудовая, социальная, финансовая юстиция в Германии; специализированные суды для несовершеннолетних, трудовых споров, сельского хозяйства, социального страхования и торговли во Франции). При этом институционально конкурируют две противоположные друг другу тенденции: с одной стороны, доминирование федеральных судов в судоустройстве и централизация судебной системы, расширение сети апелляционных и кассационных инстанций³², с другой – приближение судов к населению (в России это районные и городские суды, а также мировая юстиция)³³.

Замкнутая на центр судебная система имеет ряд существенных преимуществ. Для современной России во многом характерны признаки централизации, этатизма и концентрации публичной власти, что соответствует ряду устойчивых государственных традиций³⁴. Централизованное судоустройство позволяет эффективно разрешать проблему устранения противоречий в толковании нормативных правовых актов посредством судебной интерпретации, применения аналогии закона и права. Единство судебной практики в значительной степени способствует повышению доверия граждан к суду и действиям государства, устраняя «местничество» в правосудии, негативные

²⁹ См.: *Заикин С. С.* Высший Арбитражный Суд: данные удалены // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 5. С. 109–129.

³⁰ См.: *Крупенко М. Р.* Институт мировых судей Российской Федерации как преемник мирового суда по реформе 1864 года // Общество в эпоху перемен: современные тенденции развития: материалы Междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых (Новосибирск, 24–26 ноября 2014 г.). Ч. II. Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2014. С. 248–249.

³¹ См.: *Клеандров М. И.* Конституционные (уставные) суды субъектов РФ или конституционные (уставные) советы: следовало ли упразднить эти суды? // Российский судья. 2023. № 10. С. 41.

³² См.: *Алиев Т. Т., Яценко А. О., Золотухин А. Д.* Реформа гражданского процесса: апелляционные и кассационные суды общей юрисдикции // Актуальные проблемы государства и права. 2019. Т. 3, № 12. С. 573–580.

³³ См.: *Борисова В. Ф.* Судоустройственные гарантии доступности правосудия при обращении в суд общей юрисдикции // Право. Законодательство. Личность. 2013. № 1. С. 13–19.

³⁴ См.: *Бабушкин Р. В.* Этатизм как функциональная парадигма деятельности государственных органов современной России // Право и политика. 2012. № 12. С. 1965–1971.

явления коррупции и иных злоупотреблений «на местах». С другой стороны, судебная система не может быть полностью централизованной, особенно если учитывать данный комплекс явлений с точки зрения конституционного требования доступности правосудия. В некоторой степени аналогично конституционному институту местного самоуправления судоустройство нуждается в «приближенности к населению» на основе общеправового принципа *субсидиарности* (полномочия должны быть переданы тому органу или на тот уровень публичной власти, которые способны реализовать их наиболее эффективным образом)³⁵.

Доступность правосудия органически связана с проблемой перегруженности судов³⁶, что подлежит эффективному мониторингу на основе методики количества дел, рассматриваемых в среднем одним судьей за определенный промежуток времени (единолично, в составе коллегии или в качестве председательствующего при отправлении правосудия с участием присяжных заседателей). В случае перегруженности судебной системы находящимися в производстве судебными делами оказываются под угрозой существенные конституционные признаки и показатели эффективности судебной защиты прав и свобод граждан (такое правосудие не может считаться не только доступным, но также справедливым, беспристрастным, эффективно восстанавливающим в правах).

Для защиты юстиции от перегруженного состояния в государственно-правовой деятельности и юридической науке предлагаются различные пути и решения. Одно из таких решений – дальнейшее наращивание судейского корпуса и углубление специализации судов³⁷. При несомненной привлекательности для цели обеспечения выработанного Конституционным Судом РФ принципа универсальности судебной защиты это чревато дополнительными расходами средств главным образом федерального бюджета. Альтернативный путь – снижение законодательных требований кворума для состава, присутствия и принятия решений судьями, сокращение числа промежуточных судебных инстанций, экспансия досудебных способов разрешения правовых споров, активизация процедур медиации³⁸. Последние два направления, полагаем, возможны исключительно на добровольной основе, вследствие свободной воли тяжущихся сторон, исходящих из оценки рисков последующего судебного разбирательства, при активной роли адвокатов, прокуроров и иных профессиональных

³⁵ См.: Синцов Г. В. Принцип субсидиарности как основополагающий принцип сотрудничества внутри федеративного государства (на примере Федеративной Республики Германия) // Современная научная мысль. 2017. № 3. С. 211–215.

³⁶ См.: Уильямс С. Проблема перегруженности суда не имеет простого решения // Закон. 2010. № 5. С. 7–12.

³⁷ См.: Фокеев С. С. Суд по интеллектуальным правам – первый специализированный арбитражный суд в России: история и факторы создания, международный опыт // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. Т. 6, № 6. С. 126–130; Овечкин М. А. Специализированные суды в системе судов общей юрисдикции в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 8.

³⁸ Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федер. закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ: принят Гос. Думой 7 июля 2010 г.: одобрен Советом Федерации 14 июля 2010 г. (ред. от 26.07.2019).

участников в механизме разрешения правовых споров и разногласий³⁹. В противном случае окажется нарушенным фундаментальный конституционный принцип доступа к правосудию, который последовательно отстаивается и защищается Конституционным Судом РФ в его современной интерпретации⁴⁰.

При определении судебной юрисдикции, в силу ряда объективных причин, находятся в конкурирующем состоянии принципы *дифференциации* и *интеграции*. На этот процесс влияют многие факторы, включая правовую культуру, исторические тенденции и традиции, актуальные потребности современной государственно-правовой жизни, финансовые возможности бюджета, уровень социально-экономического развития страны, а также степень распространенности соответствующих категорий дел в судебной практике⁴¹. Так, возрождение мировой юстиции в постсоветской России было во многом обусловлено перегруженностью районных и городских судов общей юрисдикции и необходимостью приближения судей к населению в границах судебных участков. В свою очередь, ликвидация конституционной (уставной) юстиции в субъектах Федерации была вызвана недостаточной распространенностью соответствующих дел в судебной практике, неадекватной нагрузкой судей республиканских конституционных и уставных судов.

Специализация в судебной системе может достигаться не только за счет дифференциации судебных органов. Возможен и противоположный метод, связанный со специализацией судей в составе единого судебного органа власти⁴². Несмотря на «англо-саксонскую» юридическую природу (а именно так в основном организуется юстиция в Соединенном Королевстве, США и ряде других стран англо-саксонского права), современная Россия не исключает подобную методологию полностью. Об этом свидетельствует и упразднение Высшего Арбитражного Суда РФ с передачей его полномочий Верховному Суду РФ, и институционализация судебного административного процесса⁴³ без сопровождающих организационно-структурных преобразований в судоустройстве (административные дела подведомственны главным образом судам общей юрисдикции, основная функция которых разрешение уголовных и гражданских дел), и недостаточно активное учреждение структурных единиц специализиро-

³⁹ См.: Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации: Федер. закон от 29 дек. 2015 г. № 382-ФЗ: принят Гос. Думой 15 дек. 2015 г.: одобрен Советом Федерации 25 дек. 2015 г. (ред. от 08.08.2024).

⁴⁰ См.: Самович Ю. В., Шарифуллин Р. А. Ограничение права на доступ к правосудию в практике европейских судебных органов и Конституционного Суда РФ // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства. 2020. № 15. С. 156–163.

⁴¹ См.: Абанина Е. Н., Петров Д. Е. Проявление дифференциации и интеграции в системе права в условиях реализации в Российской Федерации концепции устойчивого развития // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 5. С. 158–162.

⁴² См.: Михайлова А. А. Влияние специализации судей на эффективность распределения гражданских дел в судах // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 8. С. 19–23; Грибов Н. Д. Аргументы за специализацию деятельности судей при осуществлении правосудия (на примере корпоративных споров) // Российская юстиция. 2021. № 6. С. 14–18.

⁴³ См.: Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: Федер. закон от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ: принят Гос. Думой 20 февр. 2015 г.: одобрен Советом Федерации 25 февр. 2015 г. (ред. от 07.07.2025).

ванной юстиции (за исключением военных судов⁴⁴, традиционно организованных в современной России вследствие историко-правового опыта СССР).

Своего рода исключение представляет собой институт Суда по интеллектуальным спорам в системе арбитражных судов. Данный инструмент судебной защиты предусмотрен статьей 26.1 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации»⁴⁵ для реализации интеллектуальных прав в качестве первой и кассационной инстанций. Более подробное регулирование характерно для главы IV.1 Федерального конституционного закона «Об арбитражных судах в Российской Федерации»⁴⁶ и статьи 34 Арбитражного процессуального кодекса РФ⁴⁷ (где определяется подсудность дел). Похожая концепция разрабатывалась еще в СССР в форме учреждения Патентного суда: были приняты отдельные союзные законы «Об изобретениях в СССР»⁴⁸, «О промышленных образцах»⁴⁹, «О товарных знаках и знаках обслуживания»⁵⁰, однако их не ввели в действие. Планировавшийся к изданию закон СССР «О Патентном суде СССР» так и не был принят. В качестве возможного институционального конкурента Суду по интеллектуальным спорам в постсоветской России обсуждался вопрос об учреждении Высшей патентной палаты РФ – независимого административного органа с квазисудебными функциями, в котором могли бы обжаловаться решения Роспатента, осуществляться экспертиза заявок и оспариваться охранные документы. В конечном итоге возобладала романо-германская тенденция к институционализации специализированных судов, что среди прочего способствовало *расширению конституционно-правовых гарантий доступа правообладателей интеллектуальной собственности к правосудию*.

Конституционное право на доступ к правосудию связано с проблемой *сроков давности*. В наиболее яркой форме это проявляется в гражданском и трудовом праве, в меньшей степени – в уголовном праве и в законодательстве об административных правонарушениях. Так, гражданско-правовой институт исковой давности (ст. 196 ГК РФ⁵¹), будучи инструментом материального (не гражданско-процессуального) права, в то же время по своей природе ограничивает конституционное право на доступ

⁴⁴ См.: О военных судах Российской Федерации: Федер. конституционный закон от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ: принят Гос. Думой 20 мая 1999 г.: одобрен Советом Федерации 9 июня 1999 г. (ред. от 28.12.2024).

⁴⁵ О судебной системе Российской Федерации: Федер. конституционный закон от 31 дек. 1996 г. № 1-ФКЗ: принят Гос. Думой 23 окт. 1996 г.: одобрен Советом Федерации 26 дек. 1996 г. (ред. от 23.07.2025).

⁴⁶ Об арбитражных судах в Российской Федерации: Федер. конституционный закон от 28 апр. 1995 г. № 1-ФКЗ: принят Гос. Думой 5 апреля 1995 года: одобрен Советом Федерации 12 апр. 1995 г. (ред. от 31.07.2023).

⁴⁷ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ: принят Гос. Думой 14 июня 2002 г.: одобрен Советом Федерации 10 июля 2002 г. (ред. от 01.04.2025).

⁴⁸ Об изобретениях в СССР: Закон СССР от 31 мая 1991 г. № 2213-1.

⁴⁹ О промышленных образцах: Закон СССР от 10 июля 1991 г. № 2328-1.

⁵⁰ О товарных знаках и знаках обслуживания: Закон СССР от 3 июля 1991 г. № 2293-1.

⁵¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ: принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г. (ред. от 31.07.2025).

к правосудию по смыслу части 3 статьи 55 Конституции РФ⁵². Исковая давность в гражданском праве устанавливается императивно законом и не может пересматриваться соглашением сторон, однако судебное применение срока исковой давности обусловлено инициативой правообладателя, который должен для этого заявить соответствующее ходатайство. Очевидно, что его заявление ограничивает право процессуального оппонента на доступ к правосудию и тем самым на судебную защиту. Суд может восстановить срок давности, если посчитает причины его пропуска уважительными, в остальных случаях заявленное ходатайство подлежит удовлетворению.

С конституционно-правовой точки зрения здесь нет нарушения права на доступ к правосудию, наблюдается лишь его допустимое ограничение. Однако конституционный контроль законодательства об исковой давности не исчерпывается проверкой и оценкой данного института самого по себе. Конституционное значение имеют, во-первых, цели данного института (соответствуют ли они основам конституционного строя государства); во-вторых, продолжительность сроков (не являются ли они излишне сокращенными либо, напротив, чрезмерно расширенными); в-третьих, дискреция законодателя в вопросе о дифференциации срока исковой давности в зависимости от юридически значимых обстоятельств (в одних случаях законодатель их сокращает, в других – увеличивает, что не должно быть произвольным и, напротив, мотивироваться разумными и объективными основаниями).

В сущности, данная проблема с конституционно-правовой точки зрения характерна и для конституционно-судебной оценки давности привлечения к ответственности за административные правонарушения – статья 4.5 Кодекса РФ об административных правонарушениях⁵³ (срок давности варьируется от 60 дней до шести лет), освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности – статья 78 Уголовного кодекса РФ⁵⁴ (в зависимости от тяжести преступления имеется дифференциация сроков от двух до 15 лет), срока давности привлечения к ответственности за совершение налогового правонарушения – статья 113 Налогового кодекса РФ⁵⁵ (по общему правилу он составляет три года). Здесь, конечно, не так явно ограничивается доступ правообладателей к правосудию, поскольку инициатива при-

⁵² См.: *Дураев Т. А., Исмаилова Д. А.* Правовые позиции Конституционного Суда РФ по вопросам применения сроков исковой давности: гражданско-правовой аспект // Право и правоохранительная деятельность: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, практических сотрудников, студентов, аспирантов (Саратов, 28 апреля 2017 г.). Саратов: Саратовский источник, 2017. С. 61–63.

⁵³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ: принят Гос. Думой 20 дек. 2001 г.: одобрен Советом Федерации 26 дек. 2001 г. (ред. от 31.07.2025).

⁵⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой 24 мая 1996 г.: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. (ред. от 31.07.2025).

⁵⁵ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ: принят Гос. Думой 16 июля 1998 г.: одобрен Советом Федерации 17 июля 1998 г. (ред. от 29.11.2024); Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федер. закон от 5 авг. 2000 г. № 117-ФЗ: принят Гос. Думой 19 июля 2000 г.: одобрен Советом Федерации 26 июля 2000 г. (ред. от 31.07.2025).

влечения виновных лиц к административной, уголовной или налоговой ответственности принадлежит государству в лице его уполномоченных органов. Но если посмотреть на ту же проблему с точки зрения конституционных прав потерпевших от правонарушений, наблюдается ограничение их права на доступ к правосудию⁵⁶.

В трудовом и служебном праве также наблюдается конституционно допустимое ограничение права на доступ к правосудию, обусловленное течением соответствующих сроков. При этом законодательная формулировка более явно свидетельствует, что речь идет именно об исключении возможности судебной защиты, ограниченной пресечением доступа к правосудию. Так, статья 392 Трудового кодекса РФ⁵⁷ говорит о наличии не «срока исковой давности» (как это сформулировано в гражданском законодательстве), но «срока обращения в суд по трудовым делам» (по общему правилу – три месяца со дня, когда работник узнал или должен был узнать о нарушении своего права; один месяц – со дня увольнения; в течение одного года – по спорам о заработной плате). Как установил Конституционный Суд РФ в постановлении № 35-П от 2020 г.⁵⁸, положения статьи 392 Трудового кодекса РФ «послужили образцом (моделью) для правового регулирования разрешения служебных споров». Во всяком случае, законодательство о службе в органах внутренних дел⁵⁹, о службе в уголовно-исполнительной системе⁶⁰ и т.д. установило тождественные сроки (три месяца для индивидуальных споров и один месяц в случае увольнения со службы). Каковы же конституционные цели темпоральных ограничений⁶¹ доступа правообладателей к правосудию? По каким именно причинам это столь устойчиво складывается в законодательной и правоприменительной практике?

Анализ специальной юридической литературы по данной проблеме показывает, что чаще всего авторы склоняются к аргументации на основе *широты дискреции законодателя и устойчивости правовой традиции*, что дает ей своего рода «приобретательную давность»⁶². Та же тенденция характерна и для мотивировочных

⁵⁶ См.: Варпаховская Е. М. Конституционные основы защиты прав потерпевших в уголовном судопроизводстве // 20 лет Конституции РФ: сб. ст. М.: [Б.и.], 2013. С. 192–195.

⁵⁷ Трудовой кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ: принят Гос. Думой 21 дек. 2001 г.: одобрен Советом Федерации 26 дек. 2001 г. (ред. от 31.07.2025).

⁵⁸ По делу о проверке конституционности части первой статьи 392 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р. М. Четыза: постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2020 г. № 35-П.

⁵⁹ О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 30 нояб. 2011 г. № 342-ФЗ: принят Гос. Думой 17 нояб. 2011 г.: одобрен Советом Федерации 25 нояб. 2011 г. (ред. от 28.12. 2024).

⁶⁰ О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 1 окт. 2019 г. № 328-ФЗ: принят Гос. Думой 19 сент. 2019 г.: одобрен Советом Федерации 25 сент. 2019 г. (ред. от 07.07.2025).

⁶¹ См.: Бородинова Т. Г. Право граждан на свободный доступ к правосудию: понятие, содержание, субъекты // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 11. С. 89.

⁶² См., например: Давыдов К. В. Дискреция и ошибки законодателя // Журнал административного судопроизводства. 2017. № 2. С. 57–65; Шишкина О. Е. Пределы конституционного кон-

частей ряда постановлений Конституционного Суда РФ. В частности, в постановлении № 35-П от 2020 г. КС РФ установил, что, несмотря на явную непродолжительность сроков статьи 392 Трудового кодекса РФ по сравнению со сроками исковой давности в гражданском праве, они «не могут быть признаны неразумными и несоразмерными», поскольку позволяют оптимально согласовать интересы сторон в трудовых отношениях. По своей продолжительности, считает Конституционный Суд РФ, эти сроки достаточны, так как они способствуют «быстрому и эффективному восстановлению нарушенных прав работника», тем более при условии, что при наличии уважительных причин пропущенный срок может быть восстановлен судом.

Подлинные мотивы законодателя при ограничении доступа к правосудию по темпоральным основаниям, однако, являются более широкими, чем это обусловлено волей парламентариев и правовой традицией. Важное значение, на наш взгляд, здесь имеют, во-первых, факторы усложняющегося со временем сбора доказательств и установления фактических обстоятельств судебных дел; во-вторых, стремление законодателя к повышению дисциплины участников правоотношений и стимулированию максимально оперативного обращения правообладателей за помощью к правосудию; в-третьих, утрата с течением времени актуальности обстоятельств юридического дела. Последний фактор, несмотря на свою спорность и преобладающее критическое отношение в научной литературе, все же имеет место, хотя и не является определяющим в законодательной конструкции сроков давности.

Библиографический список

Абанина Е. Н., Петров Д. Е. Проявление дифференциации и интеграции в системе права в условиях реализации в Российской Федерации концепции устойчивого развития // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 5. С. 158–162. DOI: 10.24412/2227-7315-2023-5-158-162.

Алиев Т. Т., Яценко А. О., Золотухин А. Д. Реформа гражданского процесса: апелляционные и кассационные суды общей юрисдикции // Актуальные проблемы государства и права. 2019. Т. 3, № 12. С. 573–580. DOI: 10.20310/2587-9340-2019-3-12-573-580.

Астафичев П. А. Гуманистический и демократический потенциал Конституции Российской Федерации 1993 года: от основания к историко-правовому осмыслению в связи с ее 30-летием // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 6. С. 70–79. DOI: 10.24412/2227-7315-2023-6-70-79.

Астафичев П. А. Комитет конституционного надзора СССР в государственно-правовой истории России: опыт правового регулирования организации и деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 4. С. 10–16. DOI: 10.35750/2071-8284-2022-4-10-16.

Бабушкин Р. В. Этатизм как функциональная парадигма деятельности государственных органов современной России // Право и политика. 2012. № 12. С. 1965–1971.

троля в соотношении с дискрецией законодателя (на основе практики Конституционного Суда Российской Федерации) // Журнал конституционного правосудия. 2019. № 4. С. 9–19.

Борисова В. Ф. Судоустройственные гарантии доступности правосудия при обращении в суд общей юрисдикции // Право. Законодательство. Личность. 2013. № 1. С. 13–19.

Бородинова Т. Г. Право граждан на свободный доступ к правосудию: понятие, содержание, субъекты // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 11. С. 89–92. DOI: 10.24158/per.2017.11.19.

Варпаховская Е. М. Конституционные основы защиты прав потерпевших в уголовном судопроизводстве // 20 лет Конституции РФ: сб. ст. / авт. кол. под рук. Т. Л. Козлова; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М.: [Б.и.], 2013.

Гейдаров Ф. Ф. Конституционные принципы судоустройства и судопроизводства: проблемы и пути совершенствования судебной власти // Актуальные проблемы современной юридической науки и практики: сб. ст. по итогам XIX Междунар. науч.-практ. студ. конф. / под ред. Е. Е. Черных, М. В. Барановой, К. В. Каргина. Ч. 3. М.: РУСАЙНС, 2023. С. 163–166.

Габдатов У. И., Гараева А. Ф. К вопросу о соотношении понятий «судебная защита» и «доступ к правосудию» в механизме защиты прав человека // Актуальные вопросы права, экономики и управления: сб. ст. XVI Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 5 декабря 2018 г.): в 2 ч. Ч. 2 / отв. ред. Г. Ю. Гуляев. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. С. 106–109.

Грибов Н. Д. Аргументы за специализацию деятельности судей при осуществлении правосудия (на примере корпоративных споров) // Российская юстиция. 2021. № 6. С. 14–18.

Давыдов К. В. Дискреция и ошибки законодателя // Журнал административного судопроизводства. 2017. № 2. С. 57–65.

Дзьоник В. Р. Роль конституционной поправки в сфере урегулирования вопроса судоустройства в Российской Федерации // Ученые записки юридического факультета. 2021. № 1. С. 11–13.

Дураев Т. А., Исмаилова Д. А. Правовые позиции Конституционного Суда РФ по вопросам применения сроков исковой давности: гражданско-правовой аспект // Право и правоохранительная деятельность: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, практических сотрудников, студентов, аспирантов (Саратов, 28 апреля 2017 г.). Саратов: Саратовский источник, 2017. С. 61–63.

Ершов В. В. Конституционные проблемы судоустройства и судопроизводства // Государство и право. 1994. № 12. С. 46–53.

Заикин С. С. Высший Арбитражный Суд: данные удалены // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 5. С. 109–129.

Зарубина М. Н. О законодательных уловках ограничения права на обращение в суд с исками о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство или исполнение судебного акта в разумный срок // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2014. Т. 14, вып. 2, ч. 1. С. 349–356.

Клеандров М. И. Конституционные (уставные) суды субъектов РФ или конституционные (уставные) советы: следовало ли упразднить эти суды? // Российский судья. 2023. № 10. С. 40–45. DOI: 10.18572/1812-3791-2023-10-40-45.

Крупенко М. Р. Институт мировых судей Российской Федерации как преемник мирового суда по реформе 1864 года // Общество в эпоху перемен: современные тенденции развития: материалы Междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и мо-

лодых ученых, проводимой в рамках II Междунар. форума студентов, аспирантов и молодых ученых «Управляем будущим!» (Новосибирск, 24–26 ноября 2014 г.). Ч. II. Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2014. С. 248–249.

Кузнецов А. А., Илджев В. Д. Проблемы реализации и защита конституционного права на достоинство личности // Юридическая гносеология. 2023. № 4. С. 57–62.

Мананников Д. И. Право человека на судебную защиту и доступ к правосудию // Права человека в современном мире: традиционные ценности и новые вызовы: сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию Декларации прав человека 10 декабря 1948 года (Тамбов, 13 декабря 2022 г.). Тамбов: Изд-во Першина Р. В., 2023. С. 116–117.

Михайлова А. А. Влияние специализации судей на эффективность распределения гражданских дел в судах // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 8. С. 19–23. DOI: 10.18572/1812-383X-2022-8-19-23.

Овечкин М. А. Специализированные суды в системе судов общей юрисдикции в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006.

Савинова А. В. Судебные расходы как препятствие к осуществлению принципа доступности правосудия // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. Т. 4, № 3. С. 153–156. DOI: 10.24411/2500-1000-2019-10825.

Самович Ю. В., Шарифуллин Р. А. Ограничение права на доступ к правосудию в практике европейских судебных органов и Конституционного Суда РФ // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства. 2020. № 15. С. 156–163.

Синцов Г. В. Принцип субсидиарности как основополагающий принцип сотрудничества внутри федеративного государства (на примере Федеративной Республики Германия) // Современная научная мысль. 2017. № 3. С. 211–215.

Ульямс С. Проблема перегруженности суда не имеет простого решения // Закон. 2010. № 5. С. 7–12.

Фокеев С. С. Суд по интеллектуальным правам – первый специализированный арбитражный суд в России: история и факторы создания, международный опыт // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. Т. 6, № 6. С. 126–130.

Шишкина О. Е. Пределы конституционного контроля в соотношении с дискрецией законодателя (на основе практики Конституционного Суда Российской Федерации) // Журнал конституционного правосудия. 2019. № 4. С. 9–19.

Информация для цитирования

Ex jure

Волченко О. Ю. Правомочие доступа к правосудию в конструкции субъективного конституционного права на судебную защиту // Ex jure. 2025. № 4. С. 87–102. DOI: 10.17072/2619-0648-2025-4-87-102

Volchenko O. Yu. Power of Access to Justice in Design Subjective Constitutional Right to Judicial Protection. *Ex jure*. 2025. № 4. Pp. 87–102. DOI: 10.17072/2619-0648-2025-4-87-102

УДК 342.8

DOI: 10.17072/2619-0648-2025-4-103-113

Консенсус как цель выборов

Д. М. Худoley

Кандидат юридических наук, доцент кафедры
административного и конституционного права

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: dmitry-hudoley@yandex.ru

Аннотация: в работе анализируются различные электоральные формулы избирательных систем (относительное большинство, абсолютное большинство, правило Кондорсе). Установлено, что указанные формулы нацелены на поиск компромиссного кандидата, представляющего все общество в целом. Таким образом, в случае соблюдения демократических принципов всеобщего, равного и прямого избирательного права при свободном и тайном голосовании на выборах принимается консенсусное решение.

Ключевые слова: выборы; избирательная система; принципы избирательного права

Consensus as the Goal of Elections

D. M. Khudoley

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

E-mail: dmitry-hudoley@yandex.ru

© Худoley Д. М., 2025

Эта работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Abstract: *the paper analyzes various electoral formulas of electoral systems (relative majority, absolute majority, Condorcet rule). It is established that the specified formulas are aimed at finding a compromise candidate representing the whole of society. Thus, in the case of compliance with the democratic principles of universal, equal and direct suffrage with free and secret voting in elections, a consensus decision is made.*

Keywords: *elections; electoral system; principles of electoral law*

Результаты выборов должны оцениваться как легитимные, если граждане воспринимают их как справедливые и одобряют избранного кандидата. Именно этим рациональный тип легитимации власти отличается от харизматического или традиционного, существующего в авторитарных обществах.

Понятно, что рациональный тип легитимации основан на формах непосредственной демократии (выбор, референдум и пр.). Традиционный тип предполагает навязанные методы принятия решения (наследование, жребий), которые так или иначе отвергают народный суверенитет. Единственным носителем верховной власти в монархическом обществе выступает монарх, и этот вывод очевиден для абсолютных монархий. В Древней Греции жребий как способ принятия решения был связан с выявлением воли богов, но не самих жителей¹. Диктатуры основаны на харизматической легитимации власти и предполагают единоличное принятие решения (так называемый метод диктатора).

Многие годы демократию называют правлением большинства. Представляет-ся, что в таком понимании демократия не очень сильно отличается от диктатуры («тирания большинства»). Более того, поскольку депутаты или должностные лица (мэры, губернаторы, президенты) избираются большинством, а не всем избирательным корпусом, это автоматически лишает смысла утверждение, что они представляют весь народ².

Очевидно, что последнее утверждение справедливо лишь в случае использования правила консенсуса (когда решение принимается единогласно), а не большинства. Однако такой метод чрезвычайно нерезультативен: достаточно одному избирателю высказаться «против», и решение не принимается. Фактически данный способ принятия решения защищает интересы индивидуумов, а не всего коллектива. Судьба решения оказывается в руках каждого члена общества, который выступает пусть не в роли диктатора, но антидиктатора. В самом деле, один-единственный избиратель не сможет избрать кандидата, но он в состоянии заблокировать победу любого претендента на должность. Это показывает, что метод консенсуса неравнозначно оценивает голоса «за» и «против». Более того, правило консенсуса

¹ Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Часть общая: конституционное (государственное) право и его основные институты: учеб.: в 4 т. / отв. ред. Б. А. Страшун. Т. 1–2. 3-е изд., обновл. и дораб. М.: БЕК, 2000. С. 15.

² По делу о проверке конституционности ряда положений статей 48, 51, 52, 54, 58 и 59 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом Государственной Думы Астраханской области»: постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 2006 г. № 7-П.

при соблюдении статус-кво (например, в ситуации продления полномочий действующих лиц) явно несправедливо и нарушает равенство кандидатов. Неудивительно, что в настоящий момент правило консенсуса не применяется при проведении выборов, а используется лишь в определенных случаях: при принятии новых членов в состав Европейского союза или НАТО и т.д.

Весьма близкое представление о консенсусе содержится в иных работах, анализирующих математические принципы (электоральную формулу)³ избирательных систем. По сути, практически любую избирательную систему можно свести к поиску некоего идеала, к которому стремится этот алгоритм. Идеалы же таковы: единогласный победитель, победитель по правилу большинства, кондорсетовый победитель, единогласный рейтинг⁴. По нашему мнению, данные положения заслуживают внимания, однако названия отдельных критериев необходимо изменить, чтобы подчеркнуть их принадлежность к требованиям консенсуса и поиска компромиссного кандидата.

Например, метод относительного большинства направлен на поиск кандидата, который максимально приближен к единогласному победителю с точки зрения изменения наименьшего **числа избирателей** (только первых предпочтений). Метод Борда можно воспринимать как поиск кандидата, который максимально приближен к победителю по правилу единогласия с точки зрения изменения наименьших **пар предпочтений**. Практически все кардиналистские системы основаны на подобном правиле: они нацелены на отыскание кандидата, который максимально приближен к единогласному победителю, получившему 100%-ный максимум голосов (баллов, оценок). Разумеется, различные системы по-разному определяют указанный максимум голосов (баллов), однако общим является цель – установить кандидата, которого поддерживает **наибольшее** число избирателей (то есть имеет место принцип «первого, пришедшего к финишу»). Таким образом, данные системы основаны на правиле относительного большинства (псевдобольшинства или плюральности).

Ясно, что методы единогласного победителя способны сформировать итоговый псевдорейтинг кандидатов. Однако он всегда неполноценен и не основан на парном сравнении (за исключением редкого случая участия лишь двух кандидатов). Таким образом, в данную группу систем входят алгоритмы, которые являются позиционными или их кардиналистскими аналогами. Системы подобного рода иногда называют аддитивными, поскольку они основаны на простом суммировании голосов (очков, баллов) кандидатов.

Отметим, что практически все избирательные системы направлены на поиск кандидата, который максимально приближен к единогласному победителю. К примеру, гипотетическая система антибольшинства (используется при проведении игровых ТВ-шоу «Слабое звено» или «Остаться в живых») является позиционным алгоритмом, позволяющим избирателю голосовать «против». Соответственно, победи-

³ Любарев А. Е. Избирательные системы: российский и мировой опыт. М.: ООО «Либеральная миссия»; Нов. лит. обозрение, 2016. С. 17.

⁴ Slinko A., Elkind E., Faliszewski P. Rationalizations of Condorcet-Consistent Rules Via Distances of Hamming Type // Social Choice and Welfare. Vol. 39, № 4. Pp. 891–905.

тель должен иметь **минимальное** число неодобрительных голосов и **максимальное** число одобрительных. В таком представлении система антибольшинства тоже нацелена на определение кандидата, который **максимально** приближен к победителю, одобряемому всеми избирателями. Наоборот, метод меньшинства в его буквальном понимании не имеет цели определить консенсусного кандидата. Все недетерминистские методы также не соответствуют критерию поиска консенсуса. В частности, метод максимальной лотереи основан на проведении голосования и составлении таблицы парных сравнений. Затем на основе теоремы о равновесии Нэша (так называемая стратегия минимакса) определяются математические шансы каждого из кандидатов стать кондорсетовым победителем. Проводимая лотерея построена на этих математических шансах (они влияют на количество шаров в пользу того или иного кандидата в лототроне). Следовательно, кондорсетовый победитель выигрывает в такой лотерее со 100%-ной вероятностью. В данном случае имеет место недетерминистская цель определить победителя, максимально приближенного к кондорсетовому с точки зрения изменяемых предпочтений. Однако при наличии парадокса Кондорсе в нетранзитивных итогах голосования результат имеет лишь вероятностный характер. Это положение ни в коем случае не может свидетельствовать о цели поиска консенсусного кандидата.

Далее, мы предлагаем использовать критерий единогласного проигравшего кандидата. Системы, соответствующие данному критерию, нацелены на выявление нескольких потенциальных победителей, среди которых позднее будет определен единственный кандидат. В данном случае может использоваться максимальное приближение как по минимальному числу изменяемых **пар предпочтений** (Нансон, Болдуин), так и по **числу избирателей** (двух- и многотуровые системы и их аналоги). То есть налицо те же инструменты для отыскания максимального правдоподобия, что и в системах единогласного победителя. Указанные методы, как правило, основаны на **исключении**: они последовательно устраняют **заведомо проигравших кандидатов** из бюллетеней до тех пор, пока не будет определен только один (**единогласный**) победитель (на практике процесс обычно останавливается при получении абсолютного **большинства** голосов).

При этом определение заведомо проигравших кандидатов, как правило, не связано с проведением парных сравнений, а значит, формируемая последовательность кандидатов не является полноценной (то есть имеет место псевдорейтинг). Более того, такой неполноценный рейтинг формируется каждый раз при проведении тура голосования или его математического моделирования. По сути, лишь при проведении финального тура голосования образуется единогласный полноценный рейтинг из двух кандидатов. Следовательно, такие системы определяют не один рейтинг, а несколько псевдорейтингов. При сложении псевдорейтингов возможно установить итоговый псевдорейтинг (он тоже не основан на парном сравнении). Такие алгоритмы, как правило, не требуют обязательного составления матрицы пар сравнений, графы личных побед и т.д. Фактически группа систем, основанных на исключении, занимает промежуточное положение между системами единогласного победителя и единогласного рейтинга, который будет рассмотрен ниже.

Метод *ley de lemas*, будучи пропорциональным алгоритмом для проведения выборов в одномандатном округе, также относится к сложным системам с исключением, поскольку предполагает гипотетический второй тур при неполучении ни одним из кандидатов **абсолютного большинства** голосов (в нем принимают участие только кандидаты от партии, набравшей относительное большинство голосов). Заградительный барьер (юридический или фактический) позволяет отсеять те партийные списки, которые не получают мандатов. Таким образом, данные системы тоже основаны на исключении и, следовательно, на правиле абсолютного большинства. Более того, в Российской Федерации после известного решения Конституционного Суда установлено правило о допуске к распределению мандатов партий, набравших **большинство** голосов граждан⁵.

Методы наибольшей медианы и Баклина основаны на поиске кандидата, также поддерживаемого большинством граждан, однако при этом анализируются все предпочтения, а не только первые. Эти алгоритмы допускают ничейный результат сразу между несколькими кандидатами, который разрешается при помощи дополнительных правил (подобие второго тура). При наделении избирателей правом определять лишь две предпочтения эти методы будут аналогичны основанной на исключении системе дополнительного голоса, которая ранее применялась при избрании мэра Лондона.

Таким образом, все названные системы предполагают проведение второго тура (или он моделируется). Как правило, при этом имеет место исключение кандидатов. В редких случаях оно отсутствует, и тогда допускается иная возможность установления воли большинства, например методом медианы.

Рассматриваемые системы в законодательстве обычно называются методами абсолютного большинства, что не совсем верно с математической точки зрения: когда абсолютное большинство отсутствует, его искусственным образом создают посредством исключения или определения медианы. Допустимо называть это слабым большинством, так как подлинные системы большинства – кондорсетовые алгоритмы. Разумеется, каждая методика по-своему определяет абсолютное большинство (исходя из числа избирателей или числа предпочтений и т.д.). В редких случаях критерием победы становится не абсолютное большинство, а квалифицированное относительное (квота менее 50 % + 1 голос) или квалифицированное абсолютное (квота более 50 % + 1 голос) большинство, а также единогласие (правило консенсуса). Таким образом, данные системы основаны на заранее определенной квоте, которая устанавливается законодательно. Из этого следует, что во вторую группу входят только сложные (комплексные) избирательные системы, которые, как правило, основаны на исключении.

Наконец, метод Кемени – Янга стремится выявить единогласный одобряемый рейтинг кандидатов. Кандидат, занявший в нем первое место, провозглашается победителем. Определяемый по методу Кемени – Янга рейтинг **максимально приближен**

⁵ По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона от 21 июня 1995 года «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»: постановление Конституционного Суда РФ от 17 нояб. 1998 г. № 26-П.

к единоголосному рейтингу с точки зрения изменения наименьших существующих предпочтений (пар предпочтений). Данное требование является самым строгим критерием консенсуса. Оно соблюдается также небольшим кругом кондорсетовых систем и методом большинства с участием лишь двух кандидатов. Проще говоря, указанные системы основаны на электоральной формуле Кондорсе (с ее помощью определяют кандидата, который побеждает во **всех** парных сравнениях по правилу большинства). Все проигравшие кандидаты также **ранжируются** согласно **правилу парных сравнений**. В итоге избирательной формулой продуцируется рейтинг (последовательность, ранжир) кандидатов, который должен быть **максимально приближен** к некоему рейтингу, поддерживаемому **абсолютно каждым избирателем**. Разумеется, каждая избирательная система по-своему определяет то или иное минимальное расстояние до идеала – например, метод Шульце учитывает косвенные победы, а методы Коупленда и Слэйтора используют количество побед в парных сравнениях. Однако общим для таких алгоритмов является цель отыскания **компромиссного** рейтинга кандидатов. Подобные системы предполагают составление матрицы парных сравнений, графы личных побед и т.д.

Другую подгруппу систем образуют методики, которые **первоначально** устанавливают **только** кондорсетового победителя во главе **рейтинга** (то есть здесь имеет место **частичный** единоголосный рейтинг кандидатов). Например, такой методикой является алгоритм Доджсона, позволяющий установить кандидата, максимально приближенного к идеальному кондорсетовому победителю с точки зрения числа изменяемых предпочтений. П. Янгом была разработана модификация метода Доджсона, которая определяет кондорсетового победителя меньшим числом игнорированных **бюллетеней** (то есть числом **избирателей**). Это гораздо менее строгий критерий, чем поиск победителя посредством числа предпочтений (парных сравнений). Похожие правила сохраняются в алгоритме Симпсона, где победитель определяется наименьшим числом избирателей, которых не хватает кандидату, чтобы стать кондорсетовым победителем. Этот критерий тоже не является строгим, поэтому система Симпсона не соответствует некоторым критериям представительства граждан.

Таким образом, в последнюю группу избирательных систем входят методы парного сравнения, выявляющие единоличного победителя в личных встречах с другими кандидатами по правилу **большинства**. В современной науке теории выборов только эти системы называются методами большинства. С нашей точки зрения, более корректен термин «методы парного сравнения», поскольку кондорсетовый победитель (и, следовательно, победитель по правилу большинства) может определяться и методом исключений.

Очевидно, что группа систем единоголосного победителя – это наиболее простой и понятный для обывателей метод принятия решений. Использование сложных избирательных систем может привести к парадоксальным результатам, не соответствующим интуитивному представлению о справедливости. Примером является *ley de letas* – пропорциональная система с открытыми списками. Данная методика применяется и при избрании должностных лиц: президентов, губернаторов и пр.⁶ В этом

⁶ Таагпера Р., Шугарт М. С. Описание избирательных систем // ПОЛИС. 1997. № 3. С. 120.

случае возможна ситуация, когда победу одержит кандидат, которому не удалось набрать наибольшее число голосов. К примеру, на президентских выборах в Гондурасе в 1986 году победителем был объявлен Х. А. дель Ойо, так как его партия получила наибольшее число голосов избирателей (51 %). При этом сам он уступил по числу голосов кандидату от оппозиционной партии Р. Ромеро (424 тыс. против 656 тыс.)⁷. При проведении двухтуровых выборов нередко складывается ситуация, когда кандидат, лидировавший в первом туре, проигрывает выборы в финальном раунде голосования. Приведенный ранее пример выборов по системе *ley de lemas* копирует данную ситуацию.

Кондорсетовые системы являются наиболее сложными, их результаты также могут быть восприняты как несправедливые со стороны лиц, несведущих в математике. В частности, подобного рода системы не исключают победы кандидата с нулем первых предпочтений.

Итак, мы установили три вида консенсуса, которые соответствуют трем принципам определения победителя: относительное большинство, абсолютное большинство и правило Кондорсе. Именно в таком виде они и закреплены в законодательстве или нормативных актах (в настоящее время метод Кондорсе применяется при проведении праймериз в некоторых странах Северной Европы, а также при избрании членов ученых советов некоторых университетов в США). Однако эти юридические формулировки могут быть заменены на более точные математические термины. Так, метод относительного большинства является, по сути, методом среднеарифметического значения. Это значение может быть установлено посредством сложения только высших предпочтений (бинарное голосование в системах категорического или одобрительного вотума) или всех предпочтений избирателей (прочие системы оценочного голосования, правило Борда). Проще говоря, таким значением выступает итоговый **процент** голосов кандидата-победителя: чем выше этот процент, тем ближе кандидат-победитель к 100%-ному максимуму (консенсусу).

Метод абсолютного большинства – это метод медианы (среднего значения, равного 50 % + 1 голос). Медиана определяется при **ранжировании** всех предпочтений избирателей (метод наибольших медиан, алгоритм Баклина) или только высших (двухтуровая система и т.д.). В последнем случае нерезультативность метода преодолевается последовательным исключением кандидатов, проигравших по **правилу относительного большинства**. Таким образом, данные системы **частично** используют и прочие предпочтения избирателя, которые в последующих турах голосования могут трансформироваться в голоса. Это наиболее очевидно в алгоритме Instant Runoff Voting (IRV) и иных его разновидностях (Кумбс и пр.). Одним словом, данные системы способны составить итоговый ранг кандидатов, основанный на их сравнении в финальном туре голосования. Следовательно, правило медианы может сочетаться со среднеарифметическим правилом при определении участников второго тура.

Метод парного сравнения определяет победителя по правилу Кондорсе (или сразу весь кондорсетовый рейтинг кандидатов). Можно утверждать, что данные си-

⁷Important Elections Whose Results (Probably) Would Have Differed under Different Voting Systems. URL: <http://rangevoting.org/FunnyElections.html>.

стемы так или иначе определяют медианный рейтинг всех кандидатов (парное сравнение тоже происходит по правилу большинства). Наиболее очевидно это в алгоритме Кемени – Янга⁸ – единственной системе, соответствующей известному статистическому методу **максимального правдоподобия**. Данный метод является некоей суммой арифметического метода и правила медианы (определяется рейтинг, который имеет наибольшее среднеарифметическое значение, но в котором кандидат, занимающий первое место, побеждает в парном сравнении по правилу медианы любого иного кандидата). Другие кондорсетовые системы также нацелены на поиск некоего среднего рейтинга, создающего полноценный консенсус в обществе и, следовательно, устраивающего в той или иной степени практически **каждого** избирателя (процент одобрения будет стремиться к 100 %).

В указанных системах возможны различные варианты, в зависимости от того, осуществляется ли учет всех предпочтений или общего числа избирателей (Янг, минимакс). В любом случае теорема Дункана Блэка установила, что только кондорсетовые системы способны определить волю медианного избирателя, то есть избирателя, который имеет центристские убеждения в существующем политическом спектре⁹. Иначе говоря, только такие методы определяют подлинную медиану в обществе.

В качестве доказательства предлагаем следующую диаграмму.

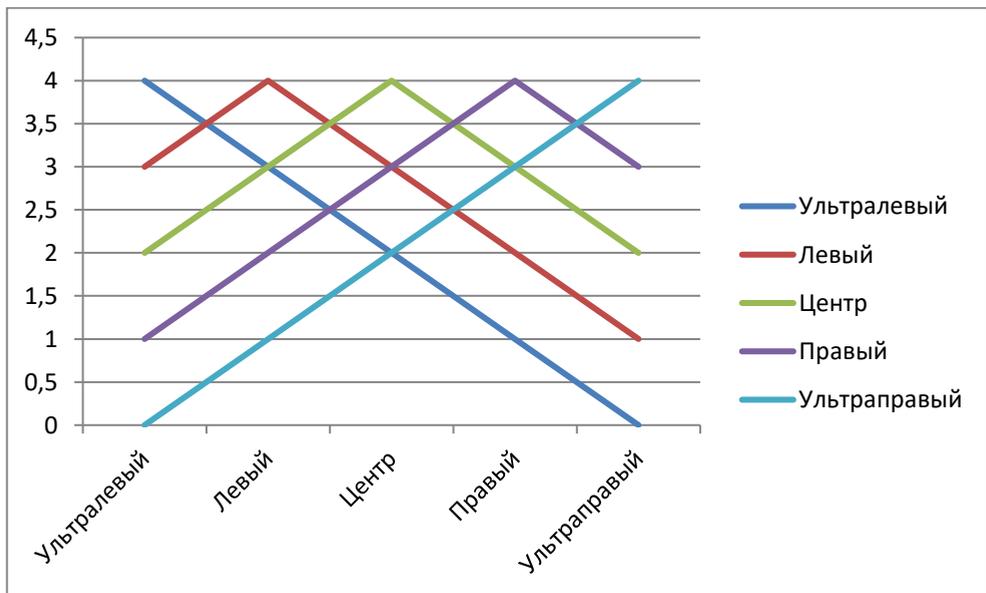

Рис. 1. Медиана в голосовании граждан

⁸ Young P. Optimal Voting Rules // Journal of Economic Perspectives. 1995. Vol. 9, № 1. Pp. 51–64.

⁹ Демина Н. Метод маркиза Кондорсе, или Светлый путь спасения демократии. URL: http://polit.ru/article/2010/05/21/maskin_condorcet.

На приведенной диаграмме кандидат-центрист обладает наибольшим электоратом и выигрывает выборы (площадь фигуры, ограниченной зеленой линией, является наибольшей). И это закономерно, поскольку частично центристские убеждения приемлемы для обоих флангов – и правого, и левого, а также для экстремистов (ультраправых или ультралевых). При проведении преференциального голосования по правилу Кондорсе такой кандидат будет чаще других находиться на первом, втором или третьем месте. В конечном счете именно он в гипотетическом втором туре обыгрывает любого из конкурентов. В диаграмме показано, что медианный избиратель (срединное положение в электорате) голосует за кандидата-центриста и ни за кого более. Иными словами, избиратель-центрист выбирает кандидата-центриста. Оговоримся, что такая схема справедлива лишь в случае допуска к выборам всех политических сил при равенстве всех граждан, то есть при отсутствии ограничений активного и пассивного избирательного права. В противном случае будет наблюдаться так называемый эффект смещения центра, когда кандидат-центрист проигрывает выборы своим оппонентам (чаще всего ими являются популисты или кандидаты-радикалы).

Таким образом, все три критерия консенсуса основаны на поиске среднего значения. Очевидно, что среднеарифметический метод самый необъективный и способен отдать победу кандидату-экстремисту – крайне правому или крайне левому. На выборах в Южной Корее в 1987 году победил крайне правый кандидат, сторонник военной диктатуры Ро Дэ У, который впоследствии был арестован и осужден по обвинению в захвате власти¹⁰. Метод медианы дает более объективный результат, однако и он не лишен недостатков. Достаточно вспомнить победу Национал-социалистической немецкой рабочей партии на выборах в Германии в 1933 году, которые проходили по пропорциональной системе¹¹ (указанная система в целом соответствует правилу медианы). Наоборот, кондорсетовые системы представляются наиболее эффективными с политологической точки зрения, так как изначально оставляют меньше шансов на избрание кандидатов с радикальными взглядами.

Далее. Названные три математических принципа определения победителя соотносятся как части и целое. Фактически речь идет о степенях **максимального правдоподобия**. Во-первых, устанавливается максимально правдоподобный **единственный** кандидат-победитель, или максимально правдоподобная коалиция **нескольких** кандидатов во главе с **единственным** победителем, или максимально правдоподобный рейтинг **всех** кандидатов во главе с **единственным** победителем. Данное соотношение математически подтверждается при участии лишь двух кандидатов в выборах, а также при «прицельных» преференциях всех избирателей (категорическое голосование за одного кандидата при равных последующих рангах всех остальных кандидатов): в этом случае кандидат, набравший наибольшее число голосов (относительное большинство), автоматически победит во втором туре (абсолютное большинство) любого другого конкурента (Кондорсе).

¹⁰ Important Elections Whose Results (Probably) Would Have Differed...

¹¹ *Лейкман Э., Ламберт Д. Д.* Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем / пер. с англ. Г. Н. Морозова; под ред. А. С. Шугаева. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. С. 200.

Три степени правдоподобия определяют три степени легитимности. Системы относительного большинства продуцируют результат выборов с наименьшей легитимностью. Фактически только при участии **двух** кандидатов такие системы продуцируют единогласный рейтинг. Именно в этом случае они оправданны. В современном мире при избрании глав государств часто применяются системы абсолютного большинства, поскольку они более легитимны: при **любом** количестве кандидатов во втором туре формируется единогласный рейтинг. Наивысшей легитимностью обладают кондорсетовые системы, которые, к сожалению, практически не применяются на народных голосованиях в силу своей сложности.

Проведенные нами несложные математические исследования подтверждают, что подлинная демократия основана не на большинстве, а на консенсусе всех членов общества: избранный кандидат действительно представляет весь избирательный корпус, который выступает реальным участником выборов (избирательного процесса)¹². Таким образом, мы математически доказали существование особого коллективного субъекта активного избирательного права – избирательного корпуса (в тексте статьи 3 Конституции РФ¹³ он определен как «многонациональный народ»). Воля данного субъекта не сводима к воле отдельных избирателей и не является их механической суммой, а обладает целостностью (эмерджентностью). Поэтому избранный депутат вправе участвовать в создании общеобязательных норм права (законов государства): его на это уполномочило все общество, а не только его часть. Однако такая ситуация может существовать лишь в условиях свободы и равенства всех граждан перед законом, то есть в условиях всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Введение избирательных цензов, безусловно, нарушает равенство граждан, а следовательно, избирательные цензы должны быть обоснованными, то есть иметь своей целью не допустить манипуляцию итогами голосования в случае участия в выборах экономически или психически зависимых от родителей и опекунов детей и лиц с психическими заболеваниями. Далее, избирательные цензы не должны лишать избирательных прав значительное число граждан. При этом сами голоса должны быть равны и иметь равное значение. Между тем именно это и нарушается при проведении не прямых выборов президента США, так как голос избирателя в малонаселенном штате Вайоминг практически не имеет никакого значения. Более того, президент США, согласно американской конституции, избирается штатами (проводится косвенное, а не прямое голосование избирателей)¹⁴. Можно смело утверждать, что при проведении таких выборов не преследуется цель определить компромиссного кандидата, представляющего все американское общество.

¹² Зарубежное избирательное право: учеб. пособие / [А. С. Автономов, Ю. А. Веденеев, О. В. Дегтярева и др.]; науч. ред. В. В. Маклаков. М.: Норма, 2003. С. 5-24.

¹³ Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.).

¹⁴ Конституция США // Конституции зарубежных государств: учеб. пособие / сост. В. В. Маклаков. М.: БЕК, 2000. С. 339–372.

Библиографический список

Демина Н. Метод маркиза Кондорсе, или Светлый путь спасения демократии. URL: http://polit.ru/article/2010/05/21/maskin_condorcet.

Зарубежное избирательное право: учеб. пособие / [А. С. Автономов, Ю. А. Веденеев, О. В. Дегтярева и др.]; науч. ред. В. В. Маклаков. М.: Норма, 2003.

Конституции зарубежных государств: учеб. пособие / сост. В. В. Маклаков. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: БЕК, 2000.

Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Часть общая: конституционное (государственное) право и его основные институты: учеб.: в 4 т. / отв. ред. Б. А. Страшун. 3-е изд., обновл. и дораб. Т. 1–2. М.: БЕК, 2000.

Лейкман Э., Ламберт Д. Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем / пер. с англ. Г. Н. Морозова; под ред. А. С. Шугаева. М.: Изд-во иностр. лит., 1958.

Любарев А. Е. Избирательные системы: российский и мировой опыт. М.: РОО «Либеральная миссия»; Нов. лит. обозрение, 2016.

Таагпера Р., Шугарт М. С. Описание избирательных систем // ПОЛИС. 1997. № 3. С. 114–136.

Important Elections Whose Results (Probably) Would Have Differed Under Different Voting Systems. URL: <https://rangevoting.org/FunnyElections.html>.

Slinko A., Elkind E., Faliszewski P. Rationalizations of Condorcet-Consistent Rules Via Distances of Hamming Type // Social Choice and Welfare. Vol. 39, № 4. Pp. 891–905.

Young P. Optimal Voting Rules // Journal of Economic Perspectives. 1995. Vol. 9, № 1. Pp. 51–64.

Ex jure

Информация для цитирования

Худолей Д. М. Консенсус как цель выборов // *Ex jure*. 2025. № 4. С. 103–113. DOI: 10.17072/2619-0648-2025-4-103-113

Khudoley D. M. Consensus as the Goal of Elections. *Ex jure*. 2025. № 4. Pp. 103–113. DOI: 10.17072/2619-0648-2025-4-103-113

УДК 340.13

DOI: 10.17072/2619-0648-2025-4-114-134

Концепция верховенства права А. В. Дайси и ее значение

К. М. Худолей

Кандидат юридических наук, доцент кафедры
административного и конституционного права

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: kostya-hudoley@yandex.ru

Аннотация: разработанная в XIX веке А. В. Дайси концепция верховенства права (*the rule of law*) до сих пор представляет интерес для юридической науки, ибо дает многое не только для понимания природы английского позитивизма Викторианской эпохи, но также и для изучения изменения неписаной конституции Великобритании, на развитие которой она до сих пор оказывает определенное влияние. Причем эта концепция приобретает гораздо большее значение в свете той критики, которой она подвергалась с момента своего создания по настоящий день. Данью уважения концепции А. В. Дайси стало упоминание о верховенстве права во Всеобщей декларации прав человека ООН 1948 года, в документах Совета Европы – Уставе Совета Европы (1949) и Конвенции по правам человека (1950) и в Докладе Венецианской комиссии 2011 года.

Ключевые слова: верховенство права; дискреционные полномочия; права человека; судебный контроль; суверенитет

© Худолей К. М., 2025

Эта работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

The Concept of the Rule of Law by A. V. Dicey and Its Meaning

K. M. Khudoley

Perm State National Research University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

E-mail: kostya-hudoley@yandex.ru

Abstract: *developed in the 19th century by A. V. Dicey, the concept of the rule of law is still of interest to legal scholarship, not only for understanding the nature of English positivism of the Victorian era, but also for studying the changes in the unwritten constitution of Great Britain, on the development of which it still has some influence. Moreover, this concept acquires much greater significance in the light of the criticism to which it has been subjected from the moment of its creation to the present day. A tribute to Dicey's concept was the mention of the rule of law in the UN Universal Declaration of Human Rights of 1948 and in the documents of the Council of Europe – the CoE Charter (1949) and the Convention on Human Rights (1950) and in the Report of the Venice Commission (2011).*

Keywords: *rule of law; discretionary powers; human rights; judicial review; sovereignty*

Верховенство права (*the rule of law*) обычно рассматривается как фундаментальная доктрина или один из принципов неписаной английской конституции. Профессор Дж. Джоуэлл охарактеризовал верховенство права как устойчивую и эффективную силу, обеспечивающую эволюцию конституции Соединенного Королевства¹. Классическое понимание верховенства права для английского позитивизма Викторианской эпохи сложилось в основном благодаря А. В. Дайси. Его позиция по верховенству права не может быть проигнорирована с учетом того влияния, которое она оказала на правовую доктрину Соединенного Королевства. Причем его взгляд на сущность данного принципа приобретает еще большее значение в свете критики его позиции со стороны других видных английских ученых-юристов. А. В. Дайси в своем труде «Введение в изучение конституционного права»² верховенство права характеризовал как одну из двух черт политического устройства Англии со времен норманнского завоевания и «одну из самых примечательных особенностей английской жизни». Говоря словами лорда Т. Бингхэма, верховенство права, по Дайси, стало вторым, наряду с суверенитетом английского парламента, краеугольным камнем, на котором воздвигли здание английского конституционализма³.

¹ Jowell J. The Rule of Law Today // The Changing Constitution / ed. by J. Jowell, C. O'Conneide. Oxford: Oxford University Press, 2019. P. 5.

² Dicey A. V. Introduction to the Study of the Law of the Constitution. L.: Macmillan, 1985. P. 189.

³ Bingham T. The Rule of Law. L.; N. Y.: Allen Lane, 2010. P. 3.

Первый аспект верховенства права. По мнению А. В. Дайси, верховенство права состоит из трех элементов. Первым из них выступает то, что ни один человек не может быть подвергнут насилию (уголовному наказанию) иначе как в случае нарушения закона, установленного вступившим в силу решением «обыкновенного» суда, то есть суда общего права. Данное правило, во-первых, влечет за собой предоставление прерогативы по ограничению свободы любого лица исключительно судебной власти. Во-вторых, верховенство права, по Дайси, отражается в преобладании (*predominance*) обычного права над произвольной властью (*arbitrary power*) и отвергает существование исключительных полномочий или даже широких дискреционных полномочий государственной власти, которые зависят от воли (произвола)⁴. В таком понимании верховенство права выступает стеной (*bulwark*), которая ограждает права граждан от всякого незаконного воздействия на них со стороны публичной власти. Таким образом, верховенство права означает именно ограничение, а не полный контроль неограниченной публичной власти в условиях какой бы то ни было писаной конституции. Реализацией принципа верховенства права в этом аспекте является признание незаконными действий исполнительной власти *ultra vires*. Например, в деле *R v. Horseferry Road Magistrates' court, ex parte Bennett* палата лордов постановила отменить ранее принятые судебные решения и возратить на пересмотр уголовное дело гражданина Новой Зеландии, которого экстрадировали в Великобританию, несмотря на отсутствие международного договора о выдаче преступников между государствами. Как указала палата лордов, наиболее общим принципом любой правовой системы является верховенство права и игнорирование нижестоящими судами незаконных действий исполнительной власти, выходящих за границы юрисдикции страны, неприемлемо⁵. Поскольку в силу этого судебный процесс в целом был нарушен, дело возвратили в нижестоящий суд для пересмотра.

В английском праве со времен принятия в 1215 году Великой хартии вольностей король и другие правители выступают субъектами права, как об этом писал в учебнике XIII века известный ученый Г. Брэктон⁶. Возвышение роли английского парламента с предоставлением ему права контролировать деятельность правительства создало ту модель верховенства права, которая просуществовала в Англии в течение столетий, кроме промежутка правления Стюартов, закончившегося «Славной революцией» и принятием Билля о правах 1689 г. (*Bill of Rights 1689*), который закрепил законодательный суверенитет парламента и обязанность короля не вмешиваться в судебную власть. Таким образом, начиная со Средних веков верховенство права стало восприниматься юристами как один из фундаментальных принципов английской конституции. В 1607 году судья Э. Кук в деле *Prohibitions del Roy* отказал правящему монарху Якову I в правомочии лично осуществлять правосудие, поскольку судебные дела «должны решаться не естественным разумом, а искусственным разумом

⁴ Dacey A. V. Op. cit. P. 189.

⁵ AC 42. 1993.

⁶ Allen M. J., Thompson B. Constitutional and Administrative Law. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 171.

и суждением тех, кто сведущ в законе, а закон есть искусство, требующее долгой учебы и практики»⁷.

Дайси считал, что верховенство права имеет своей главной целью исключить произвол исполнительной власти при осуществлении дискреционных полномочий, но как принцип английской конституции распространяется и на деятельность парламента. В деле *Thomas Bonham v. College of Physicians* Э. Коук писал: «...наши книги показывают, что во многих судебных делах Common Law превалирует над Актами Парламента и иногда заставляет признать их недействительными: так как в случае, когда Акт Парламента противоречит выраженному в Common Law субъективному праву и разуму, или несовместим с ними, или его невозможно исполнить, Common Law проконтролирует этот вопрос и признает такой Акт недействительным»⁸. В деле *Jackson and Others v. Attorney General* лорд Стейн отмечал, что в классическом понимании Дайси суверенитет парламента не имеет места в современном праве Соединенного Королевства, хотя и является до сих пор одним из общих принципов конституции и общего права, поскольку есть ряд фундаментальных принципов, которые парламента не в силах отменить⁹. В частности, к таким исключительным случаям, когда суды могут отказаться подчиняться актам парламента, можно отнести принятие парламентом статута, отменяющего судебный контроль или деятельность судов общего права. Этой же позиции придерживается лорд Вулф, который утверждает, что любой акт парламента, нарушающий верховенство права, не должен исполняться судами. В силу этого законодательный суверенитет парламента имеет четкие границы, которые очерчивают суды, осуществляя судебный контроль в целях поддержания верховенства права¹⁰. Таким образом, принципы верховенства права и суверенитета парламента уравновешивают друг друга и в целом суды подчиняются актам законодательной власти. В качестве исключения, которые, к слову, редки, можно привести следующий пример: когда правительство предложило изменить Акт об иммиграции и политическом убежище (*Immigration and Asylum Act 1999*), отменив возможность депортируемых лиц обжаловать в суде решение об их депортации, палата общин отказалась принять эти поправки, поскольку судебные лорды палаты лордов ясно дали понять, что такой акт, в силу его противоречия принципу верховенства права, не будет соблюдаться судами. Заметим, именно такое понимание верховенства права является основой для осуществления судебного контроля (*judicial review*) судами Великобритании, а также конституционного контроля (*constitutional review*) судами США. Существование второго обосновал Верховный суд США в решении по делу *William Marbury v. James Madison*, следуя правовой традиции признания за судами права отменять любые акты компетентных органов власти¹¹. Но поскольку в США парламента не обладает законодательным суверенитетом, постольку конституционное ревью в США подразумевает контроль судами всех актов законодательной

⁷ 12 Co Rep 63 77 Er 1342. 1607.

⁸ AC 42. 1610.

⁹ UKHL 56. 2005.

¹⁰ *Lord Woolf*. The Rule of Law and a Change in the Constitution // The Cambridge Law Journal. 2004. Vol. 63, № 2. P. 320.

¹¹ 5 US (1 Cranch) 137. 1803.

власти. В то время как в Великобритании судебный контроль направлен в основном на проверку актов исполнительной власти.

Профессор П. П. Крейг отмечает, что такая концепция обусловлена пониманием А. В. Дайси природы представительной демократии как «унитарной и самокорректирующей, в которой воля избирателей представлена парламентом, контролирующим деятельность правительства»¹². Избранный большинством народа парламент формирует ответственное перед ним правительство. Но это не исключает принятия законодательным органом законов, отражающих интересы не всего общества, а лишь парламентского большинства. Именно такие законы тирании парламентского большинства, нарушающие права и интересы оставшегося в меньшинстве народа, суды общего права и не должны защищать¹³. Например, установленный в XIX веке законодательством порядок лицензирования прессы, по мнению Дайси, мало чем отличался от запрещенной процедуры цензуры. Именно поэтому суды общего права не рассматривали прессу иначе как субъектов, которые подчиняются только запретам о недопустимости диффамации, но не лицензирования. При этом, как писал Дайси, хотя британский парламент и обладает суверенитетом, но его законодательная деятельность должна осуществляться на основе духа законности и верховенства права¹⁴. Следует, однако, подчеркнуть, что точного определения баланса принципов суверенитета парламента и верховенства права концепция Дайси не давала, поскольку он прямо указывал на то, что парламент – учреждение, которому конституцией Соединенного Королевства вверена неограниченная деспотическая власть¹⁵. Дайси полагал, что парламент не может предоставить правительству неограниченные дискреционные полномочия, потому что такие статуты неизбежно станут предметом судебного толкования, что исключает узурпацию власти в руках правительства.

Эта идея о дихотомии верховенства права и суверенитета парламента нашла отражение и в судебных решениях. Так, в деле *X Ltd. v. Morgan-Grampian (Publishers) Ltd.* лорд Бридж отметил, что «в нашем обществе верховенство права основывается на двух принципах: верховенства королевы в парламенте и независимости судов в толковании и применении законов»¹⁶. В этой связи примечательным является дело *R v. Secretary for the Home Department, ex parte Pierson* о проверке законности полномочий министра внутренних дел увеличивать по сравнению с судебным приговором срок наказания, отбытие которого предоставляет осужденному на пожизненное лишение свободы право на досрочное освобождение на основании статьи 35 (2) Акта об уголовном правосудии 1991 г. (Criminal Justice Act 1991). Как отметил лорд Стейн, парламент не может издавать акты, противоречащие верховенству права, которое является выражением материальной и процессуальной справедливости, и, в силу этого, не может законодательным актом предоставить дискреционные полномочия министру внутренних дел ретроспективно увеличивать меры уголовного наказания,

¹² *Craig P. P.* Public Law and Democracy in the United Kingdom and in the United States of America. Oxford: Clarendon, 1990. P. 5.

¹³ *Ibid.* P. 35.

¹⁴ *Dicey A. V.* *Op. cit.* P. 414.

¹⁵ *Ibid.* P. 47.

¹⁶ 1 AC1. 1991.

что фактически сделало бы его полномочным распоряжаться жизнью осужденного¹⁷. Аналогичный вывод был сделан и в деле *R (on the application of Anderson) v. Secretary of State for the Home Department*¹⁸. В деле *R v. Secretary of State for the Home Department, ex parte Fire Brigades Union* палата лордов признала превышение своих полномочий правительством при отказе от принятия акта, определяющего дату вступления в силу порядка возмещения вреда потерпевшим в уголовных преступлениях. Лорд Мэстилл писал: «Парламент издает законы, правительство их исполняет, а суды интерпретируют законы, чтобы они соблюдались. Это требует, чтобы суды время от времени вступали на территорию, принадлежащую исполнительной власти, для проверки соответствия полномочий правительства материальному праву, созданному парламентом, а также способа их осуществления стандартам справедливости, которые парламент имел в виду»¹⁹. В деле *Commissioners of Customs and Excise v. Cure & Deeley Ltd.* суд признал нарушением верховенства права предусмотренное законодательством право налоговой службы определять размер недоимки налогов, неуплата которой влечет наступление налоговой ответственности, если лицо не подало налоговую декларацию²⁰. Приведенные решения ярко демонстрируют, что концепция верховенства права направлена на недопустимость узурпации власти в тех случаях, когда теория разделения властей и система сдержек и противовесов оказываются бессильными. Как писал лорд Вулф, «в конечном счете только верховенство права не дает демократии скатиться к выборной диктатуре»²¹.

Критика первого аспекта. В законодательстве Великобритании (как и множества современных стран, придерживающихся принципа верховенства права) права и свободы могут быть ограничены без судебного решения – в частности, в ходе применения мер принуждения в различных сферах. Так, полиция может задерживать лиц, в отношении которых есть основания полагать, что они причастны к совершению преступлений, проводить их личный досмотр и т.д. Наибольшее число контраргументов концепции Дайси привел У. А. Дженнингс в работе «Закон и Конституция». По его мнению, реализация верховенства права в том, что частные лица могут обжаловать в суде действия должностных лиц и органов власти, отражает лишь небольшую часть данного принципа. Дженнингс привел множество примеров дискреционных полномочий английского правительства, которые сложились еще в те времена, когда Дайси писал свою работу, и до сих пор продолжают применяться. Причем число дискреционных полномочий, наличие которых концепция верховенства права противопоставляется, с каждым годом только увеличивается, поскольку без них современное государственное управление Великобритании как социального государства невысказано. К наиболее значимым дискреционным полномочиям исполнительной власти Дженнингс отнес выносимые судами наказания в виде тюремного заключения на неопределенный срок и пожизненного лишения свободы, так как конкретный срок,

¹⁷ AC 539. 1998.

¹⁸ 4 All ER 1089 HL. 2002.

¹⁹ 2 All ER. 1995.

²⁰ 1 QB 340. 1962.

²¹ *Lord Woolf*. Op. cit. P. 317.

который должен отбыть подсудимый, определяется исполнительной властью²². Объявление королем режима военного положения лишает граждан возможности торговать с государством, с которым ведется война, а объявление чрезвычайного положения (например, по причине наводнения) может повлечь изъятие имущества без предоставления денежного возмещения. Дженнингс предположил, что свое понимание концепции верховенства права Дайси сформировал в силу господствующей либеральной доктрины *laissez-faire* (государственного невмешательства в экономику), которая предопределяла сущность, а значит, и содержание конституционных принципов и понятий исключительно частных лиц (не общества и не государства). В этом случае единственной целью государства становится защита частных лиц от внутреннего или внешнего насилия. Будучи под такой защитой, лицо может распоряжаться своими правами как угодно, по собственному усмотрению, не нарушая прав других лиц. Поэтому Дайси в основном исследовал примеры из частного права, а не публичного, не касаясь вопросов борьбы с бедностью вследствие индустриализации или взаимоотношений Великобритании и Ирландии, боровшейся за независимость²³.

Дженнингс также критикует Дайси за то, что главным нарушителем верховенства права последний считал исполнительную власть. В Великобритании, которая не имеет писаной конституции, главным источником дискреционной власти, по мнению Дженнингса, является не правительство, а парламент, обладающий законодательным суверенитетом. Таким образом, в Англии законодательством ограничена компетенция только исполнительной власти, но никак не парламента, полномочия которого не только широки, но, по сути, безграничны. В силу этого, хотя в Великобритании и существует принцип верховенства права, само право может быть изменено в любой момент. К тому же в истории многие диктаторские режимы были основаны на строгом соблюдении верховенства права (Франция при Наполеоне I, Италия при Муссолини). Дайси утверждал, что узурпация власти парламентом невозможна по двум причинам: из-за разделения властей, когда каждая власть сдерживает другие, а также из-за необходимости принятия парламентом как органом, представляющим избирателей, актов, которые не могут нарушать права граждан. Но можно привести немало случаев, когда правительство, пользуясь поддержкой парламентского большинства, продвигало принятие многих непопулярных и даже угрожающих правам частных лиц законов сразу одним голосованием, без обсуждения (отказ от системы обеспеченного золотом фунта стерлингов, предоставление правительству экстренных полномочий в связи с объявлением войны и проч.). Парламентский контроль за делегированным законодательством в случае поддержки деятельности правительства правящей партией также невозможен. Фактически в руках правительства оказываются обе ветви власти – исполнительная и законодательная. К тому же сама практика делегированного законодательства вполне может пониматься как предпосылка существования дискреционных полномочий органов управления, поскольку значительный объем и детальный характер постановлений, издаваемых министерствами,

²² Jennings I. The Law and the Constitution. L.: University of London Press, 1959. P. 54.

²³ Jennings I. Op. cit. P. 58.

неизбежно порождают состояние неопределенности, что ведет к произволу, против которого концепция Дайси была направлена²⁴.

Р. Ф. В. Хьюстон, критикуя концепцию Дайси, отмечал, что большую сложность представляет противопоставление обычной судебной власти и произвольной власти (*arbitrary power*), если последняя действует на основании закона, принятого в установленном порядке и отражающего интересы народа. К. К. Дэвис и вовсе выдвинул экстравагантное понимание произвольной власти как более гибкой и более эффективной, чем правосудие, и настаивал на том, что без нее нельзя правильно учесть все фактические обстоятельства применения абстрактных норм в конкретных делах. Поэтому, с его точки зрения, и современные государства реализуют принцип управления «и людей, и законов», хотя для большинства юристов верховенство права связывалось с предложенным Аристотелем режимом правления «законов, а не людей»²⁵.

Кроме того, в руках судебной власти принцип верховенства права оказывается зачастую неэффективным оружием в деле защиты прав граждан от дискреционных полномочий исполнительной власти. Профессор Дж. Джоуэлл в связи с этим ссылается на Дайси, который осознавал, что верховенство права не всегда требует производить оценку (в том числе и в конституционно-правовом смысле) действующего права как «хорошего» или «плохого»²⁶. Поэтому обычно у судов есть лишь небольшие полномочия по толкованию законодательных актов или общего права при рассмотрении дел об ограничении прав граждан действиями компетентных органов власти, которые не выходят за рамки, установленные законодательными актами или общим правом. Например, в деле *R v. Inland Revenue Commissioners, ex parte Rossminster Ltd.* палата лордов признала законным изъятие налоговыми органами всей внутренней документации предприятия, которая, как они посчитали, могла иметь отношение к факту предполагаемого уклонения от уплаты налогов. Как указала палата лордов, хотя суды и могут проверять законность любых действий компетентных органов власти, тем не менее они не вправе оспаривать действия, всецело основанные на нормах действующего законодательства. Лорд Деннинг, рассматривавший дело в апелляционной инстанции, отметил, что статья 20 Акта о налогообложении 1970 г. (*Income and Corporation Taxes Act 1970*), предоставляющая налоговым органам право изымать документацию предприятия в ходе проверок, сформулирована столь неопределенно, что «может стать инструментом давления» со стороны налоговых органов на организации²⁷. Лорд Скарман в решении прямо подчеркнул, что должны быть законодательно установлены конкретные виды документации, которую могут изымать налоговые органы у организаций при проведении налоговых проверок. В противном случае возможна ситуация «захватывающего дух вторжения в права личной свободы и собственности» со стороны компетентных органов государства. Но поскольку парламент имеет законодательный суверенитет по изданию нормативных

²⁴ *Jennings I.* Op. cit. P. 58.

²⁵ *Davis K. C.* *Discretionary Justice: A Preliminary Inquiry.* Chicago: University of Illinois Press, 1971. P. 17.

²⁶ *Jowell J.* Op. cit. P. 12.

²⁷ AC 952. 1980.

актов, то суды не вправе указывать ему, как осуществлять собственные «законом очерченные полномочия»²⁸.

В противовес позиции Дайси о том, что верховенство права не предполагает оценочного разделения законов на «хорошие» либо «плохие», ряд ученых (П. Крейг, Дж. Джоуэлл, Т. Бингхэм, Т. Аллан) уверены в обратном. Их позиция заключается в том, что принцип верховенства права следует понимать не только в формальном (*formal*) смысле (имелись ли у лица либо органа полномочия по принятию акта, был ли акт принят в установленном порядке, а также требования ясности и определенности, недопустимости обратного действия акта), но и в материальном (*substantive*), согласно которому правовые акты оцениваются с точки зрения их соответствия правам человека, принципам справедливости и равенства, а также другим фундаментальным принципам правовой системы²⁹. На подобную дифференциацию различных подходов к верховенству права, в частности, небезосновательно обращал внимание М. Крайгир. В данном контексте он усматривал существование, с одной стороны, «тонких», или «формальных» (как у Дайси), концепций, а с другой – «толстых», или «материальных», концепций³⁰. Без своего материального понимания верховенство права становится просто инструментом в руках политиков для достижения зачастую недемократических целей. Дж. Раз в связи с этим пишет: «Недемократическая правовая система, основанная на отрицании прав человека, на массовой бедности, на расовой сегрегации, сексуальном неравенстве и религиозных преследованиях, в принципе, может соответствовать требованиям верховенства права в большей степени, чем любая из правовых систем более просвещенных западных демократий... Это будет неизмеримо худшая правовая система, но она будет превосходить другие в одном – в следовании верховенству права. Закон может ввести в рабство, не нарушая верховенства права»³¹.

Верховенство права – это только одна из конституционных ценностей, но не единственная. И в ситуации конфликта различных ценностей суды вынуждены производить их балансировку. Поэтому во многих случаях при коллизии частных и публичных интересов права граждан могут быть существенно ограничены дискреционными полномочиями исполнительной власти. В деле *R (Corner House Research) v. Director of the Serious Fraud Office* палата лордов признала законным прекращение расследования фактов дачи взяток руководителей British Aerospace должностным лицам Саудовской Аравии при продаже самолетов в эту страну. Как постановила палата лордов, угроза должностных лиц Саудовской Аравии прекратить сотрудничество с Соединенным Королевством по борьбе с терроризмом, если дело о взяточничестве не будет прекращено, затрагивает интересы национальной безопасности. И эти интересы предоставляют службе широкие дискреционные полномочия, пусть и вразрез

²⁸ AC 952. 1980.

²⁹ *Craig P. P.* Op. cit. P. 53.

³⁰ *Крайгир М.* Верховенство права (и Rechtsstaat) // Доктрины Правового Государства и Верховенства Права в современном мире: сб. ст. / отв. ред. В. Д. Зорькин, П. Д. Баренбойм. М.: ЛУМ: Юстицинформ, 2013. С. 478–479.

³¹ *Raz J.* The Authority of Law: Essay on Law and Morality. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press, 1979. P. 211.

с требованиями верховенства права³². В деле *Liversidge v. Anderson* суд признал законным право Государственного секретаря в условиях Второй мировой войны задерживать любого по подозрению в связях с враждебными иностранными государствами или организациями. Фактически вопрос о связях лица с враждебными государствами или организациями отдавался на откуп исполнительной власти, так как у судов не было возможности опровергнуть основания для задержания лица, выдвинутые Государственным секретарем³³. Также в деле *R v. Secretary of State for Home Affairs, ex parte Hosenball* суд признал законной депортацию иностранного журналиста из страны по решению министра внутренних дел на том основании, что этот журналист располагал информацией, представлявшей угрозу национальной безопасности (без уточнения, какой именно), что сказалось на праве лица на судебную защиту³⁴. Вместе с тем в последних прецедентах судебная практика стала требовать предоставления обвиняемым в совершении актов, создающих угрозу национальной безопасности, всей достаточной информации, так как верховенство закона требует, чтобы обвиняемые знали, в чем их обвиняют (*Secretary of State for the Home Department v. AF*³⁵; *Secretary of State for the Home Department v. AF*³⁶).

А. Т. Смит отмечает, что концепция Дайси о верховенстве права мало согласуется с уголовным и уголовно-процессуальным правом Великобритании, имеющим обвинительный уклон. Преследуя цель наказания виновных, суд нередко действует заодно с правоохранительными органами, дискреционные полномочия которых и должен ограничивать, нисколько не защищая на деле права граждан. К тому же уголовному праву Великобритании не в полной мере присущи принципы законности, правовой определенности и недопустимости обратного действия закона, хотя Дайси, когда он пишет о возможности ограничения прав только судом в случае нарушения закона, подразумевает обратное³⁷.

Принцип законности в уголовных правоотношениях обусловлен правилом *nulla poena sine lege*. Вместе с тем в деле *Shaw v. DPP* палата лордов признала законным привлечение к ответственности издателя за публикацию каталога, содержавшего имена и адреса работниц секс-индустрии. Ему было предъявлено обвинение в заговоре с целью развращения общественной морали, ответственность за которое в законодательстве не установлена. Как написал лорд Симмонс, привлечение к ответственности без указания на то в законе вытекало из остаточной судебной власти для обеспечения фундаментальной цели закона по защите общественного порядка и нравственности. Хотя многие судьи (лорд Рид, например) выступили против такого решения по мотивам нарушения верховенства права в присвоении судами полномочий по криминализации деяний своими приговорами³⁸.

³² UKHL 60. 2008.

³³ AC 206. 1942.

³⁴ 1 WLR 766. 1977.

³⁵ UKHL 28. 2009.

³⁶ EWHC 42 Admin. 2010.

³⁷ *Smith A. T. H. Comment // Public Law. 1985. P. 608.*

³⁸ AC 220. 1962.

Недопустимость обратного действия уголовного закона в уголовном праве Великобритании также трактуется довольно свободно. Можно привести распространенную в XVII и XVIII веках практику с принятием законов *ex post facto* – *bills of attainder* и *bills of pain and penalties*, криминализировавших деяния, которые после санкции монарха тут же инкриминировались неугодным правительству лицам. При этом последние нередко лишались даже возможности защитить себя. Меры наказания, предусмотренные такими ретроактивными законами, еще в 1766 году У. Блэкстон называл жестокими и несправедливыми³⁹. В общем праве недопустимость обратного действия уголовного закона была установлена только прецедентом по делу *Phillips v. Eyre*⁴⁰. Как впоследствии пояснила судебная практика, запрет на обратное действие касается не только уголовного законодательства, но любого, предусматривающего применение мер принуждения к гражданам. Так, в деле *Waddington v. Miah* палата лордов признала недопустимость ретроактивного действия Акта об иммиграции 1971 г. (*Immigration Act 1971*) в части депортации иностранных граждан за нарушение миграционного законодательства⁴¹. И все же случаи ретроактивного действия законов для английского права до сих пор не редкость. Самому общему праву присущ ретроактивный характер, поскольку судебный прецедент создается судами в результате рассмотрения уже совершенного преступления или спора по другим категориям дел. Достаточно вспомнить прецедент по делу *R v. R*, отменивший устоявшееся в общем праве правило о невозможности привлечения к уголовной ответственности мужа за изнасилование собственной жены⁴². Ретроактивный характер действия этого судебного прецедента подтвердила Европейская комиссия по правам человека, констатирующая отсутствие нарушения статьи 7 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод⁴³, запрещающей обратное действие уголовного закона, так как привлечение мужа к ответственности за изнасилование жены преследовало цель добиться равенства граждан и устранения правового анахронизма о принадлежности жены мужу (*Sw v. United Kingdom, Cr v. the United Kingdom*⁴⁴). Можно привести в пример также принятый в 1965 году Акт о военном ущербе (*War Damage Act 1965*), который отменил установленное судебным прецедентом по делу *Burmah Oil v. Lord Advocate* правило лицам требовать возмещения ущерба, причиненного повреждением или уничтожением имущества в военное время, поскольку в самом акте было установлено, что он распространяется на все случаи «до или после принятия этого акта»⁴⁵. Данный пример является хорошей иллюстрацией того, как правило, утвержденное судебным прецедентом, может быть легко перечеркнуто вновь принятым актом парламента.

³⁹ Михайлов А. М. Становление и развитие доктрины верховенства права в английской юридической мысли // Genesis: исторические исследования. 2023. № 9. С. 25.

⁴⁰ LR 6 QB 1. 1870.

⁴¹ 2 All ER 377. 1974.

⁴² 155 JPN 752. 1991.

⁴³ Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в г. Риме 4 нояб. 1950 г.

⁴⁴ 21 ECHR 363. 1995.

⁴⁵ AC 75. 1965.

Принцип правовой определенности в общем праве был раскрыт в деле *Merkur Island Shipping Corp v. Laughton and Others*. Как отметил лорд Дональдсон, верховенство права, как основа любой парламентарной демократии, требует наличия двух предпосылок: во-первых, люди должны осознавать, что в их интересах, как общества в целом, соблюдать право в своей жизни; во-вторых, они должны понимать такое право. Лорд Диплок, соглашаясь с ним, подчеркнул, что отсутствие ясности закона нарушает верховенство права: совершенно несправедливо требовать от других соблюдения закона, если ты сам принимаешь неопределенный закон⁴⁶. В последующих решениях лорд Диплок указывал, что верховенство права предполагает, что граждане должны понимать правовые последствия своих действий, прежде чем эти действия совершать (*Black-Clawson International Ltd. v. Papierwerke Wadhor-Aschafenburg AG*⁴⁷), а кроме того, они должны иметь возможность ознакомиться с правом в официальных источниках (*Fothergill v. Monarch Airlines Ltd*⁴⁸). Данный критерий верховенства права нашел воплощение в решении Суда справедливости Европейского союза как один из принципов права ЕС (*Officier van Justitie v. Kolpinghuis Nijmegen*). Как указал Суд справедливости, все национальные суды обязаны интерпретировать и применять нормы права ЕС в духе фундаментальных принципов определенности и недопустимости обратного действия, даже несмотря на их субсидиарный характер для национальных правовых систем⁴⁹.

Второй аспект верховенства права. Верховенство права, по Дайси, заключается также в том, что ни один человек не может стоять выше закона. Причем равенство граждан перед законом опять же связано с равенством их перед судом. Дайси отмечал, что все чиновники, от премьер-министра до сборщика налогов или констебля, представ перед судом, приравниваются к обычным гражданам. Формулируя эти положения, Дайси указал на два исключения из данного правила. Они касались военных и священнослужителей, которые не могли быть субъектами судебного разбирательства по привлечению их к ответственности «обыкновенными» судами – их дела рассматривались соответственно военными судами и клерикальными. Тем не менее Дайси полагал, что эти исключения не являются существенными, поскольку и военные, и священнослужители несут те же обязанности и имеют те же права, что и обычные граждане.

В своей работе Дайси привел множество случаев из судебных отчетов о том, как должностные лица без решения суда фактически лишали свободы подданных, вымогая у них имущество, заведомо превышая свои полномочия. Принцип верховенства права требует, чтобы подобные дела рассматривались судами в том же порядке, в каком рассматриваются дела рядовых граждан. По мнению Дайси, многие страны континентальной Европы данному критерию верховенства права не соответствуют. Например, Дайси критиковал законодательство Франции, которое устанавливало особый порядок привлечения к ответственности должностных лиц (их дела

⁴⁶ 2 AC 570. 1983.

⁴⁷ AC 5. 1975.

⁴⁸ AC 251. 1981.

⁴⁹ Case 80/86. 1987-03969. 1978.

рассматривались не обычным судом, а административным трибуналом). Такую ситуацию Дэйси считал несовместимой с английскими традициями и обычаями и видел в ней нарушение верховенства права⁵⁰.

В современном английском конституционном праве можно найти немало судебных прецедентов, отражающих концепцию Дэйси о верховенстве права в этом аспекте. К их числу можно отнести дело *M v. Home Office*, в рамках которого к ответственности за неуважение к суду был привлечен министр внутренних дел, отказавшийся исполнять судебный приказ о приостановлении депортации гражданина Заира, которому было отказано в предоставлении политического убежища в стране. Как постановил суд, ответственность за неуважение к суду может нести как государственный орган в целом, так и должностное лицо, его возглавляющее и, в силу этого, несущее ответственность за его действия. Решение по делу было составлено судьей Вулфом, который подчеркнул, что привлечение министра к ответственности за неуважение к суду имело своей целью не просто наказать виновного, а обеспечить правило, согласно которому «судебные решения должны быть исполнены»⁵¹. Значимость данного решения заключается в том, что это был первый случай привлечения министра к ответственности за неуважение к суду.

Равенство перед судом означает право граждан на справедливое правосудие, вытекающее из понимания естественного правосудия (*natural justice*), то есть право на справедливый и скорый суд, состязательность и равноправие сторон, доступ к правосудию. При этом под судом понимается именно суд присяжных. Как писал лорд Деннинг в деле *Ward v. Jame's*, суд присяжных выступает той стеной (*bulwark*), которая, по мнению Дэйси, может оградить граждан от произвола властей⁵². Доступ к правосудию означает не только создание судебной системы по территориальному принципу, но и недопущение создания финансовых преград для граждан, ищущих правосудия. Например, в деле *R v. Lord Chancellor, ex parte Witham* судья Лоус признал нарушение конституционного права в установлении чрезмерного размера государственной пошлины за рассмотрение дел в суде, что существенно ограничило на практике возможности граждан, не имеющих заработка и получающих пособие по безработице, защищать свои права в судебном порядке⁵³. Эта же правовая позиция встречается в недавнем деле *R (on the application of UNISON) v. Lord Chancellor* о признании незаконным введенного правительством сбора в размере 1200 фунтов за рассмотрение дел в трибуналах по трудовым спорам⁵⁴. Одной из гарантий доступа к правосудию является установленная законодательством процедура отправления участникам процесса принятых судебных решений. Это признано необходимым условием для их последующего обжалования в вышестоящих инстанциях (*R (on the application of Anufrieva) v. Secretary of State for the Home Department*), хотя английские судьи и отмечают, что в уголовном процессе судебные решения о выдаче ордера на

⁵⁰ *Dicey A. V. Op. cit. P. 194.*

⁵¹ AC 477. 1998.

⁵² 1 QB 273. 1966.

⁵³ QB 575. 1998.

⁵⁴ UKSC 51. 2017.

арест или обыск не требуют отправления их лицам, в отношении которых данные меры применяются⁵⁵. Доступ к правосудию не всегда связан с непосредственным обжалованием в суде действий должностных лиц, он может выражаться в том числе в привлечении внимания общественности к фактам нарушения закона должностными лицами. Так, в деле *R v. Secretary of State for the Home Department, ex parte Simms* палата лордов признала незаконным отказ администрации тюрьмы в проведении журналистами интервью с осужденными за убийство (те настаивали на судебной ошибке), пока журналисты не подпишут соглашение о недопустимости разглашения полученных ими сведений, по сути запрещающее публикацию этих сведений в печати. Как установила палата лордов, целью интервью было привлечь внимание правоохранительных органов к произошедшей судебной ошибке для пересмотра дела⁵⁶.

Помимо прочего, верховенство права для охраны прав и свобод граждан в деятельности судов, по Дайси, лишается смысла, если у судей нет права на несменяемость и независимость. Так, в деле *Starrs v. Ruxton* было признано нарушение прав истца на беспристрастный и справедливый суд ввиду рассмотрения его временно исполняющим обязанности шерифа, а не шерифом, прошедшим процедуру назначения на должность на постоянной основе⁵⁷. В связи с этим необходимо также упомянуть об Акте о конституционной реформе 2005 г. (Constitutional Reform Act 2005), который возложил на лорда-канцлера обязанность по обеспечению независимости судебной власти в целях поддержания верховенства права, назвав этот принцип в статье 1 действующим конституционным принципом, который данный акт никоим образом не нарушает.

Критика второго аспекта. А. В. Дайси совершенно упустил из виду тот факт, что иммунитетом от привлечения к ответственности в судебном порядке обладают, помимо указанных категорий граждан, и многие другие. Так, во времена Дайси не являлись субъектами уголовной ответственности дети моложе десяти лет, иностранные дипломаты, а также сам английский монарх. Более ограничен иммунитет у судей, поскольку они не несут ответственности за любые действия, связанные с исполнением ими своих обязанностей (*Anderson v. Gorrie*⁵⁸). Индемнитетом за высказывания, дебаты или голосование обладают члены английского парламента. Наконец, не могут привлекаться к ответственности британские тред-юнионы за причинение ущерба работодателям при объявлении забастовок⁵⁹.

Понимание Дайси равенства всех перед законом в том плане, что никто не может иметь больший объем прав или обязанностей, чем другие, оспаривает У. А. Дженнингс, так как не только должностные лица, но и обычные граждане могут иметь специальный статус, предоставляющий им особые права или налагающий дополнительные обязанности (автомобилисты и пешеходы, работники и безработные,

⁵⁵ EWCA Civ 804. 2003.

⁵⁶ 3 All ER 400. 1999.

⁵⁷ ScotHC HCJ 259. 2000.

⁵⁸ 1 QB 668. 1895.

⁵⁹ Ryan M., Foster S. *Unlocking Constitutional & Administrative Law*. 3rd ed. L.; N.Y.: Routledge, 2014. Pp. 127–128.

беременные женщины, присяжные и т.д.)⁶⁰. Р. Ф. В. Хьюстон критикует Дайси за его идею о том, что компетентные органы власти и должностные лица не могут иметь большой объем прав и обязанностей, чем обычные граждане: «Однако сотрудники газовой службы могут требовать от меня деньги за оплату газа по счетчику, а мой сосед – нет. Муниципалитет Оксфорда обязан обучать моих детей бесплатно, а университет Оксфорда – нет»⁶¹. Но при этом, как сказал лорд Райт, хотя исполнительная власть и наделена широкими полномочиями, правами и обязанностями, она отвечает перед судом за их реализацию так же, как и обычные граждане (*R v. Brixton Prison Governor, ex parte Soblen*⁶²). Еще большей критике Хьюстон подвергает отрицание Дайси административного права, хотя во многих случаях защита прав граждан в административном порядке должностными лицами во Франции осуществляется куда быстрее, чем судами общего права в Великобритании. Правовые нормы, регулирующие полномочия и обязанности публичных властей и должностных лиц, в Англии являются тем же самым административным правом, что и *droit administratif* во Франции. Административные трибуналы существуют во многих странах мира, что отнюдь не дает оснований считать их нарушающими верховенство права. В самой Великобритании со времен Дайси действует большое количество квазисудебных органов, рассматривающих дела в административном порядке, при предоставлении права обжалования решений таких органов в судах общего права⁶³. В настоящее время в высшем органе Великобритании – Верховном суде – создана специальная палата по административным делам.

Третий аспект верховенства права. Верховенство права, по Дайси, выступает как некий общий принцип английской конституции («господство» правового духа), наряду с законодательным верховенством парламента и правами граждан, которые сами являются продуктом судебного правотворчества. В конечном счете именно судебные решения определяют границы прав граждан, представших перед судом. Проще говоря, сама английская конституция выступает как продукт судебной деятельности, независимо от того, каким – плохим или хорошим – он кажется со стороны. Дайси писал, что неписанные принципы в английской конституции, касающиеся прав человека и установленные судебными прецедентами, являются простыми обобщениями, которые вытекают из решений или судебской позиции. Многие из них действительно вытекают из актов законодательства парламента, однако сами эти акты зачастую принимаются для удовлетворения потребностей граждан и потому имеют большое сходство с судебными решениями (то есть являются по сути своей актами Высокого суда парламента)⁶⁴. В силу этого конституционные права выступают составной частью английской конституции, несмотря на то что сам Дайси затруднялся составить полный перечень данных прав, оговорив, что британские суды оказывают

⁶⁰ *Jennings I. Op. cit. P. 11.*

⁶¹ *Heuston R. F. V. The Rule of Law // Heuston R. F. V. Essays in Constitutional Law. L.: Stevens, 1964. P. 40.*

⁶² 2 QB 243. 1963.

⁶³ *Михайлов А. М. Доктрина верховенства права: классическая интерпретация А. В. Дайси и юридический позитивизм // Право и практика. 2022. № 4. С. 13.*

⁶⁴ *Dicey A. V. Op. cit. P. 195.*

судебную защиту только тем правам, которые согласовываются с британскими конституционными традициями⁶⁵.

Для Дайси, как и для многих английских юристов, было характерно понимать право не как систему норм, содержащихся в нормативных актах, изданных королем или парламентом, но как стихийно сложившийся порядок отношений, основанный на традиционных вольностях подданных и обычаях, уходящих корнями в англосаксонский период. Такому пониманию правопорядка способствовало общее право, основанное на судебных прецедентах, чьим основным принципом было следование (*stare decisis*). Как пишет Р. Ф. В. Хьюстон, Дайси был сторонником вигов, а если точнее, он был примером юриста общего права, который даже не верит в существование статутного права. Настоящий юрист общего права считает правом только то, что может найти в судебных решениях, а статутное право замечает лишь в одном случае – когда оно противоречит общему праву⁶⁶. Акты парламента такими юристами воспринимаются зачастую как простые дополнения к уже сложившемуся порядку вещей, основанному на традициях английского народа. Король тоже обязан соблюдать традиционные вольности, потому что его правление в этом случае становится «лучше» (то есть легитимным) в глазах народа⁶⁷. Причем данные права выступают не источником, а следствием деятельности судей по осуществлению расширительного судебного толкования или подтверждению того, что устанавливает для защиты таких прав Habeas Corpus Act 1679, или Акт о лучшем обеспечении свободы подданного и о предупреждении заточений за морями 1679 г. Примечательно, что названный документ, в котором нет определения ни одного из прав, с точки зрения практического применения стоит больше многих статей конституций стран мира, гарантирующих свободу личности. По мнению Дайси, это обусловлено тем, что в странах континентальной Европы права граждан, в отличие от Англии, провозглашены в конституциях и могут быть приостановлены или прекращены. Как указывает Дайси на примере Бельгии, в странах континентальной Европы права частных лиц являются дедукцией из конституционных принципов, тогда как в Англии так называемые принципы конституции представляют собой индукции, или обобщения, основанные на отдельных решениях, вынесенных судами относительно прав частных лиц⁶⁸. Различие, с точки зрения Дайси, заключается в том, что в английской конституции нашла свое выражение неразрывная связь между средствами реализации права и самим правом, что является воплощением римского афоризма *ubi jus ibi remedium* («где право, там и средство его защиты»)⁶⁹.

⁶⁵ Дианов В. Н. Взаимодействие статутного права и общего права Англии в концепции господства права А. В. Дайси // Актуальные проблемы российского права. 2007. № 1 (4). С. 16.

⁶⁶ Heuston R. F. V. Op. cit. P. 40.

⁶⁷ Ершов В. В. Верховенство права – концепция или доктрина? // Российское правосудие. 2014. № 6 (98). С. 7.

⁶⁸ Аблаева Э. Б. Основные идеи Альберта Дайси о господстве права // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 1. С. 199.

⁶⁹ Темирбеков Ж. Р. Альберт Венн Дайси и концепция “rule of law” («верховенство права») // Право и государство. 2013. № 1 (58). С. 58.

Ярким примером этого выступает дело *Entick v. Carrington*, которое в учебниках оценивают как «возможно, центральное... в конституционном праве Англии»⁷⁰. В решении по делу суд признал незаконным выданный Государственным секретарем приказ об обыске, в ходе исполнения которого у писателя Дж. Энтика были изъяты письма крамольного содержания. Как установил суд, любое проникновение в частные владения является правонарушением, если на это нет согласия хозяина или нет строго установленного законом разрешения. Как сказал лорд Камден, рассматривавший дело, «право это то, что можно найти в наших судебных книгах. И если мы его там не найдем, то это не право»⁷¹. Т. Р. С. Аллан, оценивая данное решение, писал, что в случае злоупотребления властью дискреционными полномочиями по отношению к бесправным в административном плане гражданам верховенство права, выстраивающее стену (*bulwark*) или барьер между ними, является последним средством в конституционной защите прав и свобод этих граждан⁷².

Критика третьего аспекта. Особой критике Р. Ф. В. Хьюстон подвергает А. В. Дайси за утверждение, что права и свободы не носят позитивного характера, а выступают как некие общие принципы, которые защищаются судами общего права при рассмотрении дел частных лиц, представших перед судом. Действительно, многие права вытекают из Акта о лучшем обеспечении свободы подданного... и, соответственно, из судебных решений. Однако социальные права (на образование, здравоохранение, пенсионное обеспечение и т.д.) и ряд политических прав (избирательные права) установлены статутным публичным правом. Само становление в Великобритании социального государства было бы невысказанным, если бы верховенство права понималось в том смысле, какой вкладывал в него Дайси⁷³.

Э. Барендт критикует идею Дайси о том, что английские судьи являются защитниками прав и свобод граждан, которым угрожает произвол со стороны исполнительной власти. В действительности судьи часто выносили решения, создающие угрозы правам и свободам личности. Исправить сложившуюся судебную практику сама судебная власть, в силу необходимости следовать судебным прецедентам, уже не могла. И только парламент, принимая статут, запрещал ранее легализованные судами случаи произвольного ограничения прав и свобод граждан со стороны компетентных органов власти⁷⁴. Например, в деле *Malone v. Metropolitan Police Commissioner* английские суды признали законными прослушивание и запись телефонных переговоров подозреваемого в краже сотрудника почты, несмотря на отсутствие в Великобритании законодательных норм, разрешающих эти действия. Как сказал судья Мегарри, рассматривавший дело, «запись телефонных переговоров является законной, потому что нигде не закреплено, что это запрещено. Поэтому ни один суд

⁷⁰ *Parpworth N. Constitutional & Administrative Law. 10th ed. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 40.*

⁷¹ 19 St Tr 1030. 1765.

⁷² *Allan T. R. S. Constitutional Justice: A Liberal Theory of the Rule of Law. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 25.*

⁷³ *Heuston R. F. V. Op. cit. P. 48.*

⁷⁴ *Barendt E. Dickey and Civil Liberties // Public Law. 1985. Pp. 596–607.*

общего права не может признать действия полиции незаконными»⁷⁵. Незаконность действий полиции пришлось устанавливать уже Европейским судом по правам человека (*Malone v. The United Kingdom*⁷⁶). Можно привести еще немало подобных решений, значительно расширивших полномочия полиции по осуществлению арестов и обысков, пока принятый парламентом Акт о полиции и уголовных доказательствах 1984 г. (*Police and Criminal Evidence Act 1984*) не отменил их, а доказательства, полученные таким путем, не отнес к числу недопустимых. Принятие данного акта стало результатом в том числе анализа нашумевших дел («Бирмингемская шестерка», «Гилфордская четверка», «Магуайрская семерка»), связанных с деятельностью Ирландской республиканской армии, а также прецедента палаты лордов по делу *R v. Sang*, согласно которому сам факт незаконного получения доказательств не влечет автоматического признания их недопустимыми⁷⁷.

Вряд ли третий аспект верховенства права по Дайси в настоящее время можно понимать всерьез, так как большинство стран приняли писанные конституции, в которых предусмотрели разделы о правах человека. Важно также отметить, что современное значение верховенства права для английской правовой системы существенно изменилось после принятия Акта о правах человека 1998 г. (*Human Rights Act 1998*), что сблизило правовые системы Великобритании и континентальной Европы. В свое время Дайси критиковал эти страны за позитивный подход к регулированию прав и свобод. После имплементации Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод в национальную правовую систему любая интерпретация судами Соединенного Королевства конституционных прав граждан должна осуществляться в соответствии с конвенционными нормами и правовыми позициями Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), а в тех случаях, когда британские суды не могут своим толкованием исправить правовую норму в духе ее интерпретации ЕСПЧ, после принятия высшим судом декларации о несовместимости министр короны или парламент должны изменить оспоренную ЕСПЧ норму.

Пожалуй, самое сильное влияние на современное право Великобритании доктрина верховенства права оказала при проверке законности деятельности исполнительной власти по борьбе с терроризмом и незаконной миграцией. В деле *A v. Secretary for the Home Department* предметом рассмотрения стала установленная Актом о борьбе с терроризмом и преступлениями против национальной безопасности 2001 г. (*Anti-Terrorism, Crime and Security Act 2001*) возможность содержания под стражей лиц, подозреваемых в совершении террористических деяний, без судебного решения, если они не являются гражданами Великобритании и их невозможно депортировать в страну их гражданской принадлежности (ст. 23). Поскольку данная норма противоречила статье 5 (1)f Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, правительство объявило об отступлении от своих обязательств по Конвенции во время войны или иного чрезвычайного положения, угрожающего жизни нации, руководствуясь статьей 15 этого документа. Как постановила палата лордов,

⁷⁵ СН 344. 1979.

⁷⁶ App. 8691/79. 1984.

⁷⁷ AC 402. 1980.

такая ситуация влечет явно непропорциональное ограничение прав отдельных граждан в сравнении с обычными гражданами страны, в силу чего дальнейшее отступление правительства от своих обязательств по Европейской конвенции о защите прав человека на основании ее статьи 15 является недопустимым⁷⁸. Следуя решению палаты лордов по этому делу, парламент отменил Акт о борьбе с терроризмом и преступлениями против национальной безопасности 2001 г. и принял Акт о предупреждении терроризма 2005 г. (Prevention of Terrorism Act 2005), по которому не допускалось без решения суда содержание под стражей иностранцев, подозреваемых в террористических актах. В деле *Gillan v. UK* ЕСПЧ признал нарушением статьи 8 Европейской конвенции о защите прав человека статьи 44 и 45 Акта о терроризме 2000 г. (Terrorism Act 2000), которые предоставляли полиции широкие дискреционные полномочия задерживать и обыскивать лиц по подозрению в терроризме⁷⁹. Примечательно, что ранее палата лордов признала соответствующие статьи не нарушающими верховенство права (*R (Gillan) v. Commissioner of the Police of the Metropolis*)⁸⁰.

Вместе с тем следует отметить, что британские суды в ряде случаев не стали исполнять решения ЕСПЧ, указав, что они не обязательны для национальных судов либо что ЕСПЧ неправильно растолковал обстоятельства дела или применимое право и фундаментальные принципы (*Regina v. Boyd etc.*⁸¹; *R (on the application of Gentle) v. Prime Minister*⁸²; *Re G (Adoption: Unmarried Couple)*⁸³; *Rabone and another v. Pennine Care NHS Trust*⁸⁴; *R (on the application of Animal Defenders International) v. Secretary of State for Culture, Media and Sport*⁸⁵; *R (on the application of Quila) v. Secretary of State for the Home Department*⁸⁶; *Manchester City Council v. Pinnock*⁸⁷; *R v. Horncastle*⁸⁸; *R v. Secretary of State for Justice*⁸⁹; *McGeoch v. The Lord President of the Council*⁹⁰). Открыто до настоящего времени британский парламент отказался исполнять только решение ЕСПЧ по делу *Hirst v. United Kingdom (№ 2)*⁹¹. Но поскольку национальное законодательство было изменено, пусть и формально, так и не предоставив английским осужденным избирательные права, на чем настаивал ЕСПЧ, Комитет министров Совета Европы констатировал исполнение данного решения ЕСПЧ. Весной 2022 года премьер-министром Великобритании был разработан проект нового Билля о правах, легализующий право британских судов не исполнять решения ЕСПЧ, что сразу вызвало критику со стороны Совета Европы. Однако уже 27 июля 2023 года данный законопроект

⁷⁸ EWCA Civ 1123. 2005.

⁷⁹ 28 BHRC 420 (Application No 4158/05). 2010.

⁸⁰ UKHL 12. 2006.

⁸¹ UKHL 31. 2002.

⁸² UKHL 20. 2008.

⁸³ UKHL 30. 2008.

⁸⁴ UKSC 2. 2012.

⁸⁵ UKHL 15. 2008.

⁸⁶ UKSC 45. 2011.

⁸⁷ UKSC 45 & 2011 UKSC 6. 2010.

⁸⁸ UKSC 14. 2009.

⁸⁹ UKSC 2. 2016.

⁹⁰ UKSC 65. 2013.

⁹¹ Case 74025/01 ECHR 681). 2005.

был отозван, в том числе из-за критики Совета Европы и английских юристов по мотивам его противоречия принятым на себя Великобританией международным обязательствам и принципу верховенства права. Так что вопрос о соотношении национального и международного правопорядков при помощи одной только концепции верховенства права в понимании Дайси вряд ли может быть решен однозначно.

Описанные судебные прецеденты показывают, какое влияние оказала концепция верховенства права Дайси на развитие права даже в свете той критики, которая была высказана. По сей день в таком понимании верховенства права остаются открытыми вопросы о формах национального и международного права, разграничении права и неправа, а также об ограничении судами полномочий парламента и правительства. Третий аспект верховенства права в настоящий момент в большинстве стран, принявших писанные конституции, отвергается. К первым двум аспектам тоже есть немало вопросов со стороны юридического сообщества. И все же, несмотря на критику, на сегодняшний день разработанный А. В. Дайси принцип “the rule of law” перестал быть тем, что свойственно только странам общего права. Не зря данное понятие можно найти в преамбуле Всеобщей декларации прав человека ООН 1948 г., в Уставе Совета Европы 1949 г. и Европейской конвенции о защите права человека и основных свобод 1950 г., а также в конституциях 115 стран⁹². В докладе Венецианской комиссии, в которой при освещении современного понимания верховенства права работам Дайси уделено значительное внимание, сделан вывод о том, что понятие «верховенство права» является одним из столпов деятельности Совета Европы, наряду с понятиями «права человека» и «демократия»⁹³.

Библиографический список

Аблаева Э. Б. Основные идеи Альберта Дайси о господстве права // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 1. С. 194–203.

Дианов В. Н. Взаимодействие статутного права и общего права Англии в концепции господства права А. В. Дайси // Актуальные проблемы российского права. 2007. № 1 (4). С. 14–20.

Ершов В. В. Верховенство права – концепция или доктрина? // Российское правосудие. 2014. № 6 (98). С. 5–17.

Крайгир М. Верховенство права (и Rechtsstaat) // Доктрины правового государства и верховенства права в современном мире: сб. ст. / отв. ред. В. Д. Зорькин, П. Д. Баренбойм. М.: ЛУМ: Юстицинформ, 2013. С. 470–491.

Михайлов А. М. Доктрина верховенства права: классическая интерпретация А. В. Дайси и юридический позитивизм // Право и практика. 2022. № 4. С. 5–23. DOI: 10.24412/2411-2275-2022-4-5-23.

⁹² *Шевченко М. И.* Принцип верховенства права как основа конституции Великобритании: теория, практика и перспективы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. С. 34.

⁹³ Доклад о верховенстве права: утв. Венецианской комиссией на 86-й пленарной сессии (Венеция, 25–26 марта 2011 г.). URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2011\)003rev-rus](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2011)003rev-rus).

Михайлов А. М. Становление и развитие доктрины верховенства права в английской юридической мысли // *Genesis: исторические исследования.* 2023. № 9. С. 22–44. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.9.38833.

Темирбеков Ж. Р. Альберт Венн Дайси и концепция “rule of law” («верховенство права») // *Право и государство.* 2013. № 1 (58). С. 57–60.

Шевченко М. И. Принцип верховенства права как основа конституции Великобритании: теория, практика и перспективы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024.

Allan T. R. S. *Constitutional Justice: A Liberal Theory of the Rule of Law.* Oxford: Oxford University Press, 2001.

Allen M. J., Thompson B. *Constitutional and Administrative Law.* 8th ed. Oxford: Oxford University Press, 2005.

Barendt E. *Dicey and Civil Liberties* // *Public Law.* 1985. Pp. 596–607.

Bingham T. *The Rule of Law.* L.; N. Y.: Allen Lane, 2010.

Craig P. P. *Public Law and Democracy in the United Kingdom and in the United States of America.* Oxford: Clarendon, 1990.

Davis K. C. *Discretionary Justice: A Preliminary Inquiry.* Chicago: University of Illinois Press, 1971.

Dicey A. V. *Introduction to the Study of the Law of the Constitution.* L.: Macmillan, 1985.

Jennings I. *The Law and the Constitution.* 5th ed. L.: University of London Press, 1959.

Jowell J. *The Rule of Law Today* // *The Changing Constitution* / ed. by J. Jowell, C. O’Cinneide. 9th ed. Oxford: Oxford University Press, 2019. Pp. 3–28. DOI: 10.1093/he/9780198806363.003.0001.

Heuston R. F. V. *The Rule of Law* // *Heuston R. F. V. Essays in Constitutional Law.* 2th ed. L.: Stevens, 1964. Pp. 32–57.

Lord Woolf. *The Rule of Law and a Change in the Constitution* // *The Cambridge Law Journal.* 2004. Vol. 63, № 2. Pp. 317–330. DOI: 10.1017/S0008197304006592.

Parpworth N. *Constitutional & Administrative Law.* 10th ed. Oxford: Oxford University Press, 2018.

Raz J. *The Authority of Law: Essay on Law and Morality.* Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press, 1979.

Ryan M., Foster S. *Unlocking Constitutional & Administrative Law.* 3rd ed. L.; N. Y.: Routledge, 2014.

Smith A. T. H. *Comment* // *Public Law.* 1985. Pp. 608–614.

Ex jure

Информация для цитирования

Худoley К. М. Концепция верховенства права А. В. Дайси и ее значение // *Ex jure.* 2025. № 4. С. 114–134. DOI: 10.17072/2619-0648-2025-4-114-134

Khudoley K. M. The Concept of the Rule of Law by A. V. Dicey and Its Meaning. *Ex jure.* 2025. № 4. Pp. 114–134. DOI: 10.17072/2619-0648-2025-4-114-134

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

УДК 347.1

DOI: 10.17072/2619-0648-2025-4-135-147

Теоретическая ценность категории секундарных прав для российской юридической науки

Е. А. Балмашнов

Аспирант кафедры гражданского права

Уральский государственный юридический университет
имени В.Ф. Яковлева

620066, Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21

E-mail: egor020601@mail.ru

Аннотация: *в статье рассматривается категория секундарных прав, введенная в научный оборот Эмилем Зеккелем в начале XX столетия. В последнее время упомянутая категория получила распространение в российской юридической науке и используется для обоснования различных правовых идей. Между тем, как отмечает автор статьи, теория секундарных прав является предметом споров в науке и не достигла еще уровня научной разработки, достаточного для формулирования абстрактных правил поведения, общих для всех обнимаемых понятием правовых явлений, что в конечном счете является целью всякой юридической конструкции. При этом ставится под сомнение ценность понятия секундарных прав для получения полезных в прикладном и теоретическом плане знаний.*

Ключевые слова: *секундарные права; субъективное право; сделки; эксцепция; организационные отношения*

© Балмашнов Е. А., 2025

Эта работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

The Theoretical Value of the Category of Second Rights for the Russian Legal Science

E. A. Balmashnov

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
21, Komsomolskaya st., Yekaterinburg, 620066, Russia

E-mail: egor020601@mail.ru

Abstract: *the article deals with the category of secondary rights introduced into scientific circulation by Emil Zeckel in the early XX century. Recently, the mentioned category has become widespread in Russian legal science and is used to justify various legal ideas. The article notes, meanwhile, that the theory of secondary rights is a subject of disputes in science and has not yet received a level of scientific development sufficient to formulate abstract rules of behaviour common to all legal phenomena covered by the concept, which is ultimately the purpose of any legal construction. At the same time, the value of the concept of secondary rights for the purposes of obtaining knowledge useful in applied and theoretical terms is questioned.*

Keywords: *secondary rights; subjective right; transactions; exclusion; organizational relations*

Одной из важнейших категорий юридической науки является субъективное право. Андреас фон Тур называл его центральным понятием частного права и в то же время конечной абстракцией от многообразия правовой жизни¹. Правонаделение как характерная черта метода гражданского права предполагает, что именно через наделение субъектов правами оно воздействует на общественные отношения. Возложение же юридических обязанностей имеет второстепенное значение, лишь постольку, поскольку необходимо обеспечить реализацию субъективного права.

Наука права разработала целый ряд классификаций субъективных прав, и в качестве одного из видов ею выделяются секундарные права. В последнее время в отечественной цивилистике возрос интерес к этой категории. О секундарных правах защищаются диссертации², публикуются статьи³. Иногда категория секундарных прав

¹ *Tuhr A. von. Der Allgemeine Teil des Deutschen Bürgerlichen Rechts. Bd. 1: Allgemeine Lehren und Personenrecht. Leipzig: Duncker & Humblot, 1910. S. 54.*

² См., например: *Бабаев А. Б. Проблема секундарных прав в российской цивилистике: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.; Кравченко А. А. Секундарные права в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.*

³ См., например: *Лассен Т. Преобразовательные права (gestaltungsrechte) по немецкому праву // Вестник гражданского права. 2018. Т. 18, № 5. С. 139–168.*

используется для решения теоретических и практических проблем гражданского права.

Между тем представляется, что само понятие секундарного права, несмотря на столетие с момента его введения в научный оборот профессором Эмилем Зеккелем, не обладает достаточной определенностью. Более того, неочевидно, по мнению автора настоящей статьи, что эта категория вообще способна к имплементации в терминологический аппарат российской цивилистики. Деление субъективных гражданских прав на виды (абсолютные – относительные, обязательственные – вещные, имущественные – неимущественные и т.д.) имеет строго целевое назначение – установление и применение абстрактных правил поведения. Квалификация права в качестве того или иного вида нужна, чтобы делать значимые для права выводы. Иными словами, для любой классификации необходим юридический смысл ее выделения. Для построения ценной для юридической науки теории секундарных прав следует прежде всего определить закономерности, свойственные всем их видам. Поиску таких закономерностей, а также теоретической ценности категории секундарных прав и посвящено данное исследование.

Итак, рассматриваемое понятие впервые было сформулировано профессором Э. Зеккелем в работе «Секундарные права в гражданском праве»⁴. Проблемы начнутся уже при первом приближении к этому произведению. Дело в том, что сам Зеккель назвал особую группу субъективных гражданских прав, которые он исследовал, преобразовательными правами (*Gestaltungsrechte*), а не секундарными (*Sekundare Rechte*). Последнее наименование появилось позднее и связано с именем А. фон Тура, рассматривавшего его как родовое по отношению к преобразовательным правам⁵. В немецкой юридической литературе именно понятие «преобразовательные права» вошло в широкий научный обиход. В России же одни авторы называют исследуемые субъективные права секундарными, другие – преобразовательными.

Э. Зеккель в качестве эмпирического базиса использовал целый ряд прав, как известных отечественному гражданскому праву (например, право на расторжение договора, право на оспаривание сделок, право на расторжение брака, право требовать установления или оспаривания отцовства, право на зачет встречных однородных требований, право на уменьшение размера неустойки, право выбора в альтернативных обязательствах), так и неизвестных ему. Автор выделяет два абстрактных признака интересующих его прав: во-первых, способ осуществления – посредством совершения односторонней сделки (в ряде случаев с необходимостью совершения государственного акта как завершающего элемента фактического состава); во-вторых, содержание – в одностороннем порядке создать, изменить или прекратить одно из

⁴ Знаменитая работа Э. Зеккеля, неоднократно впоследствии издававшаяся, изначально представляла собой запись доклада в Берлинском юридическом обществе, читанного 23 мая 1903 года. Как будет видно в дальнейшем, произведение Зеккеля является программным трудом, скорее намечающим направления будущих исследований, чем формулирующим скольконибудь полную теорию секундарных прав.

⁵ *Третьяков С. В.* Формирование концепции секундарных прав в германской цивилистической доктрине (К публикации русского перевода работы Э. Зеккеля «Секундарные права в гражданском праве») // Вестник гражданского права. 2007. Т. 7, № 2. С. 260.

прав господства (категория прав, противопоставляемая Э. Зеккелем вторичным правам) или иное правоотношение⁶.

На основе выделенных признаков Зеккель формулирует определение вторичных прав: субъективное (конкретное) частное право, содержанием которого является возможность установить (преобразовать) конкретное юридическое отношение посредством односторонней сделки. Аналогичное определение приводится и в авторитетном учебнике по общей части немецкого гражданского права К. Ларенца и М. Вольфа⁷. С тем лишь исключением, что в этом случае авторы говорят об одностороннем акте (*einseitigen Akt*), а не сделке (*Rechtsgeschäft*). Не изменяя существа определения, но сместив акцент в пользу односторонности изменения правовой ситуации, дал определение А. фон Тур⁸.

Относительно существования вторичных прав в рамках или вне рамок правоотношения в литературе сложились различные точки зрения. Рассмотрим, например, право на зачет встречных однородных требований. Традиционной (во всяком случае для отечественного правопорядка) является точка зрения, что всякому праву корреспондирует юридическая обязанность. Между тем едва ли можно представить себе такую обязанность у лица, получающего заявление о зачете. В ряде случаев (например, когда по зачитываемому обязательству уже были уплачены проценты или неустойка) с учетом ретроспективного эффекта этого способа прекращения обязательства у стороны, воспринимающей заявление о зачете (компенсата), возникает обязанность возратить полученные проценты. Однако эта обязанность является содержанием уже другого – кондикционного – обязательственного правоотношения. Само это обязательство возникает в качестве юридического последствия осуществления права на зачет, как результат преобразования правоотношения. Равным образом дело обстоит с правом на оспаривание сделки. Если суд признал оспоримую сделку недействительной, в качестве последствия по общему правилу возникает реституционное обязательство (ст. 167 ГК РФ⁹). Однако обязанность возратить полученное по недействительной сделке, во-первых, возникает обычно у обеих сторон и, во-вторых, никак не корреспондирует праву требовать недействительности. Поэтому, например, в Германии оспаривание сделки осуществляется посредством одностороннего внесудебного заявления заинтересованного лица, обращенного к другой стороне сделки или к лицу, в отношении которого совершена односторонняя сделка либо которое является выгодоприобретателем по ней (§ 143 BGB¹⁰)¹¹. В судебном порядке впоследствии может быть осуществлено взыскание полученного по сделке.

⁶ Зеккель Э. Вторичные права в гражданском праве // Вестник гражданского права. 2007. Т. 7, № 2. С. 208.

⁷ Larenz K., Wolf M. Allgemeiner Teil des Bürgerlichen Rechts. München: C. H. Beck, 2004. S. 266.

⁸ Третьяков С. В. Указ. соч. С. 259.

⁹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон РФ от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ: принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г. (ред. от 31.07.2025).

¹⁰ BGB (Bürgerliches Gesetzbuch) – Германское гражданское уложение 1896 г.

¹¹ Тузов Д. О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. М.: Статут, 2007. С. 136.

При такой модели хорошо видно разделение права на оспаривание и реституционного требования, первое из которых секундарное, второе – обязательственное.

Вместе с тем иногда говорят о корреспондирующей секундарному праву обязанности лица принять преобразование и дозволить его действие в отношении себя¹². На такой точке зрения стоит, например, А. А. Кравченко: наряду с обычными признаками вмешательства и односторонности осуществления секундарных прав он выделяет признак их обеспеченности обязанностью претерпевания (*pati*)¹³. Традиционно содержание обязательства (вслед за знаменитым определением Павла) описывают тремя латинскими глаголами: *dare, facere, praestare*¹⁴. Для содержания негативного обязательства используют термин *non facere*. Между тем в литературе поднимался вопрос, не стоит ли к двум видам обязанностей (активного типа – *facere* и пассивного – *non facere*) добавить обязанности претерпевания. М. М. Агарков писал об этом делении так: «На вопросе о различии *non facere* и *pati* приходится останавливаться лишь для того, чтобы в дальнейшем не считаться с этим ненужным делением». И далее: «Этой теме незаслуженно много внимания уделила германская литература»¹⁵. М. М. Агарков критиковал разделение негативных обязанностей *non facere* и *pati*. Во-первых, он считал, что всякую обязанность *pati* можно назвать обязанностью *non facere*; во-вторых – что какого-либо правового смысла в разграничении не усматривается. И в том и в другом случае кредитор может требовать прекращения противоправного поведения и, если данная возможность предусмотрена, возмещения убытков¹⁶.

Однако М. М. Агарков высказывался о так называемых «обязанностях по претерпеванию» вообще, а не применительно к секундарным правам конкретно. Против выделения корреспондирующей секундарному праву обязанности можно выдвинуть следующие соображения. Как уже говорилось, одной из характерных черт метода гражданского права является правонаделение¹⁷. Это означает, что его воздействие на общественные отношения осуществляется прежде всего посредством предоставления их участникам субъективных прав. Юридические же обязанности существуют постольку, поскольку они необходимы для реализации субъективных прав. Секундарные права, как уже было сказано, осуществляются посредством одностороннего вмешательства. Воля другой стороны для наступления преобразовательного эффекта

¹² Об этом, например, пишет доктор права Т. Лассен со ссылкой на ряд немецких авторов. См.: Лассен Т. Указ. соч. С. 141.

¹³ Кравченко А. А. Секундарные права в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 19.

¹⁴ См., например: Дернбург Г. Пандекты. Т. 2, вып. 3: Обязательственное право / пер. с нем. под ред. П. Соколовского; ред.: А. Э. Вормс, И. И. Вульфферт. 3-е изд. М.: Печатня А. Снегиревой, 1911. С. 63–64.

¹⁵ Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. С. 175–176.

¹⁶ Там же. С. 32.

¹⁷ Яковлев В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений: учеб. пособие. Свердловск: [Б.и.], 1972. С. 85.

не требуется¹⁸. Таким образом, нет никакого юридического смысла в том, чтобы возлагать обязанность на другую (воспринимающую преобразование) сторону, субъективное право в данном случае «справится» само и не нуждается в «помощи» юридической обязанности. Кроме того, обязанности свойственен признак принудительной осуществимости на случай неисполнения. Проще говоря, обязанность – это то, что можно нарушить, за чем при известных условиях последует государственное принуждение. На волевое начало обязанности обращает внимание и А. Б. Бабаев: «Исполнение обязанности представляет собой волевое действие субъекта. Обязанное лицо имеет выбор исполнять обязанность или не исполнять, то есть совершить действие, нарушающее право другого субъекта»¹⁹. Обязанность претерпевания с учетом сказанного представляется беспредметной, не имеющей никакого юридического смысла. Потому следует согласиться с теми учеными, которые не усматривают корреспондирующих секундарным правам юридических обязанностей.

Традиционно субъективные гражданские права подразделяются на абсолютные и относительные. Место секундарных прав в этом делении стало предметом споров в литературе. Э. Зеккель писал о том, что секундарные права являются особой группой субъективных прав, которой противопоставляются права господства (*die Herrschaftsrechte* – абсолютные и относительные права)²⁰. К этой позиции примыкают К. Ларенц и М. Вольф²¹.

Между тем некоторые отечественные авторы рассматривают секундарные права в качестве относительных²². А. Б. Бабаев аргументирует вывод об относительной природе секундарных прав следующим образом. Во-первых, он сравнивает секундарные права с абсолютными и утверждает, что «вызывает сомнения сама возможность существования ситуации, когда все субъекты помимо их воли оказываются связанными действиями строго определенного лица»²³. Отсюда он делает заключение: коль скоро секундарные права не могут быть абсолютными – значит, они являются относительными. Однако, пишет А. Б. Бабаев, не являются они и обязательственными правами, так как этим последним свойственно, что интерес правообладателя реализуется через действия обязанного субъекта, а секундарные права осуществляются активным поведением управомоченного. Таким образом, секундарные права, по мнению А. Б. Бабаева, являются особыми (не обязательственными) относительными правами.

¹⁸ Как пишут К. Ларенц и М. Вольф, возможность вмешательства в чужую правовую сферу является исключением из принципа необходимости согласия заинтересованного лица (*Larenz K., Wolf M. Op. cit. P. 267*). Иначе говоря, секундарные права – исключение из принципа автономии воли.

¹⁹ Бабаев А. Б. Указ. соч. С. 11.

²⁰ Зеккель Э. Указ. соч. С. 208.

²¹ *Larenz K., Wolf M. Op. cit. P. 266*.

²² Бабаев А. Б. Указ. соч. С. 12; Кравченко А. А. Указ. соч. С. 19; Гражданское право: учеб.: в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. М.: Статут, 2019. Т. 3: Обязательственное право. С. 92 (автор главы – В. С. Ем).

²³ Бабаев А. Б. Указ. соч. С. 12.

Между тем, как нам представляется, само основание деления прав на абсолютные и относительные исключает возможность отнесения секундарных прав и к тем, и к другим. Субъективное право является абсолютным или относительным в зависимости от характера юридической связи между обязанным и управомоченным: относительное право (в правоотношении) противопоставлено обязанности конкретного лица или конкретных прямо определенных лиц, абсолютное же право противопоставляется сразу всем третьим лицам. Абсолютные и относительные права всегда существуют в правоотношении. Ранее мы уже сделали вывод о том, что секундарным правам обязанность в строгом юридическом смысле слова не противопоставляется и сами по себе они не создают правоотношения (поскольку им не корреспондирует обязанность). Предположение об отнесении интересующих нас прав к относительным принципиально исключается. Следует согласиться с идеей Э. Зеккеля о том, что секундарные права составляют особую группу субъективных гражданских прав и не принадлежат ни к относительным правам, ни к обязательственным.

Односторонний характер вмешательства в правовую сферу другого лица – ключевой признак секундарных прав – является, как уже было сказано, исключением из принципа автономии воли. Иногда такие исключения делаются по необходимости (например, расторжение договора вследствие противоправного поведения должника, оспаривание сделки и т.д.), иногда – ради удобства (как в случае зачета встречных однородных требований). Так или иначе правовые возможности обладателя секундарного права не могут быть безграничными и нуждаются в построении известных пределов осуществления. К. Ларенц и М. Вольф видят такие пределы: а) в установлении основания секундарного права законом или договором; б) в воспринимаемости преобразовательного эффекта; в) в ограниченности в ряде случаев осуществления секундарного права сроком²⁴. И действительно, например, право на зачет определяется условиями встречности, однородности, зрелости, осуществимости требований, а в отдельных правопорядках также условием их ликвидности (Франция, Италия); заявление о зачете является сделкой, требующей восприятия, а само право на зачет ограничено сроком исковой давности по активному требованию (ст. 411 ГК РФ). Право акцептовать оферту проистекает из закона и собственно направления оферты; акцепт оферты должен быть: а) полным и безоговорочным (п. 1 ст. 438 ГК РФ); б) по общему правилу активным (п. 2 ст. 438 ГК РФ); а также в) совершенным в срок для принятия оферты, если таковой установлен. Секундарные же права, которые требуют дополнительного обращения в суд, как то: право на оспаривание сделки, расторжение брака, расторжение договора, – имеют строго определенные законом условия, а восприятие их осуществления достигается посредством процессуальных процедур (например, в результате исполнения обязанности истца направить ответчику копию искового заявления – ч. 3 ст. 125 АПК РФ²⁵; п. 6 ст. 132 ГПК РФ²⁶).

²⁴ *Larenz K., Wolf M. Op. cit. Pp. 267–269.*

²⁵ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ: принят Гос. Думой 14 июня 2002 г.: одобрен Советом Федерации 10 июля 2002 г. (ред. от 01.04.2025).

Вообще необходимость обосновать исключения из принципа автономии воли, которые в ряде случаев делает законодатель, и признать их допустимыми для гражданского права, установив известные пределы осуществления, вероятно, является одной из теоретических задач теории вторичных прав.

Теперь, бегло рассмотрев основные сущностные признаки вторичных прав и обнаружив уже немалые споры в науке, перейдем к главному – собственно ценности, которую исследуемая категория имеет для цивилистики. Ведь субъективное право как юридическая конструкция имеет прикладное назначение – участвовать в механизме правового регулирования, проводя абстрактные предписания закона в жизнь. Как пишет Б. М. Гонгало, «в отличие от “чистого искусства” “чистая юриспруденция” не имеет права на существование»²⁷. Поэтому, конечно, при выявлении и введении в научный оборот той или иной категории возникает стремление узнать, каково ее правовое значение. Иными словами, какие общие правила можно «привязать» к абстрактной юридической конструкции и затем использовать при применении более конкретных предписаний закона.

Автору настоящей работы думается, что теория вторичных прав, слабо разработанная и воспринятая отечественной доктриной, мало что может предложить юристу. Как пишет С. В. Третьяков, «без серьезного сравнительно-правового и догматического исследования, призванного определить критерии перенесения иностранных юридических конструкций, эти конструкции в чужеродной правовой среде в лучшем случае будут выполнять “эстетическую” функцию, заняв место в очередной классификации»²⁸. Однако на «эстетическую» роль в российской цивилистике вторичные права «обречены» еще и в силу неопределенности, нестройности и неразработанности идеи и в отечественном, и в зарубежном праве.

Между тем, как представляется автору настоящей статьи, искать практическую пользу рассматриваемой категории прав с уверенностью можно разве что в области цивилистического процесса. Как отмечалось ранее, вторичным правам свойственно существование в отсутствие корреспондирующей юридической обязанности. Также было сказано, что в ряде случаев их реализация требует обращения в суд. Осуществляется данное обращение в форме преобразовательного иска. Таков, например, порядок осуществления прав на оспаривание сделки, расторжение брака, расторжение договора, раздел общего имущества супругов. Однако в случае, скажем, с правом на уменьшение размера неустойки (ст. 333 ГК РФ) применяется конструкция процессуального возражения (эксцепции). Право на зачет встречных однородных требований может быть реализовано в процессе как посредством вчинения встреч-

²⁶ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ: принят Гос. Думой 23 окт. 2002 г.; одобрен Советом Федерации 30 окт. 2002 г. (ред. от 31.07.2025).

²⁷ Гражданское право: учеб.: в 2 т. / под ред. Б. М. Гонгало. 4-е изд., перераб. и испр. М.: Статут, 2021. Т. 1. С. 82.

²⁸ Третьяков С. В. Указ. соч. С. 269.

ного иска (ст. 138 ГПК РФ; п. 3 ст. 132 АПК РФ), так и в форме эксцепции или внепроцессуального заявления о зачете²⁹.

Между тем процессуальная форма искового производства является отражением конструкции материального (исторически, видимо, обязательственного) правоотношения, в котором процессуальная личность истца соотносится с управомоченным лицом, а ответчика – с обязанным. Под предметом иска традиционно понимается материально-правовое требование (!) истца к ответчику. Вообще исковое производство предназначается для защиты нарушенного или оспариваемого права, тогда как вторичные права в такой защите не нуждаются совсем, ведь результат их осуществления возникает без участия и контроля других лиц и не может быть нарушен.

В итоге в ряде случаев складывается парадоксальная картина: преобразовательные требования о расторжении брака и разделе общего имущества супругов происходят в форме искового производства. Между тем ни одна из сторон такого процесса не является по отношению к другой обязанным субъектом: как расторжение брака, так и раздел общего имущества есть право, а не обязанность супругов. Принцип свободы брака позволяет каждому из них в любой момент и без мотивов в виде правонарушения второго супруга расторгнуть брак. Однако в исковом производстве суд выявляет «победившую» процессуальную сторону и «проигравшую», что имеет значение, в частности, для распределения судебных расходов. Выходит, что супруг, который проявил инициативу в расторжении брака или разделе имущества, оказывается «победившей» стороной процесса только потому, что первым обратился в суд. Та же ситуация возникает и при обращении в суд со встречным иском, направленным к зачету первоначального. Как истец, так и ответчик по первоначальному иску вправе заявить о зачете. И только потому, что ответчик первым заявил о зачете в форме встречного иска (или, кстати, возражения), он окажется «победителем» процесса, несмотря на (а) наличие созревшего и неисполненного долга и (б) свое пассивное поведение в прошлом. С учетом ретроспективного действия зачета это лишает истца по первоначальному иску возможности получить даже сумму неустойки и стать через это хотя бы частично победившей стороной. Аналогично, пожалуй, сложилось бы дело и с возражением об уменьшении размера неустойки, но Верховный Суд РФ предусмотрел на этот случай отказ от неблагоприятного процессуального последствия для истца в виде возмещения пропорциональной части судебных расходов ответчика (п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 января 2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек,

²⁹ Этот подход получил закрепление в абстрактных разъяснениях высшей судебной инстанции не сразу. Так, Высший Арбитражный Суд РФ в первом же пункте Обзора практики разрешения споров, связанных с прекращением обязательств зачетом встречных однородных требований (Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 29 дек. 2001 г. № 65), разъяснял, что зачет в уже установленном процессе возможен лишь в форме встречного иска. Однако Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 11 июня 2020 г. № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» допустил уже все три способа зачета: 1) процессуальным возражением, 2) встречным иском, 3) внепроцессуальным заявлением с последующим указанием на факт зачета в возражении на иск.

связанных с рассмотрением дела»). Это стремление высшей инстанции избежать несправедливости лишний раз доказывает органическое неприятие иском процессом преобразовательных требований.

И все же некоторые секундарные права связаны с неправомерным поведением субъекта, в чью правовую сферу вмешивается управомоченный. Для отграничения таких секундарных прав А. А. Кравченко ввел классификацию на регулятивные и охранительные секундарные права. Первые реализуются на основании регулятивной нормы и в отсутствие правонарушения, вторые – на основании нормы охранительной и при наличии правонарушения³⁰. Практическую ценность предложенного деления А. А. Кравченко видит в обусловленности или необусловленности реализации секундарного права правонарушением.

Между тем можно пойти дальше и сделать куда более ценные выводы. Например, если речь идет о регулятивных секундарных правах (расторжение брака, раздел имущества, зачет, акцепт оферты, расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств, установление отцовства, уменьшение размера неустойки, право выбора в альтернативном обязательстве, преимущественное право покупки и т.д.), то можно усмотреть: а) тенденцию к преимущественно (иногда – исключительно) внесудебному осуществлению таких прав и обращению в суд только в случае спора или необходимости доскональной проверки наличия оснований права; б) потребность в особой процессуальной форме либо некоторых послаблениях, связанных с отсутствием «проигравшей» стороны.

Когда же мы говорим об охранительных секундарных правах, основанных на правонарушениях другой стороны (в ряде случаев оспаривание сделок³¹, расторжение договора в связи с существенным нарушением обязательства, признание брака недействительным и т.д.), то видим пригодность искового процесса, предопределяемую заведомо неправомерным поведением ответчика, явившимся основанием секундарного права. Здесь одна сторона «обвиняет» другую, а суд признает одну из них «проигравшей» процесс.

Конечно, было бы неверно утверждать, что лишь этим и далее будет исчерпываться значение категории секундарных прав. Автор надеется, что незначительная теоретическая и практическая роль этой юридической конструкции обусловлена главным образом слабым ее развитием, наличием множественных споров в доктрине и лишь недавним возникновением интереса к ней отечественной цивилистики.

³⁰ Кравченко А. А. Указ. соч. С. 25.

³¹ Не так много оснований недействительности сделок можно отнести к связанным с правонарушением. Таковы, в частности, сделки юридического лица, совершенные в противоречии с целями его деятельности (ст. 173 ГК РФ) и без необходимого в силу закона согласия третьего лица (ст. 173.1 ГК РФ). В обоих приведенных случаях необходимо, чтобы ответчик знал или должен был знать о пороке сделки для признания ее недействительной. Другие составы связаны с противоправным поведением другой стороны (или выгодоприобретателя по односторонней сделке) лишь условно. Таковы, например, сделки, совершенные гражданином с недостаточной дееспособностью (ст. 171, 172, 175, 176 ГК РФ). В этих случаях субъективная добросовестность другой стороны по сделке имеет значение для возложения на нее обязанности по возмещению убытков, то есть допускается как знание, так и незнание о пороке сделки.

Одним из направлений развития учения о вторичных правах может быть следующее. Есть такие авторы, которые открывают новую, доселе не исследованную область предмета той или иной науки, как бы давая начало дискуссии. В своих программных трудах они лишь крупными мазками намечают контур будущей стройной и полной теоретической модели. К таким авторам можно отнести Эмиля Зеккеля, а к таким произведениям – его доклад «Вторичные права в гражданском праве». Ученый не ответил на большую часть вопросов, которые сам же поставил перед собой и перед наукой права, но при этом открыл полемику, которая не прекращается по сей день, несмотря на столетие, прошедшее с момента опубликования работы. К этой же категории ученых можно отнести, пожалуй, О. А. Красавчикова с его программной работой «Гражданские организационно-правовые отношения». Однако сравнение не следует ограничивать лишь ролью двух упомянутых авторов в цивилистической науке. Как представляется пишущему эти строки, есть нечто общее и в предложенных ими теоретических конструкциях. Практически интуитивно обнаруживается связь между организационными отношениями и вторичными правами.

Связь эта видится в следующем. Первое: как организационные отношения, так и вторичные права характеризуются особенностью своего содержания. Организационные отношения, как писал О. А. Красавчиков, имеют содержанием организационные действия, направленные на упорядочение «организуемых» отношений³². Содержание же вторичных прав, как мы выяснили ранее, это преобразование прав господства. Очевидно, что содержание и тех и других состоит в воздействии на «основные» (преобразуемые и организуемые) имущественные или личные неимущественные правоотношения.

Второе. О. А. Красавчиков среди видов организационно-правовых отношений выделял организационно-предпосылочные. Э. Зеккель же писал о правосоздающих вторичных правах. Примеров можно привести массу: право на акцепт оферты, право присвоения бесхозных вещей, право на принятие наследства, право преимущественной покупки. К организационно-предпосылочным отношениям О. А. Красавчиков причислял, в частности, заключение договоров, отношения из организационных соглашений. Среди последних – договор об организации перевозок (ст. 798 ГК РФ³³). Перевозка грузов, предусмотренных такими договорами, железнодорожным транспортом осуществляется на основании принятых заявок (ст. 10 УЖТ³⁴). Право грузоотправителя на направление такой заявки можно рассматривать как вторичное, ведь оно осуществляется односторонним действием и создает на стороне перевозчика обязанность рассмотреть заявку и затем согласовать ее или отказать в согласовании в предусмотренных законом случаях (ст. 11 УЖТ). Как писал М. М. Агарков, «правоотношение, согласно коему железная дорога обязана перевезти груз, основано на

³² Красавчиков О. А. Гражданские организационно-правовые отношения // Антология уральской цивилистики. 1925–1989: сб. ст. М.: Статут, 2001. С. 162.

³³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федер. закон от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ: принят Гос. Думой 22 дек. 2005 г. (ред. от 24.06.2025).

³⁴ Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации: Федер. закон от 10 янв. 2003 г. № 18-ФЗ: принят Гос. Думой 24 дек. 2002 г.: одобрен Советом Федерации 27 дек. 2002 г. (ред. от 31.07.2025).

осуществлении грузоотправителем принадлежащего ему права односторонним волеизъявлением создать это правоотношение»³⁵. Труднее привести примеры, корреспондирующие с другими видами организационных отношений, такими как делегирующие, контрольные или информационные отношения. Примером вторичного права, соотносящегося с контрольными отношениями, можно считать право принимать решения по управлению юридическим лицом и согласованию сделок. Вторичными правами их называл А. фон Тур, поскольку правовой эффект сделки напрямую зависит от воли третьей стороны: без нее правовые последствия не наступят³⁶.

Третье. В конце концов и организационные отношения, и вторичные права существуют и реализуются субъектами гражданского права с целью придания «основным» (организуемым, преобразуемым) отношениям правовой определенности (упорядочение, нормализация отношений по О. А. Красавчикову).

Если предположение автора настоящей работы верно, то вторичные права являются элементом содержания организационных правовых отношений. Читатель может упрекнуть пишущего эти строки в противоречии самому себе, ведь ранее было сказано, что вторичные права существуют вне правоотношения. Однако данный тезис справедлив к традиционной структуре содержания правоотношения, в которую входят субъективные права и юридические обязанности. Общественные связи субъектов права гражданского не сводятся к конструкции корреспондирующих прав и обязанностей. О структуре организационного правоотношения О. А. Красавчиков в статье не высказывался. Возможно, она отличается от общепринятой. Так или иначе вопрос о соотношении организационных отношений и вторичных прав представляется заслуживающим внимания направлением развития обеих теорий.

Библиографический список

Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву // Ученые труды / Всесоюз. ин-т юрид. наук НКЮ СССР. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940–1948. Вып. 3. М.: Юриздат НКЮ СССР, 1940.

Агарков М. М. Юридическая природа железнодорожной перевозки // *Агарков М. М.* Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. М.: Статут, 2012. Т. 2: Общее учение об обязательствах и его отдельных видах. С. 494–528.

Бабаев А. Б. Проблема вторичных прав в российской цивилистике: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

Гражданское право: учеб.: в 2 т. / под ред. Б. М. Гонгало. 4-е изд., перераб. и испр. М.: Статут, 2021. Т. 1.

Гражданское право: учеб.: в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. Т. 3: Обязательственное право.

Дернбург Г. Пандекты. Т. 2, вып. 3: Обязательственное право / пер. с нем. под ред. П. Соколовского; ред.: А. Э. Вормс, И. И. Вульфферт. 3-е рус. изд. М.: Печатня А. Снегиревой, 1911.

³⁵ *Агарков М. М.* Юридическая природа железнодорожной перевозки // *Агарков М. М.* Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. М.: Статут, 2012. Т. 2: Общее учение об обязательствах и его отдельных видах. С. 528.

³⁶ *Tuhr A. von.* Op. cit. P. 167.

Зеккель Э. Секундарные права в гражданском праве // Вестник гражданского права. 2007. Т. 7, № 2. С. 205–252.

Кравченко А. А. Секундарные права в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.

Красавчиков О. А. Гражданские организационно-правовые отношения // Антология уральской цивилистики. 1925–1989: сб. ст. / сост. Д. В. Мурзин. М.: Статут, 2001. С. 156–165.

Лассен Т. Преобразовательные права (*gestaltungsrechte*) по немецкому праву // Вестник гражданского права. 2018. Т. 18, № 5. С. 139–168. DOI: 10.24031/1992-2043-2018-18-5-139-168.

Третьяков С. В. Формирование концепции секундарных прав в германской цивилистической доктрине (К публикации русского перевода работы Э. Зеккеля «Секундарные права в гражданском праве») // Вестник гражданского права. 2007. Т. 7, № 2. С. 253–270.

Тузов Д. О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. М.: Статут, 2007.

Яковлев В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений: учеб. пособие. Свердловск: [Б.и.], 1972.

Larenz K., Wolf M. Allgemeiner Teil des Bürgerlichen Rechts. München: C. H. Beck, 2004.

Tuhr A. von. Der Allgemeine Teil des Deutschen Bürgerlichen Rechts. Bd. 1: Allgemeine Lehren und Personenrecht. Leipzig: Duncker & Humblot, 1910.

Информация для цитирования

Ex jure

Балмашнов Е. А. Теоретическая ценность категории секундарных прав для российской юридической науки // *Ex jure*. 2025. № 4. С. 135–147. DOI: 10.17072/2619-0648-2025-4-135-147

Balmashnov E. A. The Theoretical Value of the Category of Second Rights for the Russian Legal Science. *Ex jure*. 2025. № 4. Pp. 135–147. DOI: 10.17072/2619-0648-2025-4-135-147

УДК 347.78

DOI: 10.17072/2619-0648-2025-4-148-156

Некоторые вопросы обеспечения баланса прав и интересов продавцов, потребителей и агрегаторов цифровых платформ

С. Ж. Соловых

Доктор юридических наук,
заведующая кафедрой гражданского права

Саратовская государственная юридическая академия
410056, Россия, г. Саратов, ул. Вольская, 1

E-mail: swetlanasolo@yandex.ru

В. Е. Лукьяненко

Доктор юридических наук, профессор кафедры
гражданского и предпринимательского права

Ульяновский государственный университет
432017, Россия, г. Ульяновск, ул. Льва Толстого, 42

E-mail: prof-Lu@yandex.ru

Аннотация: *в статье анализируется правовое регулирование деятельности цифровых платформ и сервисов в контексте постановки вопроса обеспечения баланса интересов маркетплейсов, продавцов, потребителей и иных участников данных отношений. Показаны выявленные судебной практикой пробелы законодательства, такие как низкий уровень контроля за качеством поставляемых товаров (в том числе поставляемых из серой зоны), нелегальная продажа товаров под видом другой продукции и т.п. Обращается внимание, что дальнейшая специализация законодательства в сфере электронной коммерции должна быть направлена на закрепление мер предупреждения различных нарушений как со стороны продавца (например,*

© Соловых С. Ж., Лукьяненко В. Е., 2025

Эта работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

в области сертификации и декларирования, незаконного использования товарных знаков), так и со стороны покупателя в виде часто встречающегося «потребительского экстремизма».

Ключевые слова: электронная коммерция; маркетплейсы; цифровые платформы; защита прав потребителей; финансовые сделки

Some Issues are Ensuring a Balance Between the Rights and Interests of Sellers, Consumers, and Aggregators of Digital Platforms

S. J. Solovykh

Saratov State Law Academy
1, Volskaya st., Saratov, 410056, Russia

E-mail: swetlanasolo@yandex.ru

V. E. Lukyanenko

Ulyanovsk State University
42, Lva Tolstogo st., Ulyanovsk, 432017, Russia

E-mail: prof-Lu@yandex.ru

Abstract: *the article provides an analysis of the legal regulation of digital platforms and services in the context of raising the issue of balancing the interests of marketplaces, sellers, consumers and other participants in these relationships. The gaps in legislation identified by judicial practice are shown, such as a low level of quality control over the supplied goods (including those supplied from the gray zone), illegal sale of goods under the guise of other products, etc. Attention is drawn to the fact that further specialization of legislation in the field of electronic commerce should be aimed at consolidating measures to prevent various violations both on the part of the Seller (for example, in the field of certification and declaration, illegal use of trademarks), and on the part of the Buyer in the form of frequent “consumer extremism”.*

Keywords: *e-commerce; marketplaces; digital platforms; consumer protection; financial transactions*

Электронная коммерция как инновационное средство торговли формирует новый уровень отношений между поставщиком и потребителем, нивелируя географические и социально-экономические границы. Проблема специального правового регулирования деятельности цифровых платформ и сервисов, обеспечивающего баланс интересов маркетплейсов, продавцов, потребителей и иных участников данных от-

ношений, не просто требует своего внимания, а представляется архиактуальной. На необходимость создания в России действенной системы защиты прав потребителей неоднократно указывалось в научных исследованиях¹.

Однако важно отметить, что в целях развития правового регулирования в сфере электронной коммерции следует изучить опыт правового регулирования зарубежных стран, законодательство которых учитывает определенные социально-экономические факторы. Так, например, специалистами выявлены следующие факторы успеха в области китайской электронной торговли²:

- повышение спроса клиентов на мировые бренды;
- проблемы, связанные с качеством услуг в розничных магазинах;
- гарантированный контроль качества на веб-сайтах: основные сайты китайских бизнес-моделей гарантируют подлинность товаров и качество торговой марки;
- увеличение числа мобильных закупок;
- развитие системы маркетинга социальных средств (CRM)³.

В Российской Федерации законодательные инициативы по вопросам урегулирования отношений в сфере электронной торговли выдвигались еще в начале 2000-х годов, когда рассматривался проект федерального закона «Об электронной торговле»⁴. В дальнейшем этот законопроект сняли с рассмотрения по ряду причин. Законодательная инициатива была направлена на то, чтобы создать правовые условия для электронной торговли посредством закрепления прав и обязанностей субъектов, осуществляющих электронную торговлю, определить правила совершения сделок с использованием электронных документов, подписанных аналогами собственноручной подписи, а также признать электронные документы в качестве судебных доказательств. Несмотря на то что данный законопроект имплементировал положения Типового закона об электронной торговле⁵, он не содержал четкого определения предмета регулирования, не придавал определенности правовому положению участников электронной торговли, имел многочисленные отсылочные нормы, которые создавали пробельность правового регулирования по ряду вопросов. Было установлено, что

¹ См., например: *Алымов А. А., Богдан В. В.* Защита прав потребителей-заемщиков в цифрах: отражение интересов кредиторов в судебной практике // *Стратегия социально-экономического развития общества: управленческие, правовые, хозяйственные аспекты*: сб. науч. ст. 8-й Междунар. науч.-практ. конф. (Курск, 22–23 ноября 2018 г.): в 2 т. Т. 1 / отв. ред. А. А. Горохов. Курск: Юго-Зап. гос. ун-т, 2018. С. 31–34.

² *Симан А. Н., Шереметьев С. Н.* Опыт Китайской Народной Республики в развитии электронной торговли // *Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы*: сб. науч. ст.: в 2 т. Т. 2 / ред. кол.: В. Л. Гурский и др. Минск: Право и экономика, 2020. С. 156–166.

³ CRM (Customer Relationship Management) – процесс привлечения внимания к торговой марке или продукту через социальные платформы.

⁴ Проект федерального закона № 11081-3 «Об электронной торговле» был внесен группой депутатов Государственной Думы третьего созыва и принят Государственной Думой в первом чтении 6 июня 2001 года. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/11081-3>.

⁵ Типовой закон об электронной торговле Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли: принят на 29-й сессии Ком. ООН по праву междунар. торговли; рекомендован резолюцией 51/162 Ген. Ассамблеи ООН от 16 дек. 1996 г.

дальнейшее развитие законодательства в данной сфере должно осуществляться по мере накопления опыта путем внесения в действующие законодательные акты изменений и дополнений.

На сегодняшний день отношения, возникающие в сфере электронной торговли, регулируются Гражданским кодексом РФ⁶, Законом РФ «О защите прав потребителей»⁷, Федеральным законом «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации»⁸, Федеральным законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁹, Постановлением Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. № 2463¹⁰, которым утверждены Правила продажи товаров по договору розничной купли-продажи, а также приказом Минкомсвязи России от 31 марта 2020 г. № 148¹¹, которым утвержден Перечень социально значимых информационных ресурсов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», и рядом иных нормативных правовых актов специального регулирования. В последнее время принят еще ряд специальных законов, регулирующих электронную коммерцию: Федеральный закон от 20 июля 2020 г. № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы», Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 580-ФЗ «Об организации перевозок пассажиров и багажа легковым такси в Российской Федерации, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации», более известный как Закон об агрегаторах такси.

Безусловно, эти законы содержат ряд гарантий защиты экономических интересов россиян. Указанными нормативными актами придана юридическая сила сделкам

⁶ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025).

⁷ О защите прав потребителей: Закон РФ от 7 февр. 1992 г. № 2300-1 (ред. от 07.07.2025).

⁸ Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации: Федер. закон от 28 дек. 2009 г. № 381-ФЗ: принят Гос. Думой 18 дек. 2009 г.: одобрен Советом Федерации 25 дек. 2009 г. (ред. от 31.07.2025).

⁹ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федер. закон № 149 от 27 июля 2006 г.: принят Гос. Думой 8 июля 2006 г.: одобрен Советом Федерации 14 июля 2006 г. (ред. от 24.06.2025).

¹⁰ Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: постановление Правительства Рос. Федерации от 31 дек. 2020 г. № 2463 (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025). Далее – Постановление от 31 декабря 2020 г. о правилах торговли.

¹¹ О проведении эксперимента об оказании гражданам на безвозмездной основе услуг связи по передаче данных и по предоставлению доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации для использования социально значимых информационных ресурсов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»: приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ от 31 марта 2020 г. № 148 (ред. от 01.07.2021).

и договорам, совершенным в электронной форме, установлен порядок их заключения, законодательно закреплена возможность исполнения сделок (договоров) с применением информационных технологий. Кроме того, четко очерчены права потребителей и детально раскрыто их содержание, дано понятие недостатка (существенного недостатка) товара, разработаны правовые механизмы по устранению недостатков и восстановлению нарушенных прав потребителей.

Однако практика правоприменения этих законодательных актов выявила определенные проблемы, а именно:

- а) продвижение контрафактных и несертифицированных товаров;
- б) отсутствие либо низкий уровень контроля за качеством поставляемых товаров, в том числе поставляемых из серой зоны;
- в) нелегальную продажу товаров под видом другой продукции;
- г) нарушение условий возврата товаров, невозможность вернуть отдельные категории товаров, платный возврат товаров при наличии объективных причин возврата;
- д) несоблюдение условий доставки заказов, отмену доставки в одностороннем порядке;
- е) получение информации о товарах и услугах, в том числе и с применением генеративного искусственного интеллекта – чат-ботов и роботов.

Несомненно, перечисленные проблемы требуют дальнейшего совершенствования специального правового регулирования данной сферы коммерческой деятельности, однако этот процесс не должен носить революционный характер. Полагаем, что необходимо постепенное развитие того правового инструментария, который на сегодняшний день показал свою эффективность в обеспечении баланса интересов маркетплейсов, продавцов и потребителей и предупреждении различных нарушений как со стороны продавцов (например, в области сертификации и декларирования, незаконного использования товарных знаков), так и со стороны покупателей в виде часто встречающегося «потребительского экстремизма». Данная задача законодателем должна решаться с пониманием того, что потребители вправе рассчитывать на одинаковые условия и защиту своих прав, получение полной и достоверной информации о товаре или услуге, возврат и обмен товаров, ремонт товаров в течение гарантийного срока как в офлайн-, так и в онлайн-сегменте.

Для решения этой задачи – создания эволюционного правового регулирования – законодателю следует учитывать накопленный положительный опыт судебного правоприменения, который представлен как в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ¹² и Обзорах практики по делам о защите прав потребителей¹³, так и в определениях судебных коллегий Верховного Суда по конкретным делам¹⁴.

¹² О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17.

¹³ Обзор судебной практики по делам о защите прав потребителей: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23 окт. 2024 г. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/thematics/33968/>.

¹⁴ См., например: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 5 сент. 2023 г. № 7-КГ23-4-К2 (УИД 37RS0012-01-2022-000662-43); Определение Верховного Суда РФ от 14 июля 2023 г. № 305-ЭС23-11149 по делу № А41-

Формированию единообразного подхода в вопросах применения законодательства в отношении транспортных перевозок, опосредованных электронно-цифровыми технологиями¹⁵, предшествовал ряд резонансных дел, широко обсуждавшихся и в профессиональной среде, и в массмедиа. Среди них были такие кейсы, как дело ООО «Такси “Престиж”» (определение Верховного Суда РФ от 9 января 2018 г. № 5-КГ17-220), дело ООО «Яндекс. Такси» по иску Е. А. Гращенковой (решение Тушинского районного суда по делу № 02-1153/2018 от 15 июня 2018 г.), дело ООО «УБЕР ТЕХНОЛОДЖИ» (постановление Арбитражного суда Московского округа по делу № А40-146579/16 от 21 февраля 2017 г.). Неоднозначность трактовки отношений, складывающихся с участием агрегаторов перевозки, различие в подходах и значительный общественный отклик, конечно, требовали формулирования общих принципов на уровне суда высшей судебной инстанции.

Данная со стороны органов судебной власти оценка всем известных ситуаций позволяет утверждать, что судебной практикой формируется эффективный инструментарий борьбы с нарушениями и злоупотреблениями сторон, но сложности в полной мере не исчезают.

Уточним, о каких ситуациях идет речь:

– *сложность выбора надлежащего ответчика в судебных спорах с маркетплейсами*: не всегда удается легко определить, кому же следует предъявлять иск – онлайн-площадке или продавцу. Суды вывели единообразное решение данной ситуации. Если на сайте отсутствует информация о другом продавце, тогда судами признается, что именно ответчик-маркетплейс сам заключал и исполнял договор (определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 18 августа 2022 г. по делу № 88-23539/2022) и именно с маркетплейса следует взыскивать цену товара, неустойку и штраф (суммы из акта вымараны);

– *соблюдение претензионного порядка, а именно закрепление способов направления претензии покупателем*. Данное правило зафиксировано в пункте 21 Постановления от 31 декабря 2020 г. о правилах торговли. Об этом правиле напомнил Первый кассационный суд общей юрисдикции в своем определении от 18 февраля 2022 г. по делу № 88-3269/2022, отметив, что при дистанционной купле-продаже претензию надо было направлять на адрес, который указан продавцом для претензионной работы, а не в пункт выдачи заказов. В тех случаях, когда продавец отказался от получения претензии, ему грозят неустойка и штраф, даже если покупатель не вернул товар. Первый кассационный суд общей юрисдикции (постановление от 14 декабря 2022 г. по делу № 8Г-34387/2022 [88-33727/2022]) напомнил, что уведомления и другие юридически значимые сообщения влекут последствия с момента их доставки (ст. 165.1 ГК РФ) и считаются доставленными, если были направлены, но не получены по вине адресата;

6042/2022 «Об отказе в передаче жалобы в Судебную коллегия Верховного Суда Российской Федерации».

¹⁵ См.: О некоторых вопросах применения законодательства о договоре перевозки автомобильным транспортом грузов, пассажиров и багажа и о договоре транспортной экспедиции: постановление Пленума Верховного Суда РФ № 26 от 26 июня 2018 г.

– *влияние технических сбоев программы и их правовые последствия.* Судами принимаются во внимание особенности осуществления интернет-торговли – в частности, если скидка на сайте появилась по ошибке, то купить товар по указанной цене не получится. Интернет-магазины периодически меняют цены на товары, а порой отказываются продать товар со скидкой, ссылаясь на технические ошибки. Поэтому даже при установлении факта нарушения прав потребителя суды откажут в удовлетворении требований, так как технический сбой на сайте помешал сторонам договориться обо всех существенных условиях договора (постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции по делу № 8Г-18735/2022 от 1 декабря 2022 г.; определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 7 мая 2021 г. по делу № 8Г-2541/2021);

– *включение в правила продажи условий об одностороннем отказе от исполнения договора продавцом.* Маркетплейсами также устанавливаются условия продажи товаров, включающие положения о праве аннулировать заказ по разным причинам. Верховный Суд РФ напомнил в своем постановлении от 25 декабря 2018 г. № 49¹⁶ о том, что лицо, которое обязано заключить публичный договор, не может отказаться от его выполнения, если у него есть возможность передать товар потребителю (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 5 сентября 2023 г. № 7-КГ23-4-К2).

Следует отметить, что судебная практика, несомненно, воздействует на общественные отношения в процессе правоприменения и выявляет пробелы в действующем законодательстве. Однако вопрос о создании эффективного правового механизма, регулирующего вопросы электронной коммерции, остается именно в пределах полномочий органов законодательной власти по созданию, изменению и отмене правовых норм. Создание такого правового механизма будет способствовать оптимизации взаимодействия маркетплейсов и покупателей, более полному учету интересов потребителей при осуществлении продаж на маркетплейсах и применению мер ответственности в случае нарушения прав потребителей.

Необходимо учитывать специфику деятельности маркетплейса как места совершения сделок розничной купли-продажи товаров, которое носит посреднический характер: информационный (ст. 1253.1 ГК РФ)¹⁷, организационный, платежный – в форме платежного агрегатора (ст. 1005 ГК РФ¹⁸; Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»). Этот опыт был учтен и реализован в ряде последних законодательных инициатив, в том числе и в проекте федерального закона № 568223-8 «О государственном регулировании торговой деятельности агрегаторов информации о товарах в Российской Федерации и о внесении изменений в Федеральный закон “Об основах государственного регулирования тор-

¹⁶ О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 дек. 2018 г. № 49.

¹⁷ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): Федер. закон от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025).

¹⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федер. закон от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025).

говой деятельности в Российской Федерации»», внесенном сенатором РФ А. В. Кутеповым и депутатом Госдумы В. В. Гутеневым¹⁹, а также в проекте федерального закона № 445923-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации” и в статьи 12 и 18 Закона Российской Федерации “О защите прав потребителей”»²⁰. Однако следует отметить, что указанные законопроекты требуют гармонизации с действующим законодательством. Включая, кстати, уже упомянутые выше Федеральный закон от 20 июля 2020 г. № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы» и Закон об агрегаторах такси.

На сегодняшний день обсуждению подлежит законопроект о платформенной экономике²¹. Данным законопроектом предполагается определить правовые основы платформенной экономики в России и отрегулировать отношения, возникающие между цифровыми платформами, то есть маркетплейсами, сервисами доставки еды и бронирования туристических услуг, агрегаторами такси, их партнерами – продавцами товаров или исполнителями услуг, а также потребителями. Его положения уже вызвали резонансное восприятие и со стороны бизнес-сообщества, и со стороны органов государственной власти. Основным недостатком называется избыточное правовое регулирование, которое приведет к серьезным нарушениям прав как продавцов, так и потребителей. Несомненно, существует потребность расширения пределов ответственности владельцев агрегаторов. Справедливым видится и введение субсидиарной ответственности таких субъектов перед потребителями. Однако, по нашему мнению, баланс интересов может быть соблюден лишь при полной прозрачности деятельности маркетплейсов, продавцов и пунктов выдачи в процессе осуществления сделок купли-продажи, что и должно быть положено в основу совершенствования законодательства в сфере электронной коммерции.

Библиографический список

Алымов А. А., Богдан В. В. Защита прав потребителей-заемщиков в цифрах: отражение интересов кредиторов в судебной практике // Стратегия социально-экономического развития общества: управленческие, правовые, хозяйственные аспекты: сб. науч. ст. 8-й Междунар. науч.-практ. конф. (Курск, 22–23 ноября 2018 г.): в 2 т. Т. 1. / отв. ред. А. А. Горохов. Курск: Юго-Зап. гос. ун-т, 2018. С. 31–34.

¹⁹ Законопроект № 568223-8 «О государственном регулировании торговой деятельности агрегаторов информации о товарах в Российской Федерации и о внесении изменений в Федеральный закон “Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации”» (в части введения правового регулирования деятельности агрегаторов информации о товарах). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/568223-8>.

²⁰ Законопроект № 445923-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации” и в статьи 12 и 18 Закона Российской Федерации “О защите прав потребителей” (в части организации деятельности маркетплейсов). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/445923-8>.

²¹ Проект Федерального закона «О платформенной экономике в Российской Федерации» (подготовлен Минэкономразвития России 22 ноября 2024 года). URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/87148.html>.

Симан А. Н., Шереметьев С. Н. Опыт Китайской Народной Республики в развитии электронной торговли // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы: сб. науч. ст.: в 2 т. Т. 2 / ред. кол.: В. Л. Гурский и др. Минск: Право и экономика, 2020. С. 156–166.

Ex jure

Информация для цитирования

Соловых С. Ж., Лукьяненко В. Е. Некоторые вопросы обеспечения баланса прав и интересов продавцов, потребителей и агрегаторов цифровых платформ // *Ex jure*. 2025. № 4. С. 148–156. DOI: 10.17072/2619-0648-2025-4-148-156

Solovykh S. J., Lukyanenko V. E. Some Issues are Ensuring a Balance Between the Rights and Interests of Sellers, Consumers, and Aggregators of Digital Platforms. *Ex jure*. 2025. № 4. Pp. 148–156. DOI: 10.17072/2619-0648-2025-4-148-156

УДК 349.444

DOI: 10.17072/2619-0648-2025-4-157-167

Общежития: понятие, назначение, виды

Д. А. Формакидов

Доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданского права,
профессор кафедры предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: formakidov@yandex.ru

Аннотация: *в настоящее время значительное число российских граждан, ввиду возникновения у них образовательных, служебных или трудовых отношений с государственными и муниципальными предприятиями или учреждениями на территории, находящейся вне места их постоянного (обычного) пребывания, используют в качестве места временного проживания помещения в общежитиях. При этом в законодательстве и современной правовой доктрине понятие «общежитие» отсутствует. На основе исследования действующего жилищного законодательства в статье делается вывод о необходимости сохранения общежитий как части специализированного государственного и муниципального жилищного фонда. Под общежитиями автор предлагает понимать находящиеся в государственной или муниципальной собственности специально построенные или переоборудованные здания, жилые помещения, которые включены в специализированный жилищный фонд и предназначены для временного проживания отдельных категорий граждан по договорам найма специализированного жилого помещения в период их работы, службы, обучения или в иной период, определенный в соответствии с требованиями нормативных правовых актов. Автором также предложены классификации общежитий.*

Ключевые слова: *общежитие; жилищный фонд; специализированный жилищный фонд; жилые помещения*

© Формакидов Д. А., 2025

Эта работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Dormitories: Concept, Purpose, Types

D. A. Formakidov

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

E-mail: formakidov@yandex.ru

Abstract: *at present, a significant number of Russian citizens due to their educational, service or labour relations with state and municipal enterprises or institutions in the area outside the place of their permanent (usual) stay, use premises in hostels as a place of temporary residence. At the same time, there is no concept of hostels in the legislation and in modern legal doctrine. Based on the study of the current housing legislation, the article concludes that it is necessary to preserve hostels as part of the specialised state and municipal housing fund. Under hostels in the article, it is proposed to understand specially constructed or converted buildings owned by the state or municipality, residential premises (rooms or flats) in which are included in the specialised housing fund and are intended for temporary residence of certain categories of citizens under contracts for rent of specialised residential premises during their work, service, training or other period determined in accordance with the requirements of regulatory legal acts. Classifications of modern hostels are proposed.*

Keywords: *hostel; housing fund; specialised housing fund; residential premises*

Большинство современных научных исследований жилищных отношений в нашей стране (при условии, что эти исследования построены на классической модели написания научного текста) начинаются с описания жилищной проблемы и правовых моделей удовлетворения жилищных потребностей граждан. Действительно, жилищный вопрос – вопрос неразрешимый. По справедливому замечанию С. И. Сусловой, реализация права на жилище во многом предопределена наличием либо отсутствием расхождений «между субъективной и объективной оценкой факта удовлетворения жилищной потребности»¹. Сколько жилья ни построй, люди в ситуации роста их благосостояния будут неизбежно стремиться к улучшению качества своего жилья: его местонахождения, площади, окружающей инфраструктуры, потребительских свойств жилого помещения. Так, проведенный в апреле 2025 года опрос показал, что лишь 67 % россиян считают свои жилищные условия «хорошими»².

Однако среди обеспеченных и необеспеченных жильем граждан всегда будут существовать категории лиц, ситуационно нуждающихся во временном жилище. Речь идет о гражданах, которые, в силу тех или иных жизненных обстоятельств, зачастую

¹ Сулова С. И. Правовые формы жилищных отношений: дис. ... д-ра юрид наук. М., 2015. С. 144.

² Жилищными условиями довольны две трети россиян. URL: <https://www.finmarket.ru/news/6381343>.

позитивных, неспособны по субъективным, субъективно-объективным либо объективным причинам самостоятельно удовлетворять свои жилищные потребности в течение определенного периода времени. Мы имеем в виду лиц, которые были вынуждены покинуть место своего постоянного жительства в связи с возникновением у них образовательных, служебных или трудовых отношений на территории, находящейся вне места их постоянного (обычного) пребывания.

Военнослужащие и приравненные к ним лица, студенты, рабочие, служащие вправе рассчитывать на особую помощь публично-правовых образований – Российской Федерации, субъектов Федерации, муниципальных образований – во временном решении жилищного вопроса, поскольку общество и государство так или иначе заинтересованы в нахождении (пребывании, проживании) определенных лиц в той или иной местности. Вопросы обеспечения обороноспособности и внутренней безопасности государства требуют размещения военнослужащих и приравненных к ним лиц, в том числе сотрудников правоохранительных органов, противопожарной службы, МЧС, ФСБ, ФСИН, таможенных органов и др., в определенной местности. Социальная и образовательная политика государства диктует необходимость обеспечения жильем обучающихся в местах нахождения образовательных организаций. Экономическая политика обязывает государство позаботиться об обеспечении жилыми помещениями сезонных работников Крайнего Севера и т.п. Иными словами, независимо от общей обеспеченности жильем граждан, проживающих в Российской Федерации, всегда будут существовать такие категории лиц, которые общество обязано, как правило временно, обеспечить пригодными для проживания помещениями, находящимися в строго определенной местности, в связи с их особым социальным статусом, основанным на служебных, трудовых или образовательных отношениях.

В целях обеспечения особых категорий граждан жилыми помещениями в Российской Федерации создан и вполне успешно функционирует специализированный жилищный фонд – совокупность государственных и муниципальных жилых помещений, временно предоставляемых гражданам по договорам найма специализированных жилых помещений или ссуды (безвозмездного пользования). Среди восьми видов жилых помещений данного фонда особого внимания заслуживают так называемые служебные жилые помещения и жилые помещения в общежитиях. В настоящей статье речь пойдет именно об общежитиях. Это обусловлено тем, что служебный жилищный фонд неоднократно подвергался комплексным и фрагментарным научным исследованиям, тогда как ситуация относительно правового анализа общежитий и статуса их обитателей складывалась совершенно иным образом.

К сожалению, вопросы правового режима общежитий и правового статуса лиц, проживающих в общежитиях, в юридической литературе практически не освещаются. Нам удалось обнаружить всего два монографических исследования советского периода, непосредственно посвященные правовому статусу проживающих в общежитиях лиц³. Диссертационные исследования последних лет чаще охватывают

³ Дятлов П. Н. Порядок пользования служебными жилыми помещениями и общежитиями. Киев: Будівельник, 1976; Сибилев М. Н. Право на жилую площадь в общежитии: дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1974.

не правовые, а иные вопросы использования общежитий. Так, более десяти диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, которые содержат исследования, связанные с общежитиями, посвящены вопросам психологии, архитектуры, биологии и медицины⁴, но только в одной диссертации рассматриваются правовые проблемы проживания в общежитиях⁵.

Бесспорно, вопросы найма жилых помещений в общежитиях периодически подвергаются фрагментарному изучению в рамках анализа договоров найма специализированных жилых помещений либо выселения из жилых помещений⁶. Однако эти работы не содержат системного анализа проблем, возникающих в связи с функционированием общежитий. Статьи, посвященные непосредственно проживанию в общежитиях, встречаются довольно редко, что представляется неоправданным. Три основных вопроса, над которыми размышляют авторы публикаций об общежитиях, касаются права на получение помещения в общежитии, выселения из общежитий и приватизации общежитий. Иногда встречаются и воззвания о сокращении числа общежитий.

Заметим, что возникновение общежитий в истории развития общества отнюдь не случайно. Оно было вызвано объективной необходимостью размещения в первую очередь обучающихся лиц в местах нахождения образовательных организаций. Причем не только с целью обеспечить таких обучающихся непосредственно жильем, но и с намерением создать условия для их большей социализации и погружения в атмосферу образовательной или духовной среды, соответствующей политике конкретного образовательного учреждения. Общежития возникают еще в Средние века при европейских университетах, а на территории дореволюционной России – при семинариях и духовных училищах⁷.

В настоящее время, по неофициальным данным, в общежитиях проживает около 4 % наших сограждан (что составляет около 5 млн 840 тыс. человек)⁸, и эта цифра все последние годы существенно не меняется⁹. При этом, по данным Минобрнауки России, в университетских общежитиях проживает более 753 тыс. студентов

⁴ Научная электронная библиотека диссертаций и авторефератов: офиц. сайт. URL: <https://www.dissercat.com/>.

⁵ Карпенко Н. В. Правоотношения найма жилого помещения в общежитии: понятие, структура и динамика: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.

⁶ См., например: Гурбанова Э. В. Договор найма жилого помещения специализированного жилищного фонда: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008; Илларионов С. Ю. Гражданско-правовое регулирование прекращения прав на жилые помещения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009; Шипунова Е. А. Жилищное правоотношение по найму специализированного жилого помещения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

⁷ В России первое общежитие возникло, скорее всего, в XVII веке при Киевско-братском училище и называлось бурсой. Впоследствии этот термин стал использоваться для обозначения любых общежитий при любых духовных учебных заведениях.

⁸ См., например: Жилищными условиями довольны две трети россиян. URL: <https://www.finmarket.ru/news/6381343>.

⁹ См., например: Более 70 % россиян проживают в отдельных квартирах, в «коммуналках» живут 2 % сограждан. URL: <https://www.interfax-russia.ru/index.php/kaleidoscope/bolee-70-rossiyan-prozhivayut-v-otdelnyh-kvartirah-v-kommunalkah-zhivut-2-sograzhdan>.

(речь идет лишь о подведомственных министерству образовательных организациях)¹⁰. Путем несложных вычислений можно заметить, что порядка 5 млн человек не из числа студентов подведомственных Минобрнауки России учебных заведений проживают в общежитиях.

Такая довольно крупная цифра обусловлена несколькими факторами:

– при подсчетах в категорию общежитий включаются не только общежития, представляющие собой часть государственного и муниципального специализированного жилищного фонда, но и здания бывших общежитий, переданные с балансов государственных и муниципальных предприятий и учреждений;

– большим объемом фонда общежитий военных формирований;

– доходами населения.

В указанных обстоятельствах резкое сокращение числа общежитий не представляется возможным. Расселить 5 млн человек даже в среднесрочной перспективе немисливо для любой страны с экономикой любой развитости. Хотя именно в нашей стране подобный героический подвиг был совершен после окончания Великой Отечественной войны и в период возведения «хрущевок». Кроме того, следует признать объективную неизбежность формирования, обновления и существования фонда общежитий для обучающихся и военнослужащих лиц.

Придя к выводу о необходимости, оправданности и неизбежности сохранения общежитий в нашей, да и в любой другой, стране, нужно определиться с основной терминологией. Ни в нормативных правовых актах, ни в современной юридической периодике нам не удалось найти ответ на вопрос «Что такое общежитие?».

В. Н. Симонов определяет общежитие как «правовой режим использования жилищного фонда»¹¹. В частности, исследователь отмечает, что под общежития предоставляются специально построенные или переоборудованные дома, а также части домов, и указывает на недопустимость использования жилых помещений в качестве общежитий в многоквартирных домах. Е. В. Алексеева под общежитием предлагает понимать «способ государственной имущественной поддержки студентов, работников, госслужащих на период их учебы, работы и службы»¹². Крайне многословное определение общежитий дает в своем диссертационном исследовании Н. В. Карпенко: «Общежитие – особая категория специализированного жилищного фонда, в состав которой входят жилые помещения (жилая площадь) и вспомогательные помещения в здании (либо части здания), специально построенном или переоборудованном для временного проживания граждан, отвечающем определенным санитарным требованиям и обслуживаемом специальным персоналом, зарегистрированным в качестве такового в соответствии с действующим законодательством, в котором гражданам на период их работы, службы или обучения в организации, в ведении которой находится общежитие на праве хозяйственного ведения или оперативного

¹⁰ *Агранович М.* Минобрнауки: Большею части вузовских общежитий требуется обновление. URL: <https://rg.ru/2024/07/23/minobrnauki-bolshej-chasti-vuzovskih-obshchezhitij-trebuetsia-obnovlenie.html>.

¹¹ *Симонов В. Н.* Правовой режим общежитий // Семейное и жилищное право. 2006. № 3. С. 2.

¹² *Алексеева Е. В.* Выселение из общежитий: теория и судебная практика // Семейное и жилищное право. 2023. № 4. С. 26.

управления, на основании решения данной организации – владельца общежития предоставляется в пользование по установленным жилищным законодательством РФ нормам жилая площадь за плату по специальным ставкам»¹³.

Заметим, что все три приведенные дефиниции оперируют терминами «категория», «способ», «режим». А ведь общежитие это в первую очередь объект недвижимости – какое-то здание (дом).

Действующий Жилищный кодекс Российской Федерации¹⁴ (далее по тексту – ЖК РФ) в статье 94 содержит лишь следующие нормы: «1. Жилые помещения в общежитиях предназначены для временного проживания граждан в период их работы, службы или обучения. 2. Под общежития предоставляются специально построенные или переоборудованные для этих целей дома либо части домов. 3. Жилые помещения в общежитиях укомплектовываются мебелью и другими необходимыми для проживания граждан предметами».

На основании представленного (и, к сожалению, скудного) законодательного регулирования мы можем констатировать, что под общежитиями следует понимать специально построенные или переоборудованные дома или части домов, жилые помещения в которых предназначены для временного проживания граждан по договорам найма в период их работы, службы или обучения. Однако такое определение не отражает во всей полноте общественных отношений, складывающихся по поводу общежитий, и не содержит ответов на целый ряд вопросов. Очевидно, что в нем необходимо более четко указать состав объектов, относимых к общежитиям, а также раскрыть суть правоотношений, возникающих при предоставлении помещений в общежитиях.

Кроме того, из данного определения, как, в общем-то, и из федерального законодательства, неясно, какие именно дома следует считать общежитиями. Во-первых, исходя из содержания статей 19 и 92 ЖК РФ, можно констатировать, что в системе существующего правового регулирования к общежитиям следует относить только здания, находящиеся в государственной или муниципальной собственности и включенные на основании постановления Правительства России от 26 января 2006 г. № 42 в специализированный жилищный фонд¹⁵. Во-вторых, в формируемой дефиниции должно быть учтено, что помещения в общежитиях являются жилыми и предоставляются только отдельным категориям граждан на определенный срок и только по договорам найма специализированного жилого помещения (ст. 99 ЖК РФ). И наконец, в-третьих, необходимо определиться с тем, что представляют собой здания (дома) общежитий. По этому поводу в настоящее время сложилась не вполне ясная ситуация.

¹³ Карпенко Н. В. Правоотношения найма жилого помещения в общежитии: понятие, структура и динамика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 15–16.

¹⁴ Жилищный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 29 дек. 2004 г. № 188-ФЗ: принят Гос. Думой 22 дек. 2004 г.: одобрен Советом Федерации 24 дек. 2004 г. (ред. от 31.07.2025).

¹⁵ Об утверждении Правил отнесения жилого помещения к специализированному жилищному фонду и типовых договоров найма специализированных жилых помещений: постановление Правительства Рос. Федерации от 26 янв. 2006 г. № 42 (ред. от 18.07.2016).

Так, Росреестр в письме от 22 апреля 2016 г. отмечал: «В здании общежития могут располагаться жилые помещения (комнаты; в общежитиях квартирного типа – квартиры) и помещения общего пользования; жилые помещения в общежитии должны быть пригодными для проживания граждан. По нашему мнению, определение назначения здания общежития, не являющегося многоквартирным домом, при осуществлении государственного кадастрового учета как “многоквартирный дом”, “жилой дом” не соответствует действующему законодательству; назначение такого здания, как общежитие, должно быть определено как “нежилое здание” (иметь при этом наименование – “общежитие”, “общежитие квартирного типа”)»¹⁶. Налицо прямое нарушение формальной логики. Росреестр предлагает считать строения, состоящие из жилых и вспомогательных помещений, нежилыми зданиями.

Минстрой России в письме от 30 октября 2023 г. аргументирует неравнозначность понятий «общежитие» и «многоквартирный», но не отвечает на основной вопрос – что представляет собой здание общежития: «...в случае, если в специально построенном или переоборудованном под общежитие доме (либо в части дома) имеются укомплектованные мебелью и другими необходимыми для проживания граждан предметами помещения, предназначенные для временного проживания граждан в период их работы, службы или обучения, при этом указанные помещения в установленном порядке отнесены к жилым помещениям общежития, тогда указанные помещения являются жилыми помещениями общежития, а такой дом (часть дома) является общежитием. <...> Необходимо обратить внимание, что общежитие не является многоквартирным домом...»¹⁷ С приведенной позицией Минстроя невозможно не согласиться. Действительно, многоквартирный дом, в соответствии со статьей 15 ЖК РФ и постановлением Правительства России № 47¹⁸, представляет собой здание, состоящее более чем из одной квартиры и вспомогательных помещений общего пользования. Однако следует учесть, что речь здесь идет только о зданиях, жилые помещения в которых включены в специализированный жилищный фонд.

Ранее действовавшее законодательство в отношении зданий общежитий оперировало термином «жилой дом». В частности, в статье 109 ЖК РСФСР отмечалось, что «под общежития предоставляются специально построенные или переоборудованные для этих целей жилые дома»¹⁹. Однако в рамках правового регулирования, которое существует сегодня, под жилым домом понимается только индивидуально-определенное здание, состоящее из комнат, а также помещений вспомогательного

¹⁶ О направлении копии письма Росреестра (вместе с <Письмом> Росреестра от 22 апр. 2016 г. № 14-исх/05565-ГЕ/16): письмо ФГБУ «ФКП Росреестра» от 29 апр. 2016 г. № 10-1775-КЛ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_198827/f48fc42d7f8c4e7df460db9197b203059892180f/.

¹⁷ О различии понятий «общежитие» и «многоквартирный дом»: письмо Минстроя России от 30 окт. 2023 г. № 29273-ОГ/00. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_498854/.

¹⁸ Об утверждении Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания, многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, садового дома жилым домом и жилого дома садовым домом: постановление Правительства Рос. Федерации от 28 янв. 2006 г. № 47 (ред. от 19.10.2024).

¹⁹ Жилищный кодекс РСФСР: утв. Верховным Советом РСФСР 24 июня 1983 г. (утратил силу).

использования (ч. 2 ст. 16 ЖК РФ). Таким образом, раскрывать понятие общежития через словосочетание «жилой дом» не представляется возможным по двум причинам. Во-первых, в сложившейся отечественной традиции жилой дом есть нечто индивидуальное, предназначенное для проживания одной семьи. Во-вторых, общежития не всегда состоят из комнат; существуют и так называемые общежития квартирного типа. Кроме того, понятие здания представляется более универсальным. Тем более сам законодатель в дефиниции жилого дома в статье 16 ЖК РФ использует термин «здание».

На основании изложенного формулируем следующее определение общежития. Под общежитием необходимо понимать *находящееся в государственной или муниципальной собственности специально построенное или переоборудованное здание, жилые помещения (комнаты или квартиры) в котором включены в специализированный жилищный фонд и предназначены для временного проживания отдельных категорий граждан по договорам найма специализированного жилого помещения в период их работы, службы, обучения или в иной период, определенный в соответствии с требованиями нормативных правовых актов.*

В данном определении, заметим, учтено, что здание в целом должно иметь одного собственника – публично-правовое образование, а все помещения в этом здании должны быть включены в специализированный жилищный фонд. То есть в фонд включается не все здание, а именно жилые помещения в нем – квартиры и (или) комнаты. Кроме того, предлагаемая дефиниция расширяет возможности использования фонда общежитий для размещения не только студентов или обучающихся, но и абитуриентов на период прохождения вступительных испытаний, что соответствует нормам Примерного положения о студенческом общежитии²⁰.

Определив, что же следует в настоящее время понимать под общежитиями, обратимся к анализу проблемы правового режима зданий, называемых у нас общежитиями, но не входящих в специализированный жилищный фонд.

Дело в том, что в девяностые годы прошлого века на волне приватизации государственного и муниципального имущества одна часть общежитий сохранилась на балансе предприятий и позднее была включена в специализированный жилищный фонд (1). Понятие именно этих общежитий мы и сформулировали выше. Другая часть общежитий, оставаясь в государственной или муниципальной собственности, утратила своих балансодержателей в лице государственных и муниципальных предприятий и учреждений и была передана в ведение органов местного самоуправления (2). Некоторая доля общежитий была незаконно приватизирована частными лицами вместе с проживавшими в них гражданами (3).

²⁰ О направлении для использования в работе Примерного положения о студенческом общежитии (вместе с Примерным положением о студенческом общежитии федерального государственного образовательного учреждения высшего и среднего профессионального образования Российской Федерации, подведомственного Федеральному агентству по образованию, утв. Минобрнауки РФ 10.07.2007): письмо Рособразования от 27 июля 2007 г. № 1276/12-16. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71793/96c60c11ee5b73882df84a7de3c4fb18f1a01961/.

Правовой режим всех этих объектов разнится:

1) помещения общежитий специализированного жилищного фонда предоставляются, как и прежде, в административно-распорядительном порядке нуждающимся в них гражданам на основе трудовых, служебных или образовательных отношений;

2) помещения в зданиях, принадлежавших государственным или муниципальным учреждениям или предприятиям, которые использовались в качестве общежитий и были переданы в ведение органов местного самоуправления (вне зависимости от даты передачи этих жилых помещений и от даты их предоставления гражданам на законных основаниях), считаются предоставленными гражданам на основании договоров социального найма (ст. 7 закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации»²¹) и могут быть приватизированы такими гражданами;

3) помещения в зданиях, принадлежавших государственным или муниципальным учреждениям или предприятиям, которые использовались в качестве общежитий и не были переданы в ведение органов местного самоуправления в результате изменения формы собственности или ликвидации указанных предприятий или учреждений (если эти жилые помещения предоставлены гражданам на законных основаниях до даты изменения формы собственности или ликвидации указанных юридических лиц), считаются предоставленными гражданам на условиях договора «квазикommerческого найма жилого помещения»²².

Однако недостатки законодательной регламентации прав пользователей жилых помещений в бывших общежитиях не являются предметом обсуждения в настоящей статье, в связи с чем мы не будем подробно на них останавливаться.

В указанных обстоятельствах возникает закономерный вопрос: каким термином следует обозначать здания, по своей форме являющиеся общежитиями и называемые в обиходе общежитиями, но не являющиеся таковыми ввиду нахождения их вне специализированного жилищного фонда?

Здесь нам видятся два варианта решения обозначенной проблемы:

1. Можно пойти по пути широкого и узкого толкования термина «общежитие». Тогда в первом случае под общежитиями будут пониматься любые специально построенные или переоборудованные здания, в которых проживают разные граждане либо семьи и которые состоят из комнат и (или) квартир и помещений вспомогательного использования, но при этом не являются многоквартирными домами, а во втором случае лишь здания, все помещения в которых зарегистрированы в качестве специализированных жилых помещений, предоставляемых в виде общежитий, подробное определение которых сформулировано нами выше. Заметим, что мы не являемся сторонниками представленного подхода в связи с высокой вероятностью терминологической путаницы. Кроме того, мы полагаем, что каждый объект права должен иметь собственное уникальное наименование.

2. Более обоснованным видится решение, согласно которому под общежитиями необходимо понимать только здания, принадлежащие публично-правовым соб-

²¹ О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации: Федер. закон от 29 дек. 2004 г. № 189-ФЗ: принят Гос. Думой 22 дек. 2004 г.: одобрен Советом Федерации 24 дек. 2004 г. (ред. от 23.07.2025).

²² Использование подобного термина в данной ситуации обусловлено тем, что законодатель попытался сформировать новую договорную конструкцию из договора коммерческого найма и договора социального найма, предоставив нанимателям в частном жилищном фонде коммерческого использования право пожизненного пользования чужим жилым помещением.

ственникам и предоставляемые по договорам найма специализированных жилых помещений – помещений в общежитиях гражданам в связи с их трудовыми, служебными или образовательными отношениями. А все иные здания, внешне похожие на общежития, но помещения в которых не включены в специализированный фонд или вообще находятся в частной собственности, должны признаваться многоквартирными домами. О правильности подобного подхода свидетельствует и правоприменительная практика, согласно которой если граждане проживают в жилых помещениях общежитий на основании заключенных договоров социального найма либо на праве собственности и при этом такие здания были в качестве многоквартирных домов признаны в установленном порядке до 1 января 2017 года аварийными и подлежащими сносу или реконструкции в связи с физическим износом в процессе их эксплуатации, то эти здания подлежат включению в региональную адресную программу по переселению граждан из аварийного жилищного фонда субъекта РФ²³.

Определившись с понятием и сущностью общежитий в рамках действующего правового регулирования, скажем несколько слов о классификации общежитий.

Очевидно, что общежития следует типизировать на государственные и муниципальные, а государственные общежития – на федеральные и региональные. Отметим еще раз, что никаких частных общежитий мы не признаём.

Независимо от приведенной классификации все общежития можно разделить по типу планировки (с учетом технических характеристик) на коридорные (коридорного типа), блочные и квартирные (квартирного типа). Коридорные общежития состоят из комнат и помещений вспомогательного (общего) использования; блочные общежития – из блоков, каждый из которых содержит несколько комнат с общим на блок санузлом. Наконец, квартирные общежития состоят из квартир с отдельными санузлом и кухней.

Если в качестве критерия выбрать «цель использования», можно выделить студенческие общежития (включая поселение любых обучающихся и абитуриентов) и служебные общежития (для поселения граждан в связи с их работой или службой). К сожалению, мы вынуждены признать наличие в стране смешанных общежитий, используемых одновременно для поселения преподавателей и обучающихся граждан. Неоправданно, с нашей точки зрения, выделять по последнему основанию военные (войсковые), рабочие и тому подобные общежития ввиду отсутствия смысла в такой классификации: в одном и том же общежитии в военной части могут одновременно проживать и военнослужащие, и работники части, не обладающие этим статусом.

И наконец, по субъектному составу можно выделить общежития для одиноко проживающих граждан, семейные и смешанные общежития. Хотя данная классификация небесспорна. Так, по мнению Г. Ф. Шешко, «Жилищный кодекс не предусматривает наличия семейных общежитий. Вместе с тем указание о применении правил статьи 69 ЖК РФ к общежитиям позволяет вести речь об определенной регламентации вопросов в отношении семейных общежитий»²⁴.

²³ О переселении граждан из аварийного жилищного фонда: письмо Госкорпорации «Фонд содействия реформированию ЖКХ» от 28 марта 2019 г. № ОП-07/475. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_337111/.

²⁴ Шешко Г. Ф. Жилые помещения специализированного жилищного фонда. Предоставление, пользование, выселение // Жилищное право. 2006. № 1. С. 23.

Приведенные классификации общежитий имеют значение для целей учета жилых помещений и проживающих в них граждан, а также могут быть использованы в статистических и познавательных (образовательных) целях.

Подытоживая исследование правового режима общежитий, отметим, что рассмотренная категория не может быть признана рудиментарной. Общежития государственного и муниципального специализированных жилищных фондов еще долгое время будут оставаться оптимальным механизмом решения жилищного вопроса граждан, нуждающихся во временном жилье в связи с возникновением у них образовательных, служебных или же трудовых отношений на территории, находящейся вне места их постоянного проживания, а правовой статус этих граждан заслуживает отдельного исследования.

Библиографический список

Алексеева Е. В. Выселение из общежитий: теория и судебная практика // Семейное и жилищное право. 2023. № 4. С. 26–28. DOI: 10.18572/1999-477X-2023-4-26-28.

Гурбанова Э. В. Договор найма жилого помещения специализированного жилищного фонда: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

Дятлов П. Н. Порядок пользования служебными жилыми помещениями и общежитиями. Киев: Будівельник, 1976.

Илларионов С. Ю. Гражданско-правовое регулирование прекращения прав на жилые помещения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.

Карпенко Н. В. Правоотношения найма жилого помещения в общежитии: понятие, структура и динамика: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.

Карпенко Н. В. Правоотношения найма жилого помещения в общежитии: понятие, структура и динамика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.

Сибилев М. Н. Право на жилую площадь в общежитии: дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1974.

Симонов В. Н. Правовой режим общежитий // Семейное и жилищное право. 2006. № 3. С. 2–5.

Сулова С. И. Правовые формы жилищных отношений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015.

Шешко Г. Ф. Жилые помещения специализированного жилищного фонда. Предоставление, пользование, выселение // Жилищное право. 2006. № 1. С. 16–26.

Шипунова Е. А. Жилищное правоотношение по найму специализированного жилого помещения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 343.13

DOI: 10.17072/2619-0648-2025-4-168-181

Информационный обмен в уголовном судопроизводстве: трансформация форм коммуникации и ее влияние на процесс доказывания

Н. А. Моругина

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса

Воронежский институт МВД России
394065, Россия, г. Воронеж, пр-т Патриотов, 53

E-mail: moruginy@mail.ru

Аннотация: в настоящей статье рассмотрен информационный обмен как феномен цифровизации в контексте различных исторических периодов и технологических изменений. В ходе исследования автором выделены новые формы коммуникации, подчеркнуты их преимущества и влияние на процесс доказывания и сделан вывод о том, что информация, относящаяся к уголовному делу, может быть использована в качестве доказательства, если она отвечает таким критериям, как обоснованность, легитимность, полнота, релевантность, достоверность.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; обмен информацией; коммуникация; эмодзи; цифровая подпись; log-файл; квантовый сенсор; электронное доказательство

© Моругина Н. А., 2025

Эта работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Information Exchange in Criminal Proceedings: the Transformation of Forms of Communication and Its Impact on the Proof Process

N. A. Morugina

Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
53, prospekt Patriotov, Voronezh, 394065, Russia

E-mail: moruginy@mail.ru

Abstract: *the author examines information exchange as a phenomenon of digitalization in the context of various historical periods and technological changes. The study identified new forms of communication, emphasizing their advantages and impact on the process of proof. It is concluded that information related to a criminal case can be used as evidence if it meets such criteria as validity, legitimacy, relevance, completeness, and reliability.*

Keywords: *criminal proceedings; information exchange; communication; emojis; digital writing; log-file; quantum sensor; electronic evidence*

Формирование мировой системы знаний происходит в процессе познания мира благодаря информации¹, которая существует и используется в устной, письменной, электронной² и цифровой форме. Соглашаясь с профессором С. В. Зуевым в том, что информация – это ключевая категория, определяющая направление развития человечества на современном этапе³, выделим некоторые особенности совершенствования передачи информации в контексте различных исторических периодов и технологических изменений.

1. Невербальный обмен информацией.

Коммуникация⁴ – это передача информации от одного человека к другому посредством специальных сигналов, где «существуют отправитель, получатель и само сообщение»⁵. В обществе, не знавшем письменности, существовало два способа коммуникации: невербальный (жестовый) и вербальный (словесный).

¹ См., например: *Бачило И. Л.* Информационное право – новая отрасль права Российской Федерации (методология, теория, практика) // Государство и право. 2008. № 3. С. 85–92.

² См., например: *Соколов Ю. Н.* Информационные технологии и оборот цифровых данных в криминалистике: вопросы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург. 2023. С. 35.

³ *Зуев С. В.* Информация как межотраслевая правовая категория: видеолекция. URL: <https://rutube.ru/video/a7198fd5975f51102607ff9aa27de211>.

⁴ Коммуникация – от лат. *communicatio* (сообщение, передача) и *communicare* (связывать).

⁵ *Печникова Р. Б.* Электронные сообщения как источник криминалистически значимой информации в расследовании преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. С. 26.

Невербальная коммуникация включает в себя процесс кодирования информации⁶ и ее расшифровки⁷. К примеру, перуанские индейцы обменивались необходимыми сведениями благодаря узелковому письму – кипу, с помощью которого передавали важную статистическую и юридическую информацию. Принцип передачи информации состоял в следующем: к толстой веревке привязывали в виде бахромы шнуры, имеющие разную толщину, длину и цвет. Узлы вязали разными способами (простые, двойные, тройные), их местоположение определяло важность информации: если узелок на шнурке располагался близко к веревке-основе, то сообщение, которое он нес, было очень важным. Цвет узла также имел значение. К примеру, красный «сообщал» о войне, белый – о мире, черный – о смерти. Неокрашенный узел обозначал число: простой – десять, двойной – сто, тройной – тысячу. Содержание «текста» изучали, перебирая узелки пальцами. Данная мнемоническая и счетная система была необходима для сбора, хранения и учета информации специалистами, которых называли «кипукамайоки»⁸.

В дальнейшем распространение получил жестовый метод передачи сведений. Самые ранние жесты, созданные для общения, донесли до нас наскальные рисунки (петроглифы), пиктограммы⁹ и идеограммы¹⁰. Содержавшаяся в них информация основывалась на ключевой концепции символа.

Древнеримский жест *pollice verso* или *verso pollice* (в переводе с латинского «поворот большого пальца») был впервые показан толпе, наблюдавшей за боем гладиаторов, и обрекал побежденного гладиатора на смерть¹¹. Со временем язык жестов усложнился, появились другие жесты с иным содержанием:

- › рукопожатие правыми руками как демонстрация «пустых рук без оружия» – жест, символизировавший мирные намерения, скреплявший заключение договора;
- › рукопожатие левыми руками – недоверие, расторжение договора;
- › палец вверх – одобрение;
- › палец вниз – порицание;
- › палец внутри кулака – пощада;
- › скрещенные пальцы – оправдание лжи и т.д.

Мы и сегодня продолжаем использовать жесты, выражая ими одобрение или осуждение, призыв или угрозу и т.д.

⁶ Кодирование невербальной информации – это процесс генерирования информации через эмоции. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Nonverbal_communication.

⁷ Расшифровка невербальной информации («невербальная чувствительность») – способность воспринимать закодированные эмоции и точно интерпретировать их значение. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Nonverbal>.

⁸ Богатко Ю. Узелковое письмо. URL: <https://arzamas.academy/materials/81>.

⁹ Пиктограмма – это символ, представляющий концепцию, объект, деятельность, место или событие посредством иллюстрации.

¹⁰ Идеограмма – графические символы, несущие в себе идею, передающие более абстрактные понятия (например, глаз со слезой означал «печаль»).

¹¹ Вариант и Версия (этимология). URL: <https://s-yaroslav.livejournal.com/226886.html>.

Заметим, что жесты, которые использовали для общения наши предки, очень напоминают смайл-жесты – эмодзи¹², ставшие обязательной частью коммуникации в WhatsApp*, Viber, Skype и Telegram.

Эмодзи были разработаны в XX веке японским ученым Ш. Курита для платформы мобильного интернета i-mode с целью облегчения электронного общения. Первые эмодзи представляли собой иконические индикаторы эмоций.

В. Эванс, проанализировавший эмодзи как форму цифровой коммуникации, определил их как «новый язык цифровой эпохи»¹³, который помогает передавать эмоциональные сигналы. Н. Шенберг назвал эмодзи «глобальной формой общения в мире», функционирующей при текстовом общении аналогично тону голоса и языку тела¹⁴. Д. Маренго и его коллеги считают, что эмодзи – это «надежная форма выражения смысла»¹⁵. С таким определением термина «эмодзи» в какой-то мере согласился Пятнадцатый арбитражный апелляционный суд Ростова-на-Дону: рассмотрев переписку в мессенджере WhatsApp* как цифровое доказательство факта совершения сделки при согласовании условий договора, в своем постановлении от 29 июня 2023 г. № 15АП-8889/23 он признал эмодзи «большой палец вверх» эквивалентным электронной подписи под документом¹⁶. Добавим, что с 2018 года международная судебная практика воспринимает эмодзи как цифровое доказательство по уголовному делу, признавая его допустимым.

Э. Л. Сидоренко, оценивая роль смайлов в генезисе преступного поведения, выделяет три группы таких эмодзи: призывы к совершению противоправных действий; угрозы; инструменты, облегчающие совершение преступления¹⁷. В подтверждение позиции ученого приведем некоторые практические примеры выделенных Э. Л. Сидоренко групп. Во Франции мужчину, отправившего девушке эмодзи «пистолет», приговорили к трем месяцам лишения свободы, расценив этот смайл-жест как призыв к совершению преступления. В Новой Зеландии преследовавшему девушку после расставания мужчине назначили наказание в виде восьми месяцев лишения свободы: отправленный им смайл-жест «самолет» потерпевшей был воспринят как угроза, а судом – как электронное доказательство по делу¹⁸. В Калифорнии в качестве

¹² Японский иероглиф 絵 переводится как «картинка», 文字 – как «знак», «символ» // Meaning of Japanese kanji characters in emoji. URL: <https://cotoacademy.com/meaning-japanese-kanji-characters-emoji>.

* Являются продуктами компании META, запрещенной в России.

¹³ Evans V. The emoji code: how smiley faces, love hearts and thumbs up are changing the way we communicate. London: Michael O'Mara Books Ltd., 2017. P. 5.

¹⁴ Schoenberg N. Emojis get a big (thumbs-up emoji) from British linguist. URL: <https://www.chicago-tribune.com/2017/11/01/emojis-get-a-big-thumbs-up-emoji-from-british-linguist/>.

¹⁵ Marengo D., Giannotta F., Settanni M. Assessing Personality Using Emoji: An Exploratory Study // Personality and Individual Differences. 2017. Vol. 112. P. 75.

¹⁶ Судебная практика: реакция в мессенджере как согласование условий договора. URL: <https://ksp36.ru/press/news/98/3275>.

¹⁷ Сидоренко Э. Л. Эмодзи-преступления: типология и алгоритмы квалификации // Мировой судья. 2024. № 4. С. 14–19.

¹⁸ Яшина В. Эмодзи в суде: плюсы, минусы и примеры из практики. URL: <https://pravo.ru/story/242042/>.

улик, подтверждающих обвинение мужчины в сутенерстве, были использованы эмодзи «туфли на высоком каблуке» и «сумка с денежными средствами»¹⁹. В судах Китайской Народной Республики зафиксировано 158 дел, где эмодзи были признаны доказательствами²⁰.

Стоит отметить, что суды в России при рассмотрении уголовных дел тоже начали признавать эмодзи «юридически значимым действием»²¹, расценивая смайлы как составную часть электронной переписки и трактуя их разными способами по собственному усмотрению. Так, Ленинский районный суд г. Перми (Пермский край) вынес свой приговор по делу № 1-144/2019, расценив эмодзи как руководство к действию: «07.05.2018 в электронном сообщении ФИО2 написала о том, что после обеда 08 мая она встречается с человеком по вопросу передачи денежных средств, использовав при этом “значок денежного мешка (эмодзи)”, дав понять о необходимости подготовить 1 млн рублей в ближайшие дни для передачи неизвестному сотруднику ИФНС России»²². Яшкульским районным судом Республики Калмыкия, рассматривавшим уголовное дело по обвинению гражданина К. в совершении преступления, предусмотренного частью 2 статьи 159 Уголовного кодекса РФ²³, было установлено, что «при помощи сотового телефона Samsung Galaxy J8, iPhone 5, iPhone 7... принадлежащих потерпевшим ФИО1, ФИО2, ФИО3... скопировав стиль общения потерпевших, использовав множество эмодзи, он обманным путем завладел денежными средствами их знакомых»²⁴, и суд квалифицировал общение с помощью эмодзи как умышленное введение в заблуждение потерпевших относительно адресата отправителя сообщений. В 2023 году Следственным комитетом РФ г. Пензы было возбуждено уголовное дело по статье 280.3 УК РФ в отношении гражданина Н., ставившего эмодзи «палец вверх» антивоенным постам²⁵.

На основании вышеизложенного считаем, что эмодзи как символ информационного обмена при сетевом общении, обеспечивающий письменную коммуникацию дополнительным смыслом и содержащий в себе информацию, имеющую значение для уголовного дела, при совокупности доказательств и подтверждении подлинности может расцениваться как электронное доказательство.

¹⁹ *Айтекова Е.* Эмодзи решили использовать как доказательства в суде. Даже несмотря на их возможно субъективную интерпретацию. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/63dd125f9a7947539ce3c6d1>.

²⁰ *Zhanhang Y.* Chinese Courts See Rise in Emojis Used as Evidence in Lawsuits. URL: <https://www.sixthtone.com/news/1010658>.

²¹ *Мотовилова А.* На ПМЮФ предложили признать некоторые эмодзи экстремистскими. URL: <https://www.fontanka.ru/2024/06/26/73758227>.

²² Приговор Ленинского районного суда г. Перми от 8 июля 2019 г. по делу № 1-144/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc>.

²³ Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой 24 мая 1996 г.: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. (ред. от 01.09.2025).

²⁴ Приговор Яшкульского районного суда Республики Калмыкия от 4 сент. 2019 г. по делу № 1-58/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/jQq37gxtzYUR/>.

²⁵ На пенсионера из Пензы завели уголовное дело о дискредитации армии за лайки в «Одноклассниках». URL: <https://ok.ru/i.moscow/topic/155056252148646>.

2. Вербальный обмен информацией.

При вербальном (словесном) обмене общение становится транзитом информации от одного субъекта к другому посредством разговорной речи, представляющей собой кодирование мыслей в звук. Воспроизведение устной речи происходит благодаря акустическому сигналу, образующемуся «в результате сложной анатомо-физиологической деятельности человека»²⁶. Основными средствами вербальной коммуникации считаются язык и письменность. С развитием сознания и языка возникает особый способ обмена информацией – «языковые операции общения»²⁷.

В России, как и в других странах мира, законодательно закреплён принцип языка уголовного судопроизводства, который играет ключевую роль в установлении языковых контактов и отношений между его участниками²⁸. И здесь нельзя не согласиться с профессором М. П. Поляковым, утверждающим, что прежде, чем «письменность как порождение информационной революции уверенно проникла в уголовно-процессуальную технологию и заняла в ней подобающее место, понадобилась еще одна интеллектуально-мировоззренческая революция... инквизиционный (разыскной) процесс»²⁹.

Напомним, что в эпоху народовластия, при незначительном распространении грамотности, «производство по делу» носило преимущественно словесный характер, вызов на публичную площадь осуществлялся «по кличу», а доказательства вины/невиновности, так же как и судебное решение, заслушивались устно. Судья при выдвигании обвинения применял не писанные законы, а всем известные обычаи. До середины XII века в судопроизводстве Англии «клятвенное заверение» было самым универсальным способом обмена информацией. Суть коммуникации заключалась в следующем: если одно лицо обвиняло другое в совершении преступления, то Королевский суд или суд манора предлагал обвиняемому найти доказательства невиновности – к примеру, привести свидетелей, которые заверили бы суд в его невиновности, либо озвучить «клятву невиновности», которая засчитывалась как алиби. Сегодня в качестве примеров вербального общения в уголовном судопроизводстве можно выделить такие стадии судебного разбирательства, как прения сторон и последнее слово подсудимого, в рамках которых внутреннее убеждение судьи формируется через восприятие вербальной информации, озвученной сторонами или подсудимым.

С изобретением алфавита (около 850 лет до н. э.) постепенно во все сферы человеческой деятельности проникла письменность как одна из форм бумажного обмена информацией. Согласно Толковому словарю С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, под письменностью понимается «совокупность языковых и графических средств

²⁶ Трифонова Н. А. Использование в раскрытии и расследовании преступлений специальных знаний в области фоноскопии // Сибирский юридический вестник. 2007. № 4 (39). С. 100.

²⁷ Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии / под ред. Д. А. Леонтьева, Е. Е. Соколовой. М.: Смысл, 2001. С. 63.

²⁸ См. об этом подробнее: Копылова О. П., Курсаев А. В. Принцип языка в российском уголовном судопроизводстве: учеб. пособие. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007.

²⁹ Поляков М. П. Доказательства и цифропись в уголовном процессе: ожидание волшебства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 1 (49). С. 230.

письменного общения»³⁰. В соответствии с ГОСТ 7.79-2000 (ИСО 9-95), принятым Межгосударственным Советом по стандартизации, метрологии и сертификации, письменность основана на алфавитной системе письма и базируется на кириллическом или латинском алфавитах³¹.

Ю. Н. Соколов, проанализировав научные публикации конца XIX – начала XX века, выделил преимущества письменного обмена информацией перед устной коммуникацией. Так, по мнению автора, письменная форма исключала ошибки притязаний в толковании (требовании) сторон или умышленное искажение устной передачи информации; документированное судебное решение подтверждало существование, порядок и содержание уголовного разбирательства, делая его «бесспорным»; письменная запись обеспечивала возможность обновления воспоминаний о событиях преступления, а также сопоставления показаний участников процесса, данных в разное время³².

Рассматривая письменность как медиатеchnологию, Ю. Н. Соколов обоснованно сделал вывод о том, что, во-первых, она должна быть представлена «на специальном языке, либо с помощью кириллического алфавита, либо цифрового кода»; во-вторых, ее начертательные (графические) символы, коды и приемы должны быть строго последовательны; в-третьих, ее фиксация может быть не только на бумажном, но и на электронном носителе информации³³.

Вторя словам ученого, Н. Ю. Прокопенко назвала письменность «алфавитным кодированием», предположив, что каждое слово можно закодировать «последовательностью нулей и единиц», заменив буквы их порядковыми номерами в алфавите и записав после этого номерá в двоичном виде³⁴.

И действительно, в настоящее время письменность с привычной для всех нас алфавитной формы и традиционного бумажного носителя переходит на электронную форму представления информации³⁵. Наблюдается постепенное замещение классической письменности, ее преобразование в цифровой код, обусловленный языком программирования. М. П. Поляков, рассуждая о «цифровизации», ввел новый термин письменности – «цифропись», определив ее как «технологии-идеологию», которая порождает «потребность в теоретическом осмыслении и последующем практическом внедрении принципиально нового вида доказательства, основанного не на “слове”, а на “цифре”»³⁶.

³⁰ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 1949–1992. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/159842>.

³¹ ГОСТ 7.79-2000 (ИСО 9-95). Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Правила транслитерации кирилловского письма латинским алфавитом: введен в действие Постановлением Гос. ком. Рос. Федерации по стандартизации и метрологии от 4 сент. 2001 г. № 371-ст.

³² Соколов Ю. Н. Указ. соч. С. 73–74.

³³ Там же. С. 19.

³⁴ Прокопенко Н. Ю. Теория кодирования: учеб. пособие. Н. Новгород: ННГАСУ, 2023. С. 6.

³⁵ Соколов Ю. Н. Указ. соч. С. 76.

³⁶ Поляков М. П. Указ соч. С. 230.

Считаем, что «цифропись» обладает рядом преимуществ, которые делают ее эффективным инструментом для обмена информацией, а именно:

- благодаря «цифрописи» достигается экономия пространства при хранении информации;
- обработка данных, структурирование, преобразование, анализ поступившей информации с помощью различных технологий позволяют быстро найти и извлечь необходимые сведения;
- передача информации через цифровые (квантовые) каналы связи осуществляется мгновенно, что крайне важно для развития коммуникации;
- доступность электронной (цифровой) информации в любое время и с любого носителя упрощает работу с ней;
- применение различных методов шифрования для защиты информации повышает уровень ее безопасности.

4. *Электронный (цифровой) обмен информацией (данными).*

Концепция электронного обмена данными зародилась с развитием Интернета как всемирной коммуникационной системы, предназначенной для хранения и передачи информации.

В статье 2 (п. б) Типового закона об электронной торговле Комиссии ООН по праву международной торговли понятие «электронный обмен данными» определено как «электронная передача информации с одного компьютера на другой с использованием согласованного стандарта структуризации информации»³⁷.

Напомним, что в 1969 году между двумя университетами США – Калифорнийским и Стэнфордским, – подключенными к компьютерной коммуникационной сети ARPANet³⁸ обычными телефонными линиями, было передано в электронном виде слово «логин». В качестве передающего и принимающего оборудования использовались электронные вычислительные машины (ЭВМ), представлявшие собой множество шкафов, выстроенных в ряд. А в 1971 году ученый Р. Томлинсон, подключив к ARPANet пятнадцать терминалов в виде микрокомпьютеров и впервые используя символ @ («привязка к месту»), произвел обмен информацией в форме электронного письма (сообщения). Данный информационный след на электронном устройстве, который был сформирован, оставлен либо передан на другое электронное устройство, и есть электронное сообщение³⁹.

ГОСТ Р 53898-2013⁴⁰, устанавливающий требования к электронному сообщению, указывает, что это файл либо набор файлов, передаваемых из одной системы

³⁷ Типовой закон об электронной торговле Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ): принят на 29-й сессии Ком. Орг. Объед. Наций по праву междунар. торговли: рекомендован резолюцией 51/162 Ген. Ассамблеи от 16 дек. 1996 г.

³⁸ Advanced Research Projects Agency Network (ARPANet). Разработчиками компьютерной сети были такие ученые, как В. Серф, С. Крокер, Д. Постел, Р. Брадэн, М. Вингфильд и Д. Крокер.

³⁹ Печникова Р. Б. Электронные сообщения как источник криминалистически значимой информации... С. 19.

⁴⁰ ГОСТ Р 53898-2013. Системы электронного документооборота. Взаимодействие систем управления документами. Технические требования к электронному сообщению: утв. и введен

в другую, обязательной частью которого является паспорт. Паспорт представляет собой XML-документ с заданным составом элементов и их атрибутов («название» = «значение»), содержащий информацию о передаваемом электронном сообщении. Стандарт также указывает на то, что электронное сообщение может быть подписано электронной подписью и (или) зашифровано.

В. Г. Вехов, Б. П. Смагоринский и С. А. Ковалев считают, что электронные сообщения – это информация, переданная или полученная пользователем информационно-телекоммуникационной сети, и относят к ним сообщения, отправляемые с электронной почты, а также SMS- и MMS-сообщения⁴¹. А. И. Гройсберг определяет электронное сообщение как переданную адресату посредством информационно-телекоммуникационных сетей (таких, например, как сеть Интернет, мобильные сети связи, локальные сети) информацию, содержащую в себе сведения, имеющие значение для правильного разрешения дела⁴². К такого рода сведениям он относит и электронную переписку, то есть взаимосвязанные между собой электронные сообщения, переданные одним и тем же пользователем одному или определенному кругу получателей посредством информационно-телекоммуникационной сети.

В современном мире практически ни один гражданин в своей повседневной жизни и ни одно юридическое лицо в своей деятельности не обходятся без электронной переписки. Вполне естественно, что стороны в уголовном процессе пытаются сослаться на такую переписку как на доказательство⁴³. В этом плане интересно мнение Н. А. Липского и Е. М. Попова, относящих электронную переписку (в электронной почте, мессенджере) к доказательствам по уголовному делу⁴⁴.

Представляется, что электронная переписка может служить доказательством по уголовному делу при условии ее изъятия с соблюдением процессуальных норм, а также при соответствии требованиям достоверности (подлинность и неизменность полученной информации), аутентификации и релевантности. Кроме того, электронная информация, в том числе электронная переписка, должна быть «относимой к делу точно так, как и любые другие непроцессуальные данные» и получена «1) надлежащим субъектом доказывания, 2) надлежащим способом собирания доказательств и 3) из надлежащего источника доказательств»⁴⁵.

Отметим, что впервые электронную переписку признали уликой и допустимым доказательством в 1986 году в США: по уголовному делу *United States v. Smith*

в действие приказом Федер. агентства по техническому регулированию и метрологии от 8 нояб. 2013 г. № 1465-ст.

⁴¹ Вехов В. Б., Смагоринский Б. П., Ковалев С. А. Электронные следы в системе криминалистики // Судебная экспертиза. 2016. Вып. 2 (46). С. 14–15.

⁴² Гройсберг А. И. Электронные доказательства в системе правосудия по гражданским делам // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9, № 2. С. 57.

⁴³ Сообщения в социальных сетях как доказательство в уголовном процессе. URL: <https://dzen.ru/a/W6-03v57KQCqksrV>.

⁴⁴ Липский Н. А., Попов Е. М. Проблемы электронной переписки в уголовно-процессуальном доказывании // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2017. № 3 (63). С. 82–86.

⁴⁵ Калиновский К. Б., Маркелова Т. Ю. Доказательственное значение «электронной» информации в российском уголовном процессе // Российский следователь. 2001. № 6. С. 18–19.

обвиняемый К. Смит, использовавший электронную почту, которая содержала информацию о преступлении, был признан виновным в совершении преступления «Кража личной информации»⁴⁶.

На сегодняшний день российские суды также учитывают данные электронной переписки, которые органы предварительного расследования «закладывают» в основу обвинения.

К примеру, в приговоре Заволжского районного суда г. Ярославля фигурируют осмотренные и приобщенные к материалам уголовного дела «скриншоты электронного письма от “Васильева Юлия” на электронную почту ФИО13, высланной ФИО13 текст ответа на защите выпускной квалификационной работы, а именно:

– скриншоты писем с электронной почты, содержащие таблицы и схемы к выпускной квалификационной работе;

– скриншоты переписки ФИО13 с абонентом “Васильева Юлия” в приложении “Ватсап”* с сообщениями, содержащими указание на вопрос, который ФИО1 задает ФИО13, и ответ на данный вопрос;

– сообщение ФИО1 в 12 часов 21 минуту: “Таня 4”, “Уговорила”»⁴⁷.

Указанная информация электронной переписки была признана судом доказательством по уголовному делу.

В 1960-х годах распространение получил термин «логирование информации», означающий процесс формирования логов, то есть фиксации и структурирования информации о работе системы в отдельные лог-файлы с возможностью быстрого доступа к ним в случае необходимости.

Log-файл интернет-активности (или журнал событий информационной среды) – это электронный журнал автоматического ведения учета системной информации, фиксирующий действия пользователей в Сети⁴⁸, содержащий IP-адреса, сведения о времени захода и выхода пользователя, посещениях им сторонних сайтов, взаимодействиях с другими пользователями и проведении различных операций. Отметим, что log-файл может быть представлен и в печатном виде, и в «письменном» (записан на любой носитель с полной информацией о логах, задействованных программах и их настройках)⁴⁹.

За неизменность любой электронной информации отвечает хеш-код – уникальная строка символов, полученных после применения специальной хеш-функции к определенным входным данным. Указанный процесс называется *хешированием* и необходим для подтверждения целостности и подлинности данных. Если электрон-

⁴⁶ Кража личности (Похищение цифровой личности, англ. *Identity theft*) – преступление, при котором незаконно используются персональные данные человека для получения материальной выгоды.

* Являются продуктами компании META, запрещенной в России.

⁴⁷ Приговор Заволжского районного суда г. Ярославля от 19 янв. 2024 г. по делу № 1-178/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/lzft9rT4t2L9/>.

⁴⁸ Можно ли Log-файл использовать в суде в качестве доказательств. URL: <https://zarlaw.ru/articles/mozhno-li-log-fayl-ispolzovat-v-sude-v-kachestve-dokazatelstv/>.

⁴⁹ Там же.

ная информация подвергалась изменению, хеш-код также будет изменен, что укажет на возможную подложность этой информации.

Стоит отметить, что суды при исследовании доказательств по уголовному делу в одних случаях признают log-файлы иным документом («Приложение № 1 заключения содержит log-файлы (файлы о событиях в системе), подтверждающие факт подключения к карточке абонента +<***> через учетную запись “MR_<***>” в указанную дату»⁵⁰), в других – вещественным доказательством («Вещественные доказательства по делу: лист с информацией о вызовах по log-файлу... хранить при уголовном деле»)⁵¹.

Мы, соглашаясь с В. Н. Григорьевым и О. А. Максимовым в том, что «электронные записи, электронная почта, файлы обработки информации, файлы с изображениями все чаще являются важными доказательствами в уголовных делах»⁵², а также с выводом В. С. Черкасова о том, что электронная информация есть «основной источник доказательств в электронном виде»⁵³, и предложением А. С. Борисова о закреплении в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации⁵⁴ понятия «процессуально значимая информация»⁵⁵, считаем, что информация, относящаяся к уголовному делу, может быть использована в качестве доказательства, если она отвечает определенным критериям, таким как:

- законность, обоснованность, легитимность (получена, собрана и обработана в соответствии с законом и правовыми нормами);
- полнота (предоставлена в полном объеме);
- релевантность (имеет отношение к фактам: связана с делом, влияет на выводы и т.д.);
- достоверность (не искажена и не изменена).

5. Квантовый обмен информацией.

Определенный научный интерес представляет выделение периодов развития квантового обмена информацией.

Первый период – первая половина XX века. Развитие физики приводит к появлению транзисторов (1947 г.) и зарождению квантовой физики, а впоследствии – мобильной телефонной связи и Интернета.

⁵⁰ Приговор Учалинского районного суда Республики Башкортостан от 22 нояб. 2023 г. по делу № 1-285/2023. URL: <https://www.zakonrf.info/gorsud/doc-7a9db682-b6fe-538d-a2dd-818211209770>.

⁵¹ Приговор Олекминского районного суда Республики Саха (Якутия) от 27 июля 2020 г. по делу № 1-59/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/uwYmO0VVWbM/>.

⁵² Григорьев В. Н., Максимов О. А. Понятие электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 2 (84). С. 34.

⁵³ Черкасов В. С. Правовое регулирование применения электронных средств в доказывании на досудебных стадиях уголовного процесс: дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2022. С. 9.

⁵⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ: принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г.: одобрен Советом Федерации 5 дек. 2001 г. (ред. от 31.07.2025).

⁵⁵ Борисов А. С. Совершенствование уголовно-процессуального режима обращения информации в досудебном производстве в эпоху цифровой трансформации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. Вып. 3 (65). С. 448–470.

Второй – конец XX века: переход от коллективных квантовых явлений к индивидуальным. С 1980 года активно развивается обмен информацией с использованием квантовых каналов связи (включая создание квантового Интернета, квантового компьютера, квантовых сенсоров, сервисов, датчиков). Данный способ передачи информации становится самым безопасным и надежным, поскольку нет необходимости преобразования данных в цифровой формат.

Третий – начало XXI века. Квантовые технологии применяются для обеспечения национальной безопасности при обмене информацией по квантовым каналам связи.

Четвертый – настоящее время. В 2019 году Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ опубликовало на официальном сайте Дорожную карту развития «сквозной» цифровой технологии «Квантовые технологии». Целью данной программы значится получение в среднесрочной и долгосрочной перспективе практически значимых научно-технических и практических результатов мирового уровня по таким субтехнологиям, как квантовые вычисления, коммуникации, сенсоры и метрология⁵⁶. Общий бюджет для развития квантовых технологий в России, предложенный этой дорожной картой, составлял 51,1 млрд рублей.

Напомним, что функционирование квантового обмена информацией основано на методе квантовой оптики (вычисление при помощи света), позволяющем осуществить передачу квантовых кодирующих последовательностей – ключей (синхронный или отложенный обмен данными) таким образом, что любая попытка несанкционированного доступа становится невозможной⁵⁷.

Следует согласиться с выводом А. Ю. Чуриковой, которая считает, что благодаря квантовым сервисам можно будет создать бесконтактное 3D-изображение, собрать и проанализировать большой объем данных при производстве по уголовному делу. По мнению ученого, при помощи квантовых датчиков органы предварительного расследования смогут, к примеру, произвести фактический обыск в помещении, формально не проникая в него⁵⁸, а квантовые сенсоры⁵⁹ будут незаменимы в качестве «оценщиков» достоверности сведений, полученных при допросе (квантовый «детектор лжи»), при производстве экспертиз по уголовным делам и в криптографических целях для исключения фальсификации уголовно-процессуальных документов (квантовые точки)⁶⁰.

⁵⁶ Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Квантовые технологии»: утв. М-вом цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Рос. Федерации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335563/.

⁵⁷ Квантовые технологии. Модуль 5. Узнайте больше о квантовых коммуникациях. URL: <https://nplus1.ru/material/2020/02/06/course-quantum-technology-chapter5>.

⁵⁸ Чурикова А. Ю. Риски ограничения прав человека при использовании квантовых технологий в уголовном судопроизводстве // Информационное право. 2024. № 3 (81). С. 27–30.

⁵⁹ Квантовый сенсор – это устройство, используемое для измерения физических величин, таких как температура, давление и т.д. По сути, напоминает детектор лжи.

⁶⁰ Чурикова А. Ю. Использование информационных технологий и систем в уголовном судопроизводстве: возможности, риски, правовое регулирование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2024. С. 20.

Благодаря многообразию видов коммуникации (невербальная, вербальная, электронная и, потенциально, квантовая) и взаимодополняющих форм обмена данными мы можем говорить о том, что полученная законным способом информация позволяет оценить достоверность собранных доказательств, выявить закономерности, лежащие в основе механизма совершения преступлений, и установить факты, необходимые для принятия обоснованного решения и имеющие значение для уголовного дела.

Мы полагаем, что извлечение информации должно осуществляться с использованием специализированного программного оборудования и с привлечением специалиста для гарантии обеспечения целостности и сохранности данных. Кроме того, при необходимости могут быть назначены такие экспертизы, как *компьютерно-техническая* (для анализа структуры и содержания электронной информации, включая log-файлы (формат, тип записей и временные метки; восстановление удаленной информации или поврежденных записей; идентификация и верификация событий; оценка подлинности данных)) и *судебно-лингвистическая* (для верной интерпретации информации, ее контекстуального анализа, выявления намерений и т.д.).

Подводя итог, следует сказать о том, что в условиях стремительного развития технологий, изменения форм передачи информации важно, чтобы правовая система, идя в ногу со временем, смогла адаптироваться к новым реалиям. И дело не только в совершенствовании правового регулирования уголовно-процессуальных отношений, но и в переосмыслении самого подхода к интерпретации полученной информации, ее оценке и, как факт, признанию в качестве электронного доказательства.

Библиографический список

Бачило И. Л. Информационное право – новая отрасль права Российской Федерации (методология, теория, практика) // Государство и право. 2008. № 3. С. 85–92.

Борисов А. С. Совершенствование уголовно-процессуального режима обращения информации в досудебном производстве в эпоху цифровой трансформации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. Вып. 3 (65). С. 448–470. DOI: 10.17072/1995-4190-2024-65-448-470.

Вехов В. Б., Смагоринский Б. П., Ковалев С. А. Электронные следы в системе криминалистики // Судебная экспертиза. 2016. Вып. 2 (46). С. 10–19.

Григорьев В. Н., Максимов О. А. Понятие электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 2 (84). С. 33–44.

Гройсберг А. И. Электронные доказательства в системе правосудия по гражданским делам // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9, № 2. С. 55–75. DOI: 10.24031/2226-0781-2019-9-2-55-75.

Зуев С. В. Информация как межотраслевая правовая категория: видеолекция. URL: <https://rutube.ru/video/a7198fd5975f51102607ff9aa27de211>.

Калиновский К. Б., Маркелова Т. Ю. Доказательственное значение «электронной» информации в российском уголовном процессе // Российский следователь. 2001. № 6. С. 18–19.

Копылова О. П., Курсаев А. В. Принцип языка в российском уголовном судопроизводстве: учеб. пособие. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007.

Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии / под ред. Д. А. Леонтьева, Е. Е. Соколовой. М.: Смысл, 2001.

Липский Н. А., Попов Е. М. Проблемы электронной переписки в уголовно-процессуальном доказывании // Ученые записки Санкт-Петербургского им. В. Б. Bobкова филиала Российской таможенной академии. 2017. № 3 (63). С. 82–86.

Печникова Р. Б. Электронные сообщения как источник криминалистически значимой информации в расследовании преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024.

Поляков М. П. Доказательства и цифровая подпись в уголовном процессе: ожидание волшебства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 1 (49). С. 229–231.

Прокопенко Н. Ю. Теория кодирования: учеб. пособие. Н. Новгород: ННГАСУ, 2023.

Сидоренко Э. Л. Эмодзи-преступления: типология и алгоритмы квалификации // Мировой судья. 2024. № 4. С. 14–19. DOI: 10.18572/2072-4152-2024-4-14-19.

Соколов Ю. Н. Информационные технологии и оборот цифровых данных в криминалистике: вопросы теории и практики: дис. ... д-ра. юрид. наук. Екатеринбург. 2023.

Трифонов А. А. Использование в раскрытии и расследовании преступлений специальных знаний в области фоноскопии // Сибирский юридический вестник. 2007. № 4 (39). С. 100–104.

Черкасов В. С. Правовое регулирование применения электронных средств в доказывании на досудебных стадиях уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2022.

Чурикова А. Ю. Использование информационных технологий и систем в уголовном судопроизводстве: возможности, риски, правовое регулирование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2024.

Чурикова А. Ю. Риски ограничения прав человека при использовании квантовых технологий в уголовном судопроизводстве // Информационное право. 2024. № 3 (81). С. 27–30. DOI: 10.55291/1999-480X-2024-3-27-30.

Marengo D., Giannotta F., Settanni M. Assessing Personality Using Emoji: An Exploratory Study // Personality and Individual Differences. 2017. Vol. 112. Pp. 74–78. DOI: 10.1016/j.paid.2017.02.037.

Evans V. The Emoji Code: How Smiley Faces, Love Hearts and Thumbs Up are Changing the Way We Communicate. London: Michael O'Mara Books Ltd., 2017.

Zhanhang Y. Chinese Courts See Rise in Emojis Used as Evidence in Lawsuits. URL: <https://www.sixthtone.com/news/1010658>.

Информация для цитирования

Ex jure

Моругина Н. А. Информационный обмен в уголовном судопроизводстве: трансформация форм коммуникации и ее влияние на процесс доказывания // Ex jure. 2025. № 4. С. 168–181. DOI: 10.17072/2619-0648-2025-4-168-181

Morugina N. A. Information Exchange in Criminal Proceedings: the Transformation of Forms of Communication and Its Impact on the Proof Process. *Ex jure*. 2025. № 4. Pp. 168–181. DOI: 10.17072/2619-0648-2025-4-168-181

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 349.2

DOI: 10.17072/2619-0648-2025-4-182-196

Соотношение норм международного, регионального международного и национального права в регулировании отношений в сфере труда

А. И. Семешко

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры трудового и международного права

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: 2939207@gmail.com

Аннотация: в настоящей статье анализируются вопросы соотношения, приоритета применения, пределов действия норм международной, региональной международной и национальной правовых систем по вопросам регламентации трудовых и связанных с ними правоотношений. Международное частное трудовое право – это сложная совокупность публично-правовых и частноправовых норм различного происхождения, регламентирующих особым образом трудовые отношения, осложненные иностранным и (или) международным элементом. Комплексность указанных правоотношений требует формирования уникального способа правового регулирования, отвечающего потребностям участников современных отношений в сфере труда с учетом цели их правового регулирования. Видится целесообразным анализ сложностей применения норм разной правовой природы, уровня их создания, порядка применения в их сочетании для выработки функционального подхода к сущности и порядку регулирования правоотношений в сфере труда, осложненных иностранным и (или) международным

© Семешко А. И., 2025

Эта работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

элементом. Интерес представляют в числе прочего коллизии и некоторые пробелы правового регулирования труда международных служащих Евразийского экономического союза (ЕАЭС), с одной стороны регламентируемые правом ЕАЭС, с другой – функционирующие в юрисдикции государства пребывания соответствующих органов ЕАЭС. При этом в любом случае необходимым является соблюдение международных стандартов труда при регулировании искомых правоотношений. Эти и иные вопросы требуют специальных подходов к упорядочению отношений в сфере труда, что и является предметом настоящего исследования.

Ключевые слова: международное трудовое право; применимое право; сфера труда; ЕАЭС; нормы международного права; интеграция государств

The Relation Between the International, Regional International and National Law Norms in Labor Sphere Regulation

A. I. Semeshko

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

E-mail: 2939207@gmail.com

Abstract: *this article analyzes the issues of correlation, priority of application, and the limits of operation of norms from international, regional international, and national legal systems in the regulation of labor and related relations. Private international labor law is a complex set of private and public law norms of various origins, specifically regulating labor relations complicated by a foreign and/or international element. The complexity of these legal relations necessitates the development of a unique method of legal regulation that meets the needs of participants in contemporary labor relations, taking into account the objectives of their legal regulation. It appears advisable to analyze the complexities of applying norms of different legal nature, levels of creation, and procedures of application, combined with the aim of developing, through the functional approach, the essence and order of regulation of labor relations complicated by a foreign and/or international element. Of particular interest are, among other things, the conflicts of laws and certain regulatory gaps in the legal regulation of the labor of international civil servants of the Eurasian Economic Union (EAEU), who, on the one hand, are governed by EAEU law, and on the other hand, operate within the jurisdiction of the host state of the relevant EAEU bodies. In any case, compliance with international labor standards remains necessary in the regulation of such legal relations. These*

and other issues call for specialized approaches to the regulation of labor relations, which is the subject of this research.

Keywords: *international labor law; applicable law; labor sphere; norms of international law; EAEU; integration of states*

Актуальная внешнеполитическая повестка имеет свое заметное влияние на взаимодействие государств и внутринациональные процессы в абсолютном большинстве сфер общественной жизни. Нельзя не отметить и неизбежные трансформации в области закрепления и реализации социальных прав человека и механизмов их защиты. Выход Российской Федерации из состава членов Совета Европы¹ с последующим прекращением участия в качестве стороны Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод² (в силу части 3 статьи 58 данной конвенции) и Европейской социальной хартии³ обусловил необходимость пересмотра приоритетов и направлений международного сотрудничества Российской Федерации в вопросах глобальной социальной устойчивости, всеобщего мира, социальной справедливости. Тем не менее для Российской Федерации по-прежнему являются актуальными проблемы обеспечения безопасных и справедливых условий труда, учитывая принцип свободы труда⁴.

Нужно отметить, что высокая значимость труда выявлена еще основателями трудовой теории стоимости А. Смитом и У. Петти: труд есть источник всякого богатства⁵. К определению понятия «труд» обращались многие ученые. К. Маркс рассматривал труд с разных позиций: как сознательную целесообразную деятельность человека, как условие существования человеческого общества, а также как проявление рабочей силы, источник богатства, источник стоимости и т.д.⁶ С точки зрения К. Р. Макконнелла, труд – это физические и умственные способности и усилия людей, которые могут быть использованы для производства товаров и услуг⁷. Труд также может быть определен как осознанная, энергозатратная, общепризнанная целесообразная деятельность человека, людей, требующая приложения усилий, осуществления работы⁸. В этом контексте можно отметить дифференцированный подход к определению понятия «труд». В любом случае непосредственно труд порождает

¹ О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы: Федер. закон от 28 февр. 2023 г. № 43-ФЗ: принят Гос. Думой 16 февр. 2023 г.: одобрен Советом Федерации 22 февр. 2023 г.

² Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 нояб. 1950 г.).

³ Европейская социальная хартия (пересмотренная) (Страсбург, 3 мая 1996 г.).

⁴ О содержании принципа свободы труда см.: Бугров Л. Ю. Проблемы свободы труда в трудовом праве России. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1992.

⁵ Орлов В. В., Васильева Т. С. Философия экономики. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005. С. 109.

⁶ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии: в 3 т. Т. 1, кн. 1: Процесс производства капитала. М.: Политиздат, 1988. С. 55–56, 188, 195, 219–220, 225–226, 319–321, 516, 539, 561, 603–604.

⁷ Макконнелл К. Р., Брю С. Л. Экономикс: принципы, проблемы и политика: учеб. / пер. с англ. М.: Инфра-М, 2002. С. 36.

⁸ Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. М.: Инфра-М, 1997. С. 346.

собственно трудовые отношения. Они – отношения по поводу труда между работником и работодателем – занимают центральное место в предмете трудового права⁹.

Кроме непосредственно трудовых отношений в целях исследования нужно учитывать и те отношения, которые тесно связаны с трудовыми. Из них одни предшествуют трудовым отношениям, другие функционируют одновременно с ними, третьи приходят им на смену¹⁰. Наличие таких отношений и важность их включения в предмет трудового права подтверждает, в частности, указание на них в статье 1 Трудового кодекса РФ¹¹. Когда речь идет об отношениях, предшествующих трудовым, то понимаются отношения по трудоустройству у данного работодателя, цель которых обеспечение граждан работой. Отношения, сопутствующие трудовым, различны по своему содержанию, в их круг включаются, в частности, отношения по организации труда и управлению трудом. На смену трудовым отношениям могут прийти отношения по рассмотрению трудовых споров, которые помогают защите прав и законных интересов работников и работодателей, справедливому и лояльному разрешению неурегулированных разногласий в вопросах труда. Таким образом, трудовые отношения выступают определяющим фактором для существования иных правоотношений, взаимодействие которых с трудовыми отношениями порождает «сферу труда», включающую в себя как непосредственно труд, так и иные связанные с трудом явления в виде отношений по трудоустройству, рассмотрению трудовых споров, участию в управлении трудом и т.п.

При этом отношения, составляющие сферу труда, могут выходить за пределы одной государственной юрисдикции, осложняться иностранным и (или) международным элементом правоотношения. Более того, в современном мире границы между государствами могут становиться более прозрачными, а иногда и сложно определяемыми, когда повсеместно актуализируются дистанционные формы осуществления трудовой функции, поиск новых способов организации перемещений как работников, так и работодателей и средств для реализации их задач. Эти и другие особенности отношений, формирующих сферу труда, требуют учета юрисдикции иностранного государства или наднационального образования. А это обуславливает важность вопроса о применимом праве, решаемого на основании коллизионной нормы и (или) унифицированной нормы прямого действия, а также международного сотрудничества, опирающегося на международные договоры в сфере труда.

Сутью международно-правового регулирования труда продолжает оставаться учреждение международных соглашений (многосторонних и двусторонних договоров)

⁹ См. об этом подробнее: *Молодцов М. В., Головина С. Ю.* Трудовое право России. М.: Норма, 2003. С. 1–2; Трудовое право: учеб. / под ред. О. В. Смирнова, И. О. Снигиревой. М.: Проспект, 2007. С. 8; Трудовое право России / под ред. Ю. П. Орловского, А. Ф. Нуртдиновой. 2-е изд. М.: Инфра-М: Контракт, 2008. С. 13; *Лушников А. М., Лушникова М. В.* Курс трудового права: в 2 т. Т. 1: Сущность трудового права и история его развития. Трудовые права в системе прав человека. Общая часть. 2-е изд., перераб. и доп. М: Статут, 2009. С. 362–375.

¹⁰ См. об этом, например: Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации / отв. ред. Ю. П. Орловский. М.: Инфра-М, 2009. С. 3.

¹¹ Трудовой кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ: принят Гос. Думой 21 дек. 2001 г.: одобрен Советом Федерации 26 дек. 2001 г. (ред. от 29.09.2025).

о наемном труде, включая его охрану, защиту индивидуальных и коллективных прав и интересов работников. В целом международно-правовое регулирование труда представляет собой определение международных стандартов условий труда посредством международных документов¹².

В основу анализа международного регулирования труда необходимо положить тот факт, что международные стандарты труда должны рассматриваться как фундамент не только международных правоотношений, но и правового регулирования внутри страны. Они призваны одновременно повышать уровень прав и гарантий трудящихся, отвечать потребностям законодательства государств с разным социально-политическим уровнем, а также обеспечивать необходимые условия жизни трудящимся-мигрантам и членам их семей, определяя их трудовой статус. Естественно, что при таких задачах оптимальным способом установления международных трудовых стандартов является согласование воле государств, поиск компромиссов и внесение предложений по усовершенствованию международно-правовой базы по указанным вопросам¹³. Так, международный договор в сфере труда есть зафиксированное в письменной форме согласование воле, достигнутое субъектами международного права относительно регулирования определенных отношений в сфере труда в соответствии с общепризнанными нормами международного права.

Однако необходимо учитывать, что международно-правовое регулирование отношений в сфере труда не может подменять соответствующие нормы национального права посредством детального регулирования всего объема отношений, составляющих предмет трудового права и смежных отраслей. Роль норм международного права сводится к установлению общих принципов, стандартов, на которые должны ориентироваться государства, осуществляя регламентацию труда на национальном уровне. Это, с одной стороны, согласуется с особой ролью «мягкого права» среди искомых источников правового регулирования, то есть тех международно-правовых актов, которые не обладают обязательной юридической силой, но являются ориентирами для проведения внутригосударственной политики в исследуемой области¹⁴. С другой стороны, важным становится особый подход к регламентации тех трудовых отношений (в частности, осложненных иностранным/международным элементом), которые не могут быть эффективно урегулированы нормами национального права в силу того, что их регулирование должно учитывать выход данных правоотношений за пределы юрисдикции одного государства. При этом довольно часто проявляется связь не только с национальным правом конкретного государства, но и с наднациональными структурами.

Классификация международных договоров в сфере труда по различным критериям и объединение их в определенные группы по различным основаниям дают возможность более глубоко и разносторонне исследовать эту разновидность между-

¹² Асриян Б. А. *Международный труд: основные правовые понятия* // *Международное публичное и частное право*. 2004. № 1. С. 42.

¹³ Семешко А. И. *Международные договоры в сфере труда и их включение в систему трудового права России: моногр.* Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2013. С. 24.

¹⁴ Гусов К. Н., Лютов Н. Л. *Международное трудовое право: учеб.* М.: Проспект, 2013. С. 117–118.

народных договоров, понять их институциональные и функциональные особенности, юридическую силу и природу, а также место и роль в системе других источников трудового права, как международного, так и национального.

Международные договоры, представляющие интерес для мирового сообщества государств в целом и затрагивающие фундаментальные вопросы сферы труда, можно характеризовать как субъектно-универсальные. При этом нужно учитывать, что универсальность относительно субъектов-государств во многих случаях не абсолютна, а ограничена членством в той или иной международной организации. Тем не менее субъектно-универсальные договоры содержат в себе нормы, составляющие каркас международного регулирования отношений в сфере труда. Формулировка «субъектно-универсальные международные договоры в сфере труда», с одной стороны, отражает содержательную сущность понятия, с другой – указывает на трудовую специфику договоров. Субъектно-региональные международные договоры в сфере труда предполагают, что их субъектами могут быть государства, расположенные в каком-то одном регионе мира: в Европе, части Европы, на постсоветском пространстве и т.п.

Нужно отметить и то, что международные договоры в сфере труда подразделяются на общие и специальные, поскольку для международного уровня, так же как и для национального, характерно сочетание единства и дифференциации в правовом регулировании труда. Без этого невозможно учесть все факторы, влияющие на трудовую деятельность работников многочисленных отраслей экономики, с тем чтобы сохранить здоровье этих работников и обеспечить их нормальное функционирование. Отличие общих актов от специальных проявляется в том, что, во-первых, акты общего характера распространяются на всех трудящихся, имея, таким образом, всеобъемлющий характер, а во-вторых, регламентируют именно те аспекты в регулируемой сфере, на основе которых разрабатывается внутреннее законодательство. Специальные нормы основываются на необходимости особой правовой защиты некоторых категорий работников и регулировании специфических условий труда. Нормы такого рода, предусматривая более льготный порядок регламентации труда, чем у обычных работников, создаются на базе общих норм, но направлены на улучшение положения определенных категорий работников.

Двусторонние и многосторонние международные договоры и соглашения, заключенные Российской Федерацией с другими государствами вне рамок международных межправительственных организаций, также могут иметь общий и специальный характер. Первые определяют основные направления сотрудничества РФ с отдельными государствами в социально-трудовой сфере (например, заключенное в Пекине Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о временной трудовой деятельности граждан Российской Федерации в Китайской Народной Республике и граждан Китайской Народной Республики в Российской Федерации от 3 ноября 2000 г.), по вопросам охраны труда (например, Соглашение о порядке расследования несчастных случаев на производстве, произошедших с гражданами одного государства – члена Евразийского экономического сообщества при осуществлении трудовой деятельности на территории другого государства – члена Евразийского экономического сообщества от

31 мая 2013 г.) и в других областях. Вторые регулируют отношения, связанные, например, с трудовой деятельностью и социальной защитой работников-мигрантов и членов их семей (Соглашение между Правительством РФ и Правительством Киргизской Республики «О трудовой деятельности и социальной защите трудящихся-мигрантов» от 28 марта 1996 г.; Соглашение между Правительством РФ и Правительством Республики Польша «О принципах трудовой деятельности российских граждан на территории Республики Польша и польских граждан на территории Российской Федерации» от 15 марта 1994 г. и др.).

Таким образом, следует констатировать наличие системы международных договоров в сфере труда, классифицируя которую можно указать на наличие следующих видов: рамочные соглашения о сотрудничестве государств в социально-трудовой сфере; соглашения по вопросам регулирования труда мигрантов и членов их семей; соглашения по вопросам регулирования временной трудовой деятельности; соглашения о принципах направления и приема на работу в организации за пределами государства гражданства; соглашения по вопросам регулирования социальной защиты мигрантов и членов их семей; соглашения о гарантиях пенсионных прав; другие соглашения по вопросам регулирования сферы труда. Необходимо отметить, что специальные договоры в сфере труда могут быть также выделены и в зависимости от специализации категорий работников и работодателей (моряки, шахтеры, работники гостиниц и т.п.), и по фрагментам содержания правоотношений (заработная плата, рабочее время и т.д.).

Важное значение приобретают нормы международного права, которые, не будучи нормами международных договоров, тем не менее необходимы для регулирования специфических отношений в сфере труда, выходящих за пределы юрисдикции одного государства. В частности, речь идет об актах наднационального трудового права в рамках международной организации¹⁵. Нужно согласиться с выводами исследователей о том, что объединения государств могут создавать международные субъекты, в основе деятельности которых согласованное волеизъявление государств. Однако следует учитывать, что созданные такими субъектами международные нормы не являются продуктом творчества государств, создавших эти субъекты. Их создает, «творит» само интеграционное образование в лице своих органов и институтов, вследствие чего анализируемые нормы располагают определенным потенциалом для сегрегирования¹⁶.

При этом практически всегда правовым фундаментом интеграции государств выступают международные договоры, способствующие сближению национальных правовых систем государств-участников международной организации и унификации систем права государств-членов интеграции. И даже с учетом того, что участником трудовых и тесно связанных с ними отношений сегодня нередко становится такой

¹⁵ См. об этом: Евразийское трудовое право: учеб. / Е. А. Волк, Е. С. Герасимова, С. Ю. Головина [и др.]; под общ. ред. М. В. Лушниковой, К. С. Раманкулова, К. Л. Томашевского. М.: Проспект, 2017. С. 28–32.

¹⁶ Ануфриева Л. П. Международные судебные органы в евразийской интеграции (проблемы теории международного права) // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 10 (59). С. 197.

сложный субъект права, как транснациональная корпорация, требующая применения целого комплекса специфических правил, положений и особого рода правовых актов (негосударственных регуляторов)¹⁷, принципы международного права и нормы компетентного национального права остаются основой правового регулирования.

Согласованность позиций государств в правовом регулировании правоотношений, осложненных иностранным элементом, необходима во избежание конфликтов правовых систем в части как материального, так и коллизионного регулирования. Такая согласованность проявляет необходимый симбиоз международных и внутригосударственных норм, на что в свое время справедливо указывал Л. Ю. Бугров¹⁸.

Задачей, стоящей перед международным частным правом, является установление такого режима правового регулирования, который корректно определяет то применимое право, которое для конкретного трудового отношения будет действительно компетентным (иными словами, определение правопорядка, наиболее тесно связанного с подлежащим регламентации правоотношением). Необходимо согласиться, что в ситуации неопределенности локализации правоотношения в сфере труда (например, когда отношения развиваются в цифровом пространстве, либо имеет место постоянное перемещение субъекта правоотношения, или же трудно определить местонахождение стороны, чье исполнение по договору имеет решающее значение для его содержания) сложнее назвать ту систему правовых норм, которая в данном случае будет применимой, и тогда транснациональное право может оказаться оптимальным источником правового регулирования искомых отношений.

Следует также учитывать, что основные положения международного частного права диктуют необходимость определения права как совокупности норм, составляющих часть какой-то определенной национальной правовой системы. Признавая наличие дискуссии о применении общих принципов права, принципов справедливости, *lex mercatoria*, важно указать, что вопрос находится за пределами исследуемой тематики. При этом значимой остается дефиниция «система права», а также решение вопроса, являются ли транснациональное право и право интеграционное системами¹⁹. В науке высказывается мнение о том, что принцип верховенства права Евросоюза и принцип его прямого действия вторгаются в «святая святых» – суверенитет национального права государств, по сути отрицая его. Это указывает на особую сущность наднационального права и обеспечивает эффективность права Евросоюза, его новые качественные характеристики, делающие эту организацию государствомподобной²⁰.

¹⁷ См. об этом, например: *Люттов Н. Л.* Эффективность норм международного трудового права: моногр. М.: Проспект, 2014. С. 163–171.

¹⁸ *Бугров Л. Ю.* О содержании термина «международное трудовое право» // Международное российское и зарубежное законодательство о труде и социальном обеспечении: современное состояние (сравнительный анализ): материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 25–28 мая 2011 г.). М.: Проспект, 2011. С. 20–25.

¹⁹ См. об этом, например: *Ануфриева Л. П.* Указ. соч. С. 193–201; *Кашкин С. Ю.* Интеграционное право как перспективное направление развития юридической науки и образования // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 10 (47). С. 2151–2160.

²⁰ *Кашкин С. Ю.* Философия интеграционного права // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 2 (99). С. 49.

В отличие от представленного подхода к правовому регулированию в Европейском союзе, в ЕАЭС государства согласовали разрешение коллизионного вопроса в пользу национального права. На это прямо указывает пункт 4 статьи 97 Договора о Евразийском экономическом союзе: «Трудовая деятельность трудящегося государства-члена регулируется законодательством государства трудоустройства с учетом положений настоящего Договора»²¹. Достоинно поддержки мнение исследователей в области международного трудового права о разумности дополнения правового регулирования в рамках ЕАЭС оговоркой о возможности применения нормы, устанавливающей для трудящегося государства-члена ЕАЭС более благоприятные условия осуществления трудовой деятельности в государстве трудоустройства²². В этой связи интересно замечание К. Р. Раманкулова и А. С. Раманкуловой относительно используемых национальными актами государств-членов ЕАЭС типов коллизионных привязок при регулировании отношений международного частного трудового права на постсоветском пространстве. Они считают неоправданным и упрощенным подход, при котором принципы и нормы, регулирующие гражданские правоотношения, распространяются на отношения, входящие в предмет трудового права, ибо это может повлечь применение коллизионных правил регулирования гражданско-правовых отношений к специфическим трудовым конструкциям, что исключает учет их особенной правовой природы, отраженной в принципах трудового права²³.

В одних случаях ключевым является вопрос приоритета применения норм различной юридической силы внутри конкретной национальной юрисдикции. В других случаях главенствующим может стать вопрос о пределах действия национального права – например, в ситуациях, когда требуется отрегулировать отношения в сфере труда с участием международных служащих, должностных лиц и сотрудников международных организаций. Тогда необходимо выяснить, применимы ли к регламентации отношений с такими работниками гарантии в сфере труда, предусмотренные национальным трудовым законодательством, и при каких условиях национальное законодательство вводится в право интеграции государств.

Интересно, что при регулировании отношений в сфере труда необходимо учитывать в порядке приоритета принципы (основные начала) и непосредственно трудового права, и также международного частного права и международного публичного права. Как справедливо отмечено в литературе, эффективность международного трудового права нужно оценивать, принимая во внимание то, что оно представляет собой явление более широкое, чем нормы официально действующего (позитивного) права, установленные государством, в которое входят все источники или формы выражения международного трудового права. Обоснованно научное положение о том, что «все формы международного трудового права, которые нельзя отнести к нормам права

²¹ Договор о Евразийском экономическом союзе: подписан 29 мая 2014 г. (ред. от 25.05.2023; с изм. и доп. вступ. в силу с 24.06.2024).

²² Евразийское трудовое право: учеб. С. 134.

²³ Раманкулов К. Р., Раманкулова А. С. Коллизионное регулирование трудовых отношений с иностранным участием в трудовом праве государств ЕАЭС: проблемы и тенденции // *European and Asian Law Review*. 2024. Т. 7, № 4. С. 64.

в строгом позитивистском смысле, так или иначе связаны с обеспечением реализации положений, закрепленных в самих нормах международного трудового права»²⁴.

В этом случае система правовых норм, регулирующих отношения с сфере труда (в том числе те из них, которые осложнены иностранным элементом), должна включать в себя следующие элементы:

– нормы международных договоров, нормы-принципы международного права *jus cogens*;

– коллизионные принципы и закрепляющие их нормы, на основе которых делается выбор применимого (компетентного) права при регулировании данного конкретного правоотношения (в комплексных отношениях необходимо построение более сложной структуры взаимосвязей между коллизионными нормами, в том числе кумуляция коллизионных привязок);

– нормы национального права или международного договора, определяющие порядок применения норм международного и национального права в конкретном случае правового регулирования, правила применения компетентных норм, определяющие пределы действия регуляторов правоотношения;

– публично-правовые нормы законодательства государства, на чьей территории осуществляется выполнение трудовой функции или разворачиваются (имеют тесную связь, локализацию с государством) трудовые и иные непосредственно связанные с ними отношения;

– специальные материально-правовые нормы, регламентирующие труд с участием иностранного и (или) международного элемента, призванные наиболее полно отразить специфику этого блока искомых правоотношений;

– нормы трудового национального права как специальные, то есть способные урегулировать именно правоотношения в сфере труда, избегая аналогии закона гражданско-правовых норм, которые не отражают специфику и потому неспособны учитывать трудовую природу, единство и дифференциацию, именно так сочетанные публичные и частные правовые начала отношений в сфере труда;

– положения рекомендательных международных актов²⁵;

– положения международных коллективных договоров и отраслевых соглашений в области труда;

– правила корпоративных актов многонациональных корпораций, локальных актов работодателя;

– положения кодексов поведения международных неправительственных организаций.

²⁴ Лютов Н. Л. Указ. соч. М: Проспект, 2014. С. 31.

²⁵ По поводу признания рекомендательных актов в качестве источников международного трудового права см.: Дмитриева И. К. Принципы российского трудового права: моногр. М.: Цифровичок, 2004. С. 117–118; Лушников А. М. Международное трудовое право и право социального обеспечения: генезис и развитие (XIX – начало XXI в.) // Вестник трудового права и социального обеспечения. 2009. Вып. 4. С. 26; Лушникова М. В. О единстве (унификации, гармонизации) и дифференциации источников международного трудового права и права социального обеспечения // Вестник трудового права и права социального обеспечения. 2009. Вып. 4. С. 42; Тункин Г. И. Теория международного права / под общ. ред. Л. Н. Шестакова. М.: Зерцало, 2009. С. 203; Шестерякова И. В. Международные трудовые нормы и трудовое право России: их соотношение и коллизии. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2011. С. 33–52.

На сегодняшний день видится целесообразным классифицировать отношения в сфере труда на группы в зависимости от оптимального способа регламентации данного блока трудовых отношений, учитывая природу и сущность последних. Так, в сфере труда существуют такие блоки отношений, которые требуют жесткого нормирования посредством закона, повышенного внимания со стороны государства к обеспечению прав и законных интересов сторон с целью упорядочения общественных отношений, создания правового «контура», внутри которого на территории данного государства возможно возникновение, развитие, функционирование правоотношений в сфере труда. И здесь важно отметить, что природа международных частнопровых отношений диктует необходимость в отдельных случаях регулировать их нормами различных национальных систем права одновременно. При этом конкретными регуляторами выступают нормы, созданные и функционирующие как в системе международного права, так и в системе национального права.

На основании изложенного можно утверждать, что содержание правоотношений обуславливает форму юридического воздействия со стороны государства на поведение работников, работодателей, иных участников отношений искомой сферы правового регулирования.

При изучении особенностей применения норм международного, регионального международного и национального права в регулировании отношений в сфере труда необходимо принять во внимание, что под таким регулированием понимается регламентация отношений путем установления государством на каждом из существующих уровней правил поведения обязательного характера, обеспеченность которых гарантируется государством, в том числе посредством реализации международно-правовых механизмов.

При этом разная сущность отдельных групп отношений в сфере труда обуславливает применение разных способов воздействия на данные группы правоотношений. Так, в одной из групп отношений, осложненных иностранным элементом, необходимо директивное установление правил поведения участников трудовых и иных, непосредственно связанных с ними отношений; в другой группе важно согласование воли государств по вопросам регулирования искомых правоотношений таким образом, чтобы частные лица имели преференции по сравнению с иностранцами из третьих стран; а иная группа трудовых отношений нуждается в обязательной опоре на международные стандарты труда, а также в гарантии механизмов международно-правовой защиты прав человека. В определенном смысле такое разделение позволяет свести к минимуму противоречия в толковании норм международными и национальными судами. По аналогии с международными механизмами защиты прав человека, когда конкретные международные институты действуют на основании конкретного международного договора, у международного суда в качестве правового основания для рассмотрения спора есть норма субъектно-регионального международного договора; в свою очередь национальные суды обязаны руководствоваться национальными законами, регулирующими отношения в сфере труда, с учетом того, что нормы внутреннего права должны соответствовать международным обязательствам государства.

Также необходимо помнить, что нормы международного договора существенно отличаются от норм национальных правовых актов. Если последние содержат конкретные положения о правах и обязанностях участников правоотношения и отклонение от этих правил влечет нарушение закона, то применение норм международного договора довольно часто предполагает усмотрение и государства, внутри юрисдикции которого применяется норма международного договора, и международного суда, разрешающего спор на основании такой нормы. При этом важен учет пределов толкования международного договора и ограничений усмотрения государства²⁶. Подлинно значимым является понимание свободы правового усмотрения судьи международного суда в совокупности с соответствием правилам толкования международных договоров (ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров)²⁷. Инструментом упорядочения конфликтов в толковании норм международных договоров стала возможность государств-участников такого соглашения обращаться в международный суд объединения государств за консультативными заключениями с целью решения спорных ситуаций на стадии предварительного толкования, чтобы указанный акт суда носил преюдициальный характер. В европейской системе защиты прав человека такой механизм закреплен в Протоколе № 16 к Конвенции о защите прав и основных свобод человека 1950 г.

Думается, благодаря описанным особенностям толкования и применения нормы международных договоров представляются живым и динамично развивающимся инструментом правового регулирования. Они являют собой такое правило поведения, которое необходимо толковать в зависимости от меняющихся представлений о правах человека, объективной правовой реальности в контексте развития права. Такое свойство международных договоров обеспечивается правом суда международного (регионального международного) объединения государств давать автономное толкование норм, которые заложены в международном договоре. Необходимо учитывать, что судебное толкование опирается на понимание системы норм права как свободной от противоречий и гармоничной подвижной конструкции «из ценностей, выраженных в принципах права, обычных нормах, сложившихся на практике, и позитивных нормах, закрепленных в словесной форме»²⁸. Например, в июне 2017 года Евразийская экономическая комиссия (далее – Комиссия), руководствуясь пунктом 46 Статута Суда Евразийского экономического союза (далее – Суд), просила Суд предоставить консультативное заключение по вопросу применения положений пункта 3 статьи 9 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (далее – Договор) в их системной взаимосвязи с нормами пункта 43 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе в случае изменения или прекращения трудовых правоотношений (между сотрудниками и Комиссией) и возможности занятия должностей в структурных под-

²⁶ См. об этом, например: *Ковлер А. И.* Соотношение европейского и национального права // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека. 2020. № 6. С. 15–23.

²⁷ Венская конвенция о праве международных договоров (Вена, 23 мая 1969 г.).

²⁸ *Нешатаева Т. Н.* Об общих принципах права и судебном толковании // Журнал российского права. 2023. Т. 27, № 3. С. 122.

разделениях Комиссии без соблюдения требований пункта 3 статьи 9 Договора и пункта 54 Положения о Евразийской экономической комиссии. В результате Суд, руководствуясь пунктами 46, 47, 50, 68, 69, 73, 96, 98 Статута Суда, статьями 72, 85 Регламента Суда²⁹, предоставил консультативное заключение по заявлению Комиссии о разъяснении положений Договора³⁰, а также, в соответствии с пунктом 1 статьи 79 Регламента Суда, особое мнение судьи Т. Н. Нешатаевой³¹. В декабре 2024 года гражданка РФ Л. В. Щур-Труханович, занимающая должность директора Правового департамента Комиссии, на основании пункта 46 Статута Суда обратилась в Суд за разъяснением положений Договора, связанных с трудовыми отношениями должностных лиц Комиссии. 14 апреля 2025 года Суд представил консультативное заключение по указанному заявлению, а также особое мнение трех судей Суда³².

С практической точки зрения интересным становится вопрос о том, насколько международные региональные правовые нормы способны конкретизировать и развивать международные стандарты в сфере труда с учетом специфики конкретного региона, а также на каком уровне обеспечено соответствие национальных правовых систем государств интеграции таким региональным международно-правовым положениям. В частности, исследователи сходятся во мнении о необходимости гармонизации трудового законодательства стран-участниц интеграционных объединений, разработки модельных законов, сближения стандартов охраны труда, оплаты труда, социальных гарантий для работников на общем рынке труда³³.

Таким образом, современное трудовое право представляет собой многоуровневую систему, где международные, региональные и национальные нормы призваны взаимодействовать на началах комплементарности. Международные нормы устанавливают базовые стандарты, региональные нормы способствуют их развитию и унификации в рамках интеграционных структур государств, а национальные – конкретизируют и реализуют их на практике. При этом важным и значимым является вопрос приоритета применения исследуемых норм и разрешения коллизий компетентных правовых систем к конкретному отношению в сфере труда, решение которого предлагается искать с позиций функционального подхода, то есть исходя из задач обеспечения достойного труда, защиты прав работников и нахождения справедливого баланса интересов, вне зависимости от уровня нормативного регулирования искомых правоотношений. Функциональное сочетание международного, регионального международного и внутреннего национального уровней регламентации призвано обеспечить целостность системы правового регулирования отношений в сфере труда.

²⁹ Регламент Суда Евразийского экономического союза: утв. решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 дек. 2014 г. № 101.

³⁰ Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 30 окт. 2017 г. № СЕ-2-2/2-17-БК <По заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.>.

³¹ Суд Евразийского экономического союза: офиц. сайт. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaau/P-2.17/.

³² Там же. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaau/P-7.24/.

³³ См. об этом, например: *Шестерякова И. В.* Указ. соч.

Библиографический список

Ануфриева Л. П. Международные судебные органы в евразийской интеграции (проблемы теории международного права) // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 10 (59). С. 193–201. DOI: 10.17803/1994-1471.2015.59.10.193-201.

Асриян Б. А. Международный труд: основные правовые понятия // Международное публичное и частное право. 2004. № 1. С. 42–46.

Бугров Л. Ю. О содержании термина «международное трудовое право» // Международное российское и зарубежное законодательство о труде и социальном обеспечении: современное состояние (сравнительный анализ): материалы VII Международ. науч.-практ. конф. (Москва, 25–28 мая 2011 г.). М.: Проспект, 2011. С. 20–25.

Бугров Л. Ю. Проблемы свободы труда в трудовом праве России. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1992.

Гусов К. Н., Лютов Н. Л. Международное трудовое право: учеб. М.: Проспект, 2013.

Дмитриева И. К. Принципы российского трудового права: моногр. М.: Цифровичок, 2004.

Евразийское трудовое право: учеб. / Е. А. Волк, Е. С. Герасимова, С. Ю. Головина [и др.]; под общ. ред. М. В. Лушниковой, К. С. Раманкулова, К. Л. Томашевского. М.: Проспект, 2017.

Кашкин С. Ю. Интеграционное право как перспективное направление развития юридической науки и образования // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 10 (47). С. 2151–2160.

Кашкин С. Ю. Философия интеграционного права // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 2 (99). С. 43–50. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.99.2.043-050.

Ковлер А. И. Соотношение европейского и национального права // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека. 2020. № 6. С. 15–23.

Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации / отв. ред. Ю. П. Орловский. М.: Инфра-М, 2009.

Лушников А. М., Лушникова М. В. Курс трудового права: в 2 т. Т. 1: Сущность трудового права и история его развития. Трудовые права в системе прав человека. Общая часть. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2009.

Лушников А. М. Международное трудовое право и право социального обеспечения: генезис и развитие (XIX – начало XXI в.) // Вестник трудового права и права социального обеспечения. 2009. Вып. 4. С. 10–40.

Лушникова М. В. О единстве (унификации, гармонизации) и дифференциации источников международного трудового права и права социального обеспечения // Вестник трудового права и права социального обеспечения. 2009. Вып. 4. С. 41–81.

Лютов Н. Л. Эффективность норм международного трудового права: моногр. М.: Проспект, 2014.

Макконнелл К. Р., Брю С. Л. Экономикс: принципы, проблемы и политика: учеб. / пер. с англ. М.: Инфра-М, 2002.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии: в 3 т. Т. 1, кн. 1: Процесс производства капитала. М.: Политиздат, 1988.

Молодцов М. В., Головина С. Ю. Трудовое право России. М.: Норма, 2003.

Нешатаева Т. Н. Об общих принципах права и судебном толковании // Журнал российского права. 2023. Т. 27, № 3. С. 113–125. DOI: 10.12737/jrp.2023.033.

Орлов В. В., Васильева Т. С. Философия экономики. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005.

Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. М.: Инфра-М, 1997.

Раманкулов К. Р., Раманкулова А. С. Коллизионное регулирование трудовых отношений с иностранным участием в трудовом праве государств ЕАЭС: проблемы и тенденции // *European and Asian Law Review*. 2024. Т. 7, № 4. С. 57–73. DOI: 10.34076/27821668_2024_7_4_57.

Семешко А. И. Международные договоры в сфере труда и их включение в систему трудового права России: моногр. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2013.

Трудовое право: учеб. / под ред. О. В. Смирнова, И. О. Снигиревой. М.: Проспект, 2007.

Трудовое право России: учеб. / под ред. Ю. П. Орловского, А. Ф. Нуртдиновой. 2-е изд. М.: Инфра-М: Контракт, 2008.

Тункин Г. И. Теория международного права / под ред. Л. Н. Шестакова. М.: Зерцало, 2009.

Шестерякова И. В. Международные трудовые нормы и трудовое право России: их соотношение и коллизии. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2011.

Информация для цитирования

Ex jure

Семешко А. И. Соотношение норм международного, регионального международного и национального права в регулировании отношений в сфере труда // *Ex jure*. 2025. № 4. С. 182–196. DOI: 10.17072/2619-0648-2025-4-182-196

Semeshko A. I. The Relation Between the International, Regional International and National Law Norms in Labor Sphere Regulation. *Ex jure*. 2025. № 4. Pp. 182–196. DOI: 10.17072/2619-0648-2025-4-182-196

ERRATA

DOI: 10.17072/2619-0648-2025-4-197

В Ex jure № 3, 2025 допущена ошибка. Следует читать:

Страница	Строки	Напечатано	Должно быть
7	6–8 сверху	Кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного права и прокурорского надзора	Доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой трудового и международного права

ПРАВИЛА НАПРАВЛЕНИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ В EX JURE

Представленная статья должна быть оригинальной, не публиковавшейся ранее, соответствующей тематике по группе научных специальностей 5.1. – Право.

Объем текста статьи (без учета метаданных и библиографического списка) – от 20 до 30 тыс. знаков (15–20 стр.). Страницы нумеруются. Шрифт Times New Roman. Междустрочный интервал – полуротный. Размер шрифта (кегель) для основного текста – 14, для сносок – 12. Сноски проставляются постранично, нумерация сквозная.

Правовые акты, упоминаемые в тексте, должны содержать дату принятия, номер и полное официальное наименование. Источник опубликования актов не приводится ни в сносках, ни в библиографическом списке.

Статья должна быть представлена единым файлом и иметь следующую структуру.

1. Метаданные на русском и английском языках:

- название;
- ФИО автора; ученая степень и звание, должность и место работы;
- юридический адрес организации – места работы автора;
- адрес электронной почты автора;
- аннотация: 100–150 слов;
- ключевые слова: 5–7 слов.

2. Текст статьи

3. Библиографический список (оформляется по ГОСТ 7.0.5-2008). Список литературы должен включать только те работы, которые упоминаются в тексте. Рекомендуем обратить внимание на статьи, смежные с тематикой автора, опубликованные в журнале «Вестник Пермского университета. Юридические науки» (www.jurvestnik.psu.ru); ссылки на эти статьи очень приветствуются.

Образцы оформления сносок:

Сырых В. М. История и методология юридической науки. М.: Норма, 2012.

Кузнецова О. А. Вина энергоснабжающей организации при неправомерном перерыве в подаче энергии // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. Вып. 2(28).

Червяков К. К. Основания возникновения и прекращения родительских правоотношений по советскому семейному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1971.

Голубцов В. Г., Кузнецова О. А. Цель цивилистического диссертационного исследования // Методологические проблемы цивилистических исследований: сб. науч. статей / отв. ред. А. В. Габов, В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. М.: Статут, 2016.

Файл статьи в формате «doc» прикрепляется к сопроводительному письму и направляется на адрес электронной почты редакции: ex-jure@mail.ru.

Несоблюдение правил оформления статьи является основанием для отказа в принятии ее к рассмотрению.

Статья, отвечающая требованиям к оформлению, подлежит обязательному анонимному рецензированию членом редакционного совета или редакционной коллегии или привлеченным специалистом в области тематики статьи, с целью ее экспертной оценки. При выборе рецензента главный редактор руководствуется следующими критериями: рецензент должен являться квалифицированным специалистом по тематике рецензируемой рукописи и иметь в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи.

Срок рецензирования составляет 2–3 месяца. Копии рецензии или мотивированный отказ направляются автору. Рецензии хранятся в редакции в течение 5 лет.

Редакция журнала обязуется направлять копии рецензий в Министерство науки и высшего образования РФ при поступлении соответствующего запроса.

Всем научным статьям присваивается DOI.

Плата за рецензирование, публикацию статей и присвоение DOI не взимается.

RULES OF SUBMISSION AND PUBLICATION OF SCIENTIFIC ARTICLES IN *EX JURE*

The presented article must be original, not previously published, corresponding to the thematic scope addressed by scientific disciplines classified as 5.1 - Law.

The volume of a text (excluding metadata and references) – from 20 to 30 thousand characters (15–20 p.). The pages are numbered. Times New Roman Font. Line spacing is 1,5. The font size for the main text is 14, for footnotes – 12. Footnotes are given page by page, numbering should be continuous.

The legal acts mentioned in the text must contain the date of adoption, the number and the full official name. The source of publication of legal acts is not given either in footnotes or in the references.

The article should be presented as a single file and have the following structure.

1. Metadata in Russian and English languages:

- article title;
- name of the author; academic degree and title, position and place of work;
- legal address of the organization—the author's place of work;
- author's email address;
- abstract: 100–150 words;
- keywords: 5–7 words.

2. Text of article.

3. References (drawn up according to GOST 7.0.5-2008). The references should only include works that are cited in the text. We recommend to pay attention to the articles related to the subject of the author, published in the journal “Perm University Herald. Juridical Sciences” (www.jurvestnik.psu.ru). References to these articles are highly welcome.

Sample design footnotes:

Sirih V. M. History and methodology of legal science. Moscow, 2012.

Kuznetsova O. A. The guilt of an electric power supply organization in case of illegal interruption in power supply // Perm University Herald. Juridical Sciences. 2015. № 2(28).

Chervyakov K. K. Grounds for the emergence and termination of parental relations under soviet family law: synopsis of a thesis by PhD in law. Saratov, 1971.

Golubtsov V. G., Kuznetsova O. A. Civil Thesis Research Purpose // Methodological Problems of Civil Researches: Collection of Scientific Articles / Eds. in Ch. A. V. Gabov, V. G. Golubtsov, O. A. Kuznetsova. Moscow, 2016.

The article file in the doc format is attached to the cover letter and sent to the editorial e-mail address: ex-jure@mail.ru.

Failure to comply with the rules of submission and publication is the basis for refusal to accept it for consideration.

The article that meets the rules of submission and publication is subject to anonymous mandatory review by a member of the Editorial Board (or Editorial Staff) or by a specialist in the field of the article subject for the purpose of its expert evaluation. When choosing a reviewer, it is guided by the following criteria: the reviewer should be a qualified expert on the subject of the reviewed article and reported to have published on the subject of the reviewed article for the last 3 years.

The review period is 2–3 months. Copies of the review or a reasoned refusal are sent to the author.

Reviews are kept in the editorial office for 5 years.

The Editorial Board undertakes to send copies of reviews to the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation upon request.

All scientific articles are assigned a DOI.

Fee for peer review, publication and the assignment of a DOI is not charged.

Научное издание

Ex jure
2025. № 4

Редактор *Т. И. Ускова*
Корректор *М. И. Иванова*

Компьютерная вёрстка: *С. А. Овчинникова*
Дизайн обложки: *Т. А. Басова*

Подписано в печать 30.10.2025
Дата выхода в свет 10.11.2025. Формат 70x100/16
Усл. печ. л. 16,25. Тираж 150 экз. Первый завод 25. Заказ 122

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
Управление издательской деятельности
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
+7 (342) 239 66 36
Отпечатано в типографии ПГНИУ
+7 (342) 239 65 47

Распространяется по подписке и бесплатно

Подписка на журнал осуществляется онлайн на сайте «Урал-пресс»
https://www.ural-press.ru/catalog/97266/8671870/?sphrase_id=396144
Подписной индекс 83987